

ДАНА АРНАУТОВА
ЕВГЕНИЯ СОЛОВЬЕВА

КОРОЛЕВА ТЕНЕЙ
Трани безумия

ТОМ 1
КНИГА 3

ИДДК

Дана Арнаутова
Евгения С. Соловьева
Грани безумия. Том 1
Серия «Королева Теней», книга 3

doc предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66657274

Дана Арнаутова, Евгения Соловьева Королева Теней. Книга 3 Грани безумия. Том 1:

Аннотация

«Грани безумия» – фантастический роман Даны Арнаутовой и Евгении Соловьевой, первый том третьей книги цикла «Королева Теней», жанр романтическое фэнтези, приключенческое фэнтези, эпическое фэнтези.

Правление нового короля постепенно вытаскивает Дорвенант из пучины бедствий, но счастлив ли сам Аластор? Грегор Бастельеро готов на все ради Айлин, но почему она все реже улыбается? В Академии появилась крайне подозрительная личность, и Совет Магистров то и дело противодействует своему главе...

Ради редкого счастья настоящей дружбы Лучано решил поторговаться с родной Гильдией за свою свободу, но на его сердце по-прежнему лежит проклятие...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	38
Глава 3	64
Глава 4	91
Глава 5	131
Глава 6	156
Глава 7	180
Глава 8	204
Глава 9	227
Конец ознакомительного фрагмента.	232

**Дана Арнаутова,
Евгения Соловьева
Королева Теней. Книга 3
*Грани безумия. Том 1***

Содержание цикла «Королева Теней»:

Книга 1. Двойная звезда. Том 1

Книга 1. Двойная звезда. Том 2

Книга 2. Клинком и сердцем. Том 1

Книга 2. Клинком и сердцем. Том 2

Книга 2. Клинком и сердцем. Том 3

Книга 3. Грани безумия. Том 1

© Арнаутова Дана, Соловьева Евгения

© ИДДК

Глава 1

Незванные гости

– Нет, – процедил Грегор, переводя взгляд с посетителя на барготову грудку бумаг, меньшую часть которых следовало подписать еще вчера, а большую – неделю назад. – Фиолетовый факультет не нуждается в услугах кладбищенского мастера-профана. Не знаю, от кого вы услышали столь неуместную шутку, сударь...

– Витольс, – напомнил этот самый профан, высокий худощавый незнакомец лет сорока, о котором Грегор никогда ранее не слышал. – Возможно, милорд Великий Магистр, вы все же спросите у магистра Фиолетовой Гильдии? Вдруг мои услуги все-таки пригодятся? Поверьте, у меня весьма богатый опыт в том, что касается нежити.

– Разговор окончен, сударь Витольс, – отрезал Грегор, изрядно устав и от этой беседы, и от не менее странного профана, одетого как состоятельный простолюдин, очень прилично, хотя старомодно. Никакого титула гость не назвал, рекомендаций не предоставил, но держался при этом так, словно был переодетым королем, никак не меньше. Между прочим, кто его вообще впустил в кабинет Архимага? Нужно непременно выяснить и принять меры. – Если это все, чего вы хотели...

– Не все, – без малейшего почтения хмыкнул наглец, рассматривая Грегора, как редкую, но непонятно к чему предназначенную диковинку. – Но, разумеется, не смею навязывать свое общество. Разрешите откланяться, милорд.

И в самом деле склонился в безукоризненно изящном, но слишком неглубоком для простолюдина поклоне, а затем невозмутимо покинул кабинет.

Грегор вздохнул, потер невесть с чего занывшие виски и снова с отвращением взглянул на бумаги. Видит Претемнейшая, до занятий еще три недели, а документов, требующих внимательнейшего прочтения и подписей, уже столько, словно их не разбирали год! Если бы только Грегор мог по-прежнему доверять Райнгартену... Передал бы ему половину, не задумываясь!

Впрочем, можно ведь взять бумаги домой и разобрать их там?

При мысли о доме Грегор ощутил уже привычное нетерпеливое ожидание и поймал себя на том, что понимает Райнгартена, который всегда так спешит домой или во дворец – в зависимости от того, где именно проводит время его драгоценная женушка. Было бы к кому спешить! Впрочем, если Райнгартен любит жену хотя бы вполовину так, как сам Грегор...

Не поехать ли домой прямо сейчас? В конце концов, обед уже давно прошел, а занятий все равно нет, и даже те из преподавателей, кто занят подготовкой к новому учебному году,

не засиживаются в Академии так поздно! Старого Кастельмаро, прошлого Архимага, вовсе невозможно было застать на службе летом.

Грегор бросил взгляд на огромные фраганские часы, присланные в подарок новым королем, те самые, что раньше стояли в спальне Малкольма, и от которых бастард поспешил избавиться как можно скорее, словно торопился вытравить саму память о прежнем короле. Право, лучше бы избавился от кота, следующего за ним везде с такой надменной важностью, словно король тут он! Или от Беатрис! В конце концов, Малкольм любил эти часы. Впрочем, теперь они напоминали Грегору о покойном друге. Стоит, пожалуй, поблагодарить короля не только по требованиям этикета, что Грегор сделал сразу, а про себя, зато от души.

Погрузившись в приятные размышления, он не сразу понял, что за дверью в приемной больше не правит безмятежная тишина. Чьи-то голоса сливались в негромкий неразборчивый гул, заставивший Грегора поморщиться. Кстати, следует выйти и объяснить господам секретарям и насчет недопустимости визитов неизвестных профанов, и насчет соблюдения надлежащего этикета! И сделать это немедленно, а то в последнее время он стал недопустимо благодушен.

Все пятеро секретарей, к величайшему изумлению Грегора, были тихи и благонравны, как только что упокоенные умертвия. Сидя за своими столами, они занимались работой, а голоса принадлежали наглому профану, который, как ока-

залось, никуда не ушел, и... Ну разумеется, разве мог Роверстан упустить такой случай испортить Грегору настроение? Интересно, чего ему-то здесь понадобилось? До этого дня разумник не утомлял Грегора визитами и, кажется, даже его избегал...

– Доброго дня, магистр, – бросил Грегор и перевел взгляд на профана, который с интересом рассматривал книжные шкафы со справочниками. – Могу я узнать, почему вы все еще здесь?

– Доброго дня, милорд Великий магистр, – склонил голову Роверстан. – Вижу, вы уже познакомились с нашим новым преподавателем? Позвольте выразить вам свое восхищение – вы узнаете обо всем так быстро, словно вашей разведкой по-прежнему руководит командор Райнгартен.

– Преподаватель? – холодно уточнил Грегор, в очередной раз дав себе слово не обращать внимания на учтивую издевку разумника. – Должен вас огорчить, Роверстан. Этот сударь ввел вас в заблуждение. Только что я лично отказал ему в месте кладбищенского мастера.

– Какое дивное совпадение! – удивился Роверстан. – А я только что принял достойного сударя Витольса на должность преподавателя истории. В моей гильдии острая нехватка наставников, милорд Архимаг, а сударь Витольс предоставил мне самые убедительные рекомендации от человека, которого я давно знаю и чьему мнению полностью доверяю.

– Вы приняли на должность? – переспросил Грегор так ти-

хо, что едва сам себя услышал. – Не интересуясь моим мнением на этот счет? Профана, которому... попросту не место в Академии?

– Магистр имеет право нанимать преподавателей для своей гильдии по собственному разумению, – с безукоризненной любезностью процитировал Роверстан Устав Ордена. – Что же до того, что профанам не место в Академии... Значит ли это, что в самом скором времени нам потребуются новые берейторы, фехтмейстеры, преподаватели танцев и изящных искусств? Не смею оспаривать ваше решение, но должен признать, мне будет весьма жаль расставаться с мэтром де Берже. Право, у него основы поэзии удастся освоить даже тем из адептов, кто совершенно не склонен к литературной деятельности! Да что там обычные адепты, я сам слышал, как на его уроке Саймон Эддерли сложил безупречно правильный и весьма оригинальный катрен, посвященный радостям жизни! Ушам бы своим не поверил, но катрен при этом был неприличным в той же мере, что и правильным, так что сомнений в авторстве у меня не возникло. А вы хотите лишить нашу Академию такого замечательного преподавателя!

– Роверстан! – не выдержал Грегор и тут же поправился: – Что вы несете, милорд магистр?! Причем тут мэтр де Берже и прочие преподаватели?! Они учат дисциплинам, которые не требуют магии. А этот... сударь... – глянул он в сторону безмятежно спокойного гостя. – Он, извольте знать, желал

преподавать нежитеведение! И, между прочим, не предоставил мне никаких рекомендаций!

– Может быть, потому что вы не знаете лицо, которое ему их дало? – очень учтиво поинтересовался разумник. – Что касается меня, то я совершенно уверен, что дон Раэн ди Арлезе – прекрасный знаток истории в целом и истории магии в частности, так что полностью доверяю его мнению о нашем новом мэтре. Но если у вас, милорд Великий Магистр, имеется другой кандидат, готовый вести историю у пяти младших курсов, включая боевиков и иллюзорников, я с радостью познакомлюсь с этим восхитительно отважным человеком! Жду его прямо сейчас со списком лекций, планом контрольных работ и, разумеется, рекомендациями!

Грегор невольно тряхнул снова заболевшей головой и закусил изнутри губу. В раскрытое окно дул теплый летний ветер, шевеля занавеси, все пять секретарей старательно и монотонно скрипели перьями, уткнувшись в документы, и было件нятно, что завтра же содержание этого бредового разговора станет известно всей Академии. Погодите-ка!

Уставший разум выхватил смутно знакомое имя.

– Дон Раэн? – вскинулся Грегор, пропуская мимо ушей требование насчет кандидата в мэтры. – Уж не тот ли самый, который...

Он вовремя остановился, не желая напоминать при посторонних об аркане, сплетенном Айлин. Особенно при посторонних, чьи глаза и уши принадлежат Райнгартену! Но Ро-

верстан, конечно, его понял.

– Именно, – снова поклонился он и поправил зеленый шелковый платок, который неизменно носил в последнее время с форменной мантией. – Тот самый дон Раэн. Прекрасный специалист по древней истории и знаток редких языков. Если не ошибаюсь, мэтр Витольс – тоже.

– Совершенно верно, милорды, – тоже с непонятно где отточенным изяществом поклонился наглый простолюдин. – Я весьма недурно знаю чинский и вендийский, не считая самых распространенных наречий Султаната. Могу преподавать их желающим в свободное от основных занятий время.

– Чинский и вендийский... – обреченно повторил Грегор. – Великолепно. Крайне нужные нам дисциплины.

– Желаете меня проэкзаменовать? – любезно осведомился сударь Витольс, которого Грегор уже совершенно точно терпеть не мог.

– Благодарю, обойдусь, – сухо ответил он и снова не удержался: – Вы их на кладбищах изучали? Вместе с нежитеведением? О ваших познаниях в истории предоставляю судить магистру Роверстану, но извольте не забивать головы адептам ничем, якобы относящимся к некромантии. Уж лучше учите их чинскому, если найдутся охотники так странно проводить время!

Витольс опять поклонился, на этот раз молча, и Грегора окатило холодное неприятное чувство, что появление этого человека – не просто досадная странность, но и признак

грядущих неприятностей. Впрочем, если пройдоха вздумает мутить воду, то мгновенно вылетит из Академии, а заодно можно будет поставить на место Роверстана, который за него поручился. Право, в последнее время в Академии слишком много простолюдинов среди преподавателей!

Между прочим, дед рассказывал Грегору, что в его бытность адептом простолюдином разрешалось преподавать далеко не все предметы, а лишь те, для которых не находилось наставников-дворян, которым безусловно отдавалось предпочтение. Потому и школа прежних мастеров была непревзойденно сильной! Грегор до сих пор бился с проклятием Фарелла, не слишком продвинувшись в его изучении за почти три месяца. А сейчас разве может кто-то из учеников Денвера сплести проклятие такого уровня? Уходят старые традиции!

– Не смею больше вас задерживать, господа, – так же сдержанно и прохладно сказал он, твердо решив, что теперь уж точно поедет домой.

Велит накрыть обед, впрочем, уже ужин, не в столовой, а в садовой беседке, как это иногда делалось в его детстве – Айлин полезен свежий воздух. И нужно заехать по дороге в ее любимую кондитерскую за теми конфетами, которые обычно привозит Аранвен...

При мысли о Дарре Аранвене настроение испортилось еще сильнее. Пока Роверстан и Витольс покидали приемную, а секретари изображали чрезвычайную занятость и усердие,

он отошел к окну и заставил себя вдохнуть неприятно душный воздух, пропитанный навязчивым ароматом каких-то цветов. Аранвен и Эддерли... Эти двое являлись к ним в дом, пользуясь свободой летних вакансий, едва ли не каждый день! Ну хорошо, два-три дня в неделю уж точно. Исключительно потому, что большего не позволяли элементарные приличия. Привозили то цветы и сладости, то книги из домашних библиотек, словно в особняке Бастельеро не хватало редчайших фолиантов, то какие-то безделушки... Ничего предосудительного в этом не было, но прежний покой дома Бастельеро исчез.

Вместе с Эддерли и Аранвеном с визитами зачастили Кэдоган и Галлахер, которым вздумалось брать уроки живописи у лорда Аларика. И ведь король выполнил обещание, выписав им из Фраганы наставника, но этого двум Оуэнам оказалось мало, и они старательно, как на службу, являлись в особняк Бастельеро, чтобы ставить свои рамы с холстами то в саду, то в каком-нибудь зале, то вообще в странных местах наподобие конюшни. Ну что можно рисовать на конюшне?! Лошадей? Так ведь нет!

Грегор видел эту мазню, вместо лошадей – между прочим, чистокровных итлийских кобыл, которых и нарисовать не стыдно! – там красовались какие-то деревянные стены, бочки для воды и зерновые ящики. А лорд Аларик тогда на его удивление пожал плечами и заявил, что это необходимый этап воспитания живописца. Теперь Грегор был точно уве-

рен, что все эти годы отец не скучал. Уж бочек и ящиков, чтобы их рисовать, в поместье наверняка предостаточно.

И вся эта суматоха невероятно раздражала, но Грегор терпел, потому что Айлин при появлении Воронов оживлялась, ее бледность если не проходила, то становилась менее заметной, и ей иногда удавалось целый день провести без обычных приступов тошноты, которыми она постоянно мучилась. Леди Эддерли, которая приезжала раз в неделю для осмотра, уверяла, что ничего страшного нет, просто течение беременности сложное. Она привозила травяные настойки и обязательно напоминала каждый раз, что здоровье женщины и будущего ребенка зависит от настроения, так что Грегор готов был приглашать в дом хоть толпу живописцев, хоть Дарру Аранвена, хоть джунгарский табор с самим Барготом во главе, лишь бы на лице жены почаще мелькала улыбка...

Отойдя от окна, он попрощался с секретарями и покинул Академию, предвкушая скорую встречу с Айлин. Нашествие любителей искусства было вчера, значит, сегодня никто не приедет, и они с Айлин смогут побыть вместе. Он узнает, какую книгу она сейчас читает... Впрочем, пару последних недель, приезжая домой, он видел Айлин не с очередным трудом по некромантии, а с рукоделием, какой-то вышивкой, привезенной Иоландой Донован.

Вид Айлин, сосредоточенно перебирающей цветные нитки или неумело тыкающей иглой в натянутую ткань, был так милителен и уютен, что Грегор почти радовался шумной

девице-иллюзорнице, которая появлялась с какими-то модными журналами, корзинкой шелковых и бархатных лоскутов, которые называла образцами, и неизменными пирожками или печеньем. Всеблагая Мать, как будто в доме Бастельеро хозяйку этого самого дома морят голодом! Но пусть привозит что угодно, главное, что вечерами Айлин сидит с этой самой вышивкой, а не скитается по лесам, не упокаивает кадавров, не палит демонов, не... Не рискует собой – вот что единственно важно! А вышивает, читает или гуляет в саду с этим своим умертвием, которое старательно прикидывается обычной собакой.

Пройдя по двору к конюшне, он велел седлать итлийскую кобылу, на которой ездил в Академию. Айлин леди Эддерли строго запретила верховую езду, а карету его отважная боевичка терпеть не могла, и совместные прогулки пришлось отложить. Хотя Грегор клятвенно пообещал жене, что в будущем году они съездят к теплому морю в Арлезу или Итлию. Говорят, это очень помогает оправиться после родов! Жаль, что беременным нельзя использовать порталы, он бы взял отпуск и отвез Айлин туда прямо сейчас, когда на юге уже не так жарко...

Привычные мысли, полные нежности, занимали его всю дорогу, и когда Грегор, заехав в кондитерскую, вернулся домой, его головная боль исчезла, а настроение совсем исправилось. Увы, ровно до того момента, как на конюшне он увидел в деннике фраганского жеребца Саймона Эддерли и еще

трех лошадей.

– У нас гости? – поинтересовался Грегор у камердинера, который встретил его в холле.

– Их светлости Аранвен-младший и Эддерли-младший, – правильно понял камердинер, что Грегор интересуется составом гостей, а не самим их очевидным наличием. Тем более что из большой гостиной слышалась громкая беседа, в которой выделялся звенящий голос Саймона. – Приехали навестить миледи. А их светлости Кэдоган и Галлахер приехали к лорду Аларику. Сначала пообедали, потом изволили поставить в большой гостиной моль... берты... – с трудом выговорил он непривычное слово. – Рисуют собаку миледи.

– Миледи тоже пообедала? – спросил Грегор единственное, что его действительно волновало.

Бесцеремонность юных Воронов, что стали являться сюда как к себе домой, раздражала, но уже привычно. Лишь бы Айлин было веселее...

– У миледи сегодня был хороший аппетит, – доложил камердинер. – Она изволила съесть перепелку в молочном соусе и немного спаржи, а потом велела подать в гостиную шамьет и выпила две чашки с печеньем.

– Хвала Всеблагой! – с чувством сказал Грегор. – Она не говорила, что желает на ужин?

– Нет, милорд, – ответил камердинер, принимая у него трость. – Осмелюсь спросить, юные лорды останутся к ужину?

– Мне тоже весьма любопытно это знать, – рассеянно отозвался Грегор и посмотрел в окно на солнце, явно клонившееся к закату. – Ничего не имею против гостей за ужином, но неплохо бы предупреждать о столь длительных визитах... В любом случае пусть накрывают на стол.

Он прошел в гостиную, и стоило переступить порог комнаты, как раздражение мгновенно вернулось, приведя с собой и головную боль. В его уютной, всегда безупречно чистой и аккуратной гостиной царил чудовищный беспорядок! На обитом темным шелком диване, который небрежно накрыли какой-то тряпкой, развалилось мертвое со всей его огромной копной длинного белого меха. При появлении Грегора тварь лениво приоткрыла голубые огни глаз, шевельнула ухом и опять сделала вид, что дремлет. А перед диваном стояли три деревянные рамы на высоких ножках, как же их там назвал камердинер... Неважно, главное, что за ними с кистью в руках торчали оба Оуэна и лорд Аларик, полностью сосредоточившись на своем занятии и не оторвавшись от него ради появления Грегора.

Действительно, подумаешь, мелочь какая – хозяин дома вернулся!

Грегор досадливо дернул углом рта, все еще уговаривая себя не злиться, но получалось плохо. В гостиной невыносимо воняло красками и еще какой-то резкой мерзостью вроде той, которой слуги в Академии оттирали лабораторные столы и шкафы. Баночки со всем этим стояли на столике, тоже

предусмотрительно накрытом, но запах! От него потом и за несколько дней не избавишься! А если обивка мебели впитает, то гораздо дольше. Как бы не пришлось менять диван!

За вторым столиком, накрытым шамьетом и закусками, сидели Айлин и, разумеется, Эддерли с Аранвенем. Саймон развалился в кресле, умудряясь непрерывно болтать и одновременно поглощать сладости, запивая их шамьетом, а его, Грегора, жена внимала этому юному пустозвону с горящими глазами и порозовевшим лицом, за которое Грегор простил бы мальчишке любую бесцеремонность, если бы не странный укол в сердце. Наедине с ним, собственным супругом, ее глаза так не горели...

Грегора в дверях эти двое тоже не заметили, конечно. И только Аранвен, как всегда невозмутимый и чопорно-бесстрастный, повел себя как положено. Первым увидев хозяйна дома, он встал и отвесил поклон, а следом встрепенулась Айлин, замолчал Саймон, и художники с явной неохотой отвлеклись от своей мазни. Рисовать умертвие! Нет, может, отец все-таки выжил из ума? Конечно, если думать, что это обычный пес, то выглядит он весьма пристойно. Да что там, роскошно даже! Но все равно в этой твари есть что-то пугающее. Грегор ни на миг не верил в ее показное дружелюбие и якобы собачьи повадки. Если бы умертвия обладали разумом, он бы поклялся, что именно у этого экземпляра имеется особое коварство. С чего бы еще оно так пыталось выглядеть собакой? Может, бессознательно боится некромантов и

потому прикидывается милым?

– Милорд супруг!

Айлин приподнялась из кресла, и Грегор поспешно ее остановил:

– Прошу, сидите, миледи!

– Леди Эддерли говорит, что мне нужно двигаться, – возразила она и отвела взгляд, как всегда смутившись при упоминании своего положения. – Как прошел ваш день, милорд?

– Благодарю, хорошо. Милорды? Рад вас видеть!

Он подошел и поцеловал жене руку, стоящие Вороны по очереди выразили почтение, и Грегор расстроено понял, что тихий семейный вечер снова не состоится. Ну не гнать же этих юнцов, забывших о приличиях! Он бы, конечно, им напомнил, но если Айлин действительно хорошо пообедала, и ей не стало плохо, вдруг ужин в компании бывших соучеников окажется таким же удачным?! На кухне, конечно, наверняка готовы к подобной неожиданности, которая уже во все и не неожиданность. Грегор велел повару всегда держать наготове несколько блюд, которые может пожелать миледи, так что в любой момент особняк Бастельеро готов принять короля со свитой, не то что четверку адептов...

– Вы ведь останетесь на ужин, милорды? – осведомился он, не сомневаясь, что приглашение будет принято.

И Эддерли, и Кэдоган с Галлахером посмотрели на Аранвена, который, как всегда, был среди Воронов предводителем. А еще, что снова царапнуло Грегора, на него же посмот-

рела и Айлин, причем с надеждой.

– Благодарю за приглашение, милорд. – Дарра склонил голову, и его волосы в закатном свете, льющемся в окно из сада, блеснули не обычным бледным золотом, а темным, почти красным. – Но мы и так уже злоупотребили вашим гостеприимством.

– Не думаю, что это злоупотребление, – негромко отозвался лорд Аларик, и раздражение Грегора вспыхнуло еще сильнее. – Ваши визиты исключительно благотворно действуют на мою невестку. Не так ли, дорогое дитя?

– Вы правы, батюшка, – улыбнулась ему Айлин с такой почтительной нежностью, что Грегора снова переполнили благодарность и восхищение ее чудесным характером. – Я всегда рада видеть своих соучеников. Может быть...

Она запнулась, и Грегор вздохнул, а потом попросил, прекрасно понимая, что решает за этих четверых Аранвен:

– Право, милорды, останьтесь. Ужин сейчас подадут, не позорьте мой дом пренебрежением к нашему гостеприимству.

– Не смеем отказать вам, милорд. – Помедлив пару мгновений, Аранвен поклонился, и остальные трое с радостью последовали его примеру, а лицо Айлин снова просияло изнутри.

Умертвие соскочило с дивана и потрусило к выходу из гостиной, явно намереваясь сопровождать всех в столовую. Грегор с очередным вздохом подумал о домашнем наряде, в

который собирался переодеться. Теперь придется остаться в камзоле ради гостей... И никакой садовой беседки, там просто не хватит места. А завтра снова на службу...

«Не поеду, – мелькнула у него соблазнительная мысль. – Останусь дома и велю говорить, что хозяева не принимают! Пусть хоть сам король приедет, могу я побыть с собственной женой?! Тем более что их величество изволил нанести визит всего-то две недели назад и своего итлийца притащил. С енотом! Эта тварь погрызла ножку стола, а когда его вывели в сад, выкопала какие-то лилии, над которыми садовник рыдал, как безутешный вдовец. Фарелл, конечно, просил прощения, но я бы все равно проклял этот наглый кусок меха, если бы Айлин потом целый день не улыбалась. Ну и Баргот с ними, с лилиями!»

Слуги, появившись словно ниоткуда, как положено в приличном доме, подали влажные полотенца освежить лицо и руки. Два Оуэна почтительно попросили вымыть руки по-настоящему, чтобы оттереть краску, и лорд Аларик ушел вместе с ними. Из покинутой гостиной все так же резко воняло, умертвие бродило вокруг, цокая когтями и царапая паркет... Грегор глубоко вдохнул, а потом выдохнул, прося Претемнейшую о терпении. Ну ничего, скоро вакации закончатся! И ожидать набегов соучеников Айлин придется только в выходные. Жаль, она расстроится, наверное, но ведь покой ей тоже нужен? И чем дальше, тем более будет необходим. Они смогут больше времени уделять друг другу, и он постарается

возместить ей все внимание, которого она была лишена.

– Вы прекрасно выглядите, моя дорогая, – улыбнулся он ей. – Как же я рад наконец-то оказаться дома!

* * *

– Я тоже рада вас видеть, милорд, – откликнулась Айлин и вздрогнула, увидев, как просиял лорд Бастельеро.

Вот к чему ей никак не удавалось привыкнуть!

За эти месяцы она почти свыклась с огромным домом, полутемным и мрачным даже в самые ясные дни, с хриплым вороньим граем, нередко будившим ее по ночам, с чопорностью слуг... О, они были столь безукоризненно почтительны, что Айлин было не на что пожаловаться, даже захоти она это сделать! И все же она ощущала их неодобрение, которое выражалось именно в этом холодном послушании, никогда не выходящем за рамки этикета. «Да, миледи, нет, миледи, как скажете, миледи...» Вот странно, у Ревенгаров слуги были не менее старательными и умелыми, но там никто не боялся обронить при ней лишнее слово или улыбнуться, рассказывая новости.

А здесь прислуга казалась ей чем-то средним между призраками и анимированными трупами, взятыми под жесткий контроль. Всегда молчаливые, они появлялись ниоткуда, делали все, что нужно, и снова мгновенно скрывались из вида. Больше того, когда в первый день она стала выяснять, как

зовут приставленных к ее покоям горничных, оказалось, что у них одно имя на всех! Как церемонно пояснил дворецкий, представляя ей прислугу, в особняке Бастельеро любую горничную зовут Тильдой, чтобы милордам и миледи не приходилось помнить разные имена.

– Но мне совсем несложно запомнить, как их зовут! – растерянно возразила Айлин.

– Их зовут Тильда, миледи, – все с той же почтительной бесстрастностью повторил дворецкий. – Так повелось еще со времен лорда Стефана. – И добавил с едва заметной тенью неодобрения: – Но миледи может звать их, как ей угодно.

Айлин обвела взглядом замерших перед ней женщин в длинных коричневых платьях и наглаженных белоснежных передниках, и... сдалась. Тильда так Тильда, хотя это ведь ужас какой-то – лишать людей, пусть даже прислугу, собственных имен!

Впрочем, вечером за ужином она сделала еще одну попытку, спросив лорда Бастельеро, как зовут его дворецкого. Ведь хотя бы у такой важной для дома персоны должно быть имя?!

– Как зовут? – с легким удивлением переспросил лорд Бастельеро. – Колокольчиком, моя дорогая. Разве вам не показали звонки для прислуги в ваших покоях?

– Показали, милорд... супруг, – склонила Айлин голову и больше ни о чем не стала спрашивать.

Наверное, ее муж просто привык, что горничных здесь зо-

вут Тильдами, а дворецкого – с помощью колокольчика. В каждом дворянском особняке или поместье свои порядки. А она никак не чувствовала себя здесь хозяйкой, чтобы их менять. Да и зачем? С этим вполне можно смириться. Оказалось, что в ее новом положении это самое легкое и правильное – попытаться привыкнуть. Просто привыкнуть ко всему.

В конце концов, даже еженедельные визиты лорда Бастельеро в ее спальню стали всего лишь тягостно-утомительными, и только его благоговейная нежность и стремление ей угодить по-прежнему вызывали в Айлин мучительный стыд и чувство вины. Эта любовь должна была принадлежать совсем другой женщине! Той, которая могла бы ответить на нее, сделав лорда Бастельеро счастливым...

Однажды Айлин почти удалось убедить себя сказать мужу, что она тоже его любит – ведь эта ложь никому не повредила бы? Этикет иногда прямо предписывает лгать! Например, при встрече с неприятной особой полагается заверить ее в своей радости от этой самой встречи, даже если приятнее было бы увидеться с толпой стригоев. Так что всего несколько слов о любви – это сущий пустяк, верно? Зато, возможно, лорд Бастельеро перестал бы ловить ее взгляды с таким напряженным ожиданием и щедро расточать собственные признания.

Но Айлин не смогла. Нужные слова словно замерзли на языке, и ей удалось только пролепетать благодарность за все, что супруг для нее делает. Впрочем, хватило и этого – лорд

Бастельеро весь вечер был удивительно благодушен и доволен...

Она вздохнула, привычно скрывая вину за то, что не может от души обрадоваться возвращению мужа, и подала ему руку, позволяя отвести себя в столовую. Что ж, благодаря Саймону с Даррой и обоим Оуэнам это был прекрасный день, да и на ужин грех жаловаться – такая редкая возможность провести с друзьями еще немного времени!

Столовая, отделанная, как и остальные комнаты в особняке, панелями из темного дерева, привычно сияла множеством зажженных свечей, сверкала белоснежной скатертью и начищенными до блеска приборами. К ужину стол накрыли роскошным золотым сервизом – свадебным подарком ее величества, точнее, частью ее подарка. Уже на следующий день после венчания лорд Бастельеро передал Айлин подробный перечень всех сделанных подарков с указанием, кто из гостей что подарил. Больше всего было тканей, дорогой посуды и всякой домашней утвари, особенно от ее величества.

Айлин, конечно, знала, что это приданое «нитки и ложки», по обычаю принадлежащее женщине даже в случае вдовства или разорения супруга. Всем, что можно сшить, надеть или поставить на стол, жена вольна распоряжаться по своему усмотрению, так повелось еще со времен Дорве Великого. И королева оказала лично ей большую милость, подарив на свадьбу именно это, но... Айлин все равно терпеть не могла красивый чеканный сервиз, напоминавший о благо-

дарности ее величества Беатрис, больше похожей на попытку откупиться.

«Вот выйдет Иоланда замуж, подарю его ей, – решила Айлин. – Иоланде сервиз точно понравится! А до этого придется потерпеть. Жаль, свадьба у нее нескоро, еще два года учиться... И даже Лу неизвестно, о ком она вздыхает, хотя обещал разузнать...»

Айлин проводила взглядом Пушкиа, нырнувшего под стол возле ее кресла, и поспешно села, не желая задерживать ни наверняка проголодавшегося супруга, ни милорда Аларика, ни братьев Воронов. Лорд Бастельеро тут же опустился в кресло рядом с ней – хотя лорд и леди должны сидеть друг напротив друга, разделенные столом, но этим правилом этикета ее муж почему-то постоянно пренебрегал.

По левую руку Айлин сел Дарра, за ним Саймон, а оба Оуэна окружили милорда Аларика, устроившегося на противоположном конце стола, и Айлин уже в который раз отметила, с каким обожанием они взирают на ее свекра. На лорда Бастельеро они никогда не смотрели с таким трепетом и явной готовностью ловить каждое слово! Правда, наверное, это не странно – лорд Аларик такой добрый и внимательный, он уделяет им столько времени!

Она тут же одернула себя, строго напомнив, что лорду Аларика проще – Оуэнов всего двое, а у лорда Грегора было целых десять учеников, да и к живописи Оуэны относятся прилежнее, чем к наложению проклятий! Ничего странного,

что мэтр Бастельеро уделял куда больше внимания другим ученикам.

Неслышная как тень горничная – Тильда, конечно! – появилась из-за спины Айлин и поправила чуть покосившуюся салфетку. Айлин только вздохнула. Все должно быть безупречно – и никак иначе. Белоснежные и хрустящие от крахмала скатерть и салфетки, приборы не то что без единого пятнышка – не дай Благие им сиять не в полную силу! Стебли свежих цветов, украшающих стол, – сегодня это были лилии – аккуратно подрезаны, чтобы не мешать хозяевам и гостям видеть друг друга. Кушанья уложены на блюдо с таким искусством, что страшно положить себе кусочек – нарушится симметричный узор!

Она с тоской вспомнила оставшийся в гостиной чинский сервиз – точно такой же, как у тетушки Элоизы, яркий, расписанный сказочно красивыми птицами и цветами. Из этих чашек даже шамьет казался вкуснее! Но когда Айлин спросила, почему его никогда не подают в столовой, лорд Бастельеро поморщился и нехотя ответил, что в сервизе не хватает одной чашки, заменить которую, к сожалению, невозможно. Нельзя же накрывать на стол неполноценным прибором.

Почему нельзя, если в сервизе осталось целых семь чашек, а гостей у нее всегда бывает меньше, Айлин не поняла, но попросила разрешения использовать его хотя бы в гостиной, и лорд Бастельеро разрешил. Он вообще ни в чем ей не отказывал, напротив, ловил малейшую возможность испол-

нить любое ее желание, и от этого было особенно стыдно...

– Надеюсь, вы хорошо провели время с вашими друзьями, дорогая? – спросил супруг с такой невозможной заботой, что Айлин снова внутренне вздохнула: ему ведь не нравятся визиты Воронов, она давно это поняла, но... просто не в силах от них отказаться. А он терпит ради нее!

– Да, милорд, – уронила она. – С их стороны очень любезно навещать меня.

– Действительно, – согласился лорд Аларик с другого конца стола. – Моя дорогая невестка просто оживает их в присутствии. Надо признать, они очень славные и прекрасно воспитанные юноши, а их рассказы об Академии превосходно развеивают скуку. Даже мне очень занимательно слушать, хоть я и не маг.

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – с прохладной вежливостью согласился супруг Айлин. – Наверное, вам чрезвычайно нравится преподавать живопись, если ради этого вы отказались от своего обычного уединения в усадьбе.

– Совершенно верно, – безмятежно отозвался лорд Аларик. – Мое уединение было прекрасно, однако я чувствую, что здесь и сейчас могу принести больше пользы, чем там. Поэтому искренне надеюсь, что мое присутствие в столице еще вам не наскучило, милорд.

– Ну что вы, милорд! – в тон ему слишком ровно откликнулся лорд Грегор. – Я очень рад, что вы решили задержаться... в моем доме. Только прошу учитывать, что моей жене

вредны слишком резкие запахи. Ведь так, моя дорогая? – обратился он к Айлин. – Эти краски вас не беспокоят?

– Нисколько! – поспешила она заверить, причем совершенно искренне. – Совсем наоборот! Растворители пахнут совсем как наше алхимическое зелье для чистки столов! Я... как будто снова в Академии... Это гораздо лучше, чем цветочные запахи вроде... лилий, – договорила она, смутившись.

– Лилий? – обеспокоенно спросил лорд Бастельеро и глянул на целых три букета, украшающие стол. – А что с ними не так?

– Они прекрасны! – торопливо сообщила Айлин. – Просто... их аромат... Стыдно признаться, но в саду стало гораздо приятнее гулять, когда Перлюрен... то есть енот лорда Фарелла...

– Когда этот забавный зверь сразился с кустом лилий и одержал убедительную победу? – улыбаясь, подсказал лорд Аларик, и Айлин кивнула. – Что ж, как художник я не могу его одобрить – лилии были прекрасны и весьма украшали сад. Но сильные запахи действительно бывают весьма неприятны... в особый период жизни.

– Тильда! – нахмурившись, произнес лорд Бастельеро, и горничная возникла рядом с ним. – Уберите букеты. Больше не ставьте цветы на стол, если только леди этого не прикажет. И передайте садовнику, пусть срежет все лилии. А лучше выкопает.

– Не надо выкапывать! – виновато воскликнула Айлин. – Они ведь и правда очень красивые! Может быть, на следующий год...

Она покраснела от смущения, понимая, что это слышат гости, а леди даже намекать на беременность и рождение детей в присутствии мужчин – непристойно. Однако Вороны как один проявили чудеса такта, даже Саймон сделал вид, что его интересует исключительно земляничное желе со сливками и способы его сочетания с жареным мясом.

– Как скажете, дорогая, – немедленно кивнул лорд Бастельеро, неуловимо смягчив выражение лица. – В этом году их просто срежут, корням это не повредит. – Он проводил взглядом букеты, мгновенно унесенные сразу двумя Тильдами. – Но вы ничего не едите, меня это беспокоит. Вы хорошо себя чувствуете?

А вот теперь все посмотрели на нее, и даже в непроницаемом взгляде Дарры мелькнуло беспокойство. Как назло, аппетит, посетивший ее перед обедом, к ужину куда-то исчез...

– Все в порядке, милорд, – заверила Айлин, заставив себя улыбнуться и положить на тарелку несколько кусочков тушеного кролика.

По крайней мере, его можно долго резать, а если хорошенько размазать по тарелке соус, то покажется, что еды стало куда меньше, чем было! Успокоенные Вороны вернулись к угощению, и Айлин стало легче – она никак не могла привыкнуть, что все вокруг относится к ней так тревожно и бе-

режно, словно она тяжело больна.

– Милорд Великий Магистр, – церемонно обратился Дарра к лорду Бастельеро, дождавшись, пока тот расправится с печеной куропаткой. – Я хотел бы просить у вас позволения досрочно сдать экзамены на звание полного мага, а также пройти испытания на должность младшего преподавателя. Разумеется, это означает, что до самых экзаменов я не потревожу визитами покой вашего дома...

– Не вижу к этому никаких препятствий! – любезно откликнулся лорд Бастельеро, который сначала нахмурился, а потом подозрительно просветлел лицом. – И как скоро вы желаете пройти эти испытания?

– Через семь дней, с вашего позволения.

Дарра учтиво склонил голову, а чрезвычайно оживившийся Саймон подался вперед и взмолился:

– И я! Мэтр, позвольте мне тоже пройти экзамен! Я хочу попробовать!

– Да ради Претемной, Эддерли, – благодушно махнул рукой супруг. – Значит ли это, что нам не следует ожидать и ваших визитов?

– Почему? – изумился Саймон, и Дарра утомленно вздохнул, подняв взгляд к потолку.

– Саймон, ты недогадлив. Лорд Бастельеро имел в виду, что если ты желаешь сдать экзамен, то должен подготовиться к нему должным образом...

– Зачем?! – поразился Саймон, хлопая ресницами.

Лицо лорда Бастельеро приобрело озадаченное выражение, и Айлин тихо хихикнула в салфетку. В самом деле, Дарра всегда готовился к экзаменам, хотя уж ему-то этого точно не требовалось! Саймон, напротив, никогда этого не делал, полагая, что всему положенному он научился за год, а если и нет, то неделя подготовки его не спасет...

– Действительно, – вздохнул лорд Бастельеро. – Как вам угодно, Эддерли. Хотя я бы рекомендовал все-таки подготовиться. На экзамене будет материал за все двенадцать лет обучения, и хотя вы опережаете программу по проклятиям и вызову призраков, теория может вызвать у вас затруднения. Мне бы не хотелось, чтобы на экзамене вы предстали не в лучшем свете.

О том, что это опозорит и самого лорда Бастельеро, и лорда Эддерли-старшего, он умолчал, но Айлин прекрасно уловила несказанное. И даже Саймон в кои-то веки понял намек так ясно, что искренне возмутился:

– Неужели вы в меня не верите, милорд?! Не вы ли говорили, что по боевым проклятиям я лучший?! Могу поспорить, если дойдет до драки, я только вам уступлю!

– Боюсь, достоинства некроманта не ограничиваются умением драться на дуэлях, – скупно улыбнулся лорд Бастельеро. – Если вы претендуете на перстень орденового мага, то должны понимать, что это не только привилегии, но и ответственность. Взрослый человек обязан вести себя совсем иначе, чем позволено юному адепту.

– Вот поэтому я и не претендую пока на перстень! – заверил его Саймон. – Мне просто хочется попробовать силы... Экзамен – это ведь так интересно!

Он мечтательно закатил глаза, и оба Оуэна тихонько фыркнули, а потом Кэдоган словно про себя уронил:

– Удивительно, почему на гербе Эддерли – сова? Некоторым представителям этого рода больше подошел бы павлин.

– С очень красивым и пышным хвостом, – поддержал его Галлахер, и даже тонкие губы Дарры тронула едва заметная улыбка.

– Надеюсь, вы, молодые люди, не собираетесь сдавать экзамены раньше срока? – спросил лорд Аларик с шутливой напускной строгостью обоих Оуэнов. – Вам ведь еще далеко до окончания курса?

– Очень далеко, милорд! – заверил его Кэдоган. – Но мы надеемся и после начала занятий пользоваться вашим великодушием. Конечно, если милорд Великий Магистр позволит навещать его дом.

И он бросил умоляющий взгляд на супруга Айлин. Она закусила губу, борясь с желанием попросить у мужа того же самого. Пусть Дарра и Саймон будут заняты подготовкой к экзамену, но ведь Оуэны могут сюда приезжать?! Ее беременность пока еще не настолько заметна, чтобы такие визиты выглядели скандально, да и ездят Кэдоган с Галлахером к лорду Аларику, а вовсе не к ней! Во всяком случае, так это выглядит для окружающих. А что она присутствует на уро-

ках, так принимать гостей – это долг хозяйки дома...

Но смутное чувство, что лорд Бастельеро не будет рад такому заступничеству, заставило ее промолчать. Ее муж сначала снова нахмурился, потом обреченно вздохнул и отошел:

– Если леди Эддерли не пропишет моей жене полный покой, то... не вижу препятствий для ваших визитов.

Айлин вспыхнула радостью так, что губы сами собой растянулись в улыбке. Леди Эддерли не запретит ей видеться с друзьями, в этом можно быть уверенной! Матушка Саймона в каждый визит повторяет, что женщине в положении следует радовать свой разум и сердце, как только возможно. И что лучшее лекарство – это приятные мысли и любимые занятия. Она чудесная женщина и замечательная целительница, какое счастье, что именно она помогает Айлин переносить беременность!

– Вы позволите мне проводить гостей, милорд супруг? – умоляюще попросила Айлин, когда ужин закончился и все встали из-за стола. Лорд Бастельеро, снова вздохнув, кивнул.

– Надеюсь, вы не задержитесь, дорогая.

Теплое чувство виноватой благодарности затопило ее изнутри. Все же лорд Бастельеро к ней так снисходителен! Видно, что ему очень хочется остаться с ней наедине, но он терпеливо ждет... И все-таки отказаться еще от нескольких минут с друзьями, будто от последней капли целебного зелья, она не смогла. По пути к выходу оба Оуэнна упоенно рассуж-

дали об очередном уроке лорда Аларика, Саймон бурчал, что ни один экзамен не стоит переживаний по его поводу, а Дарра, улыбаясь одними губами, но сохраняя взгляд серьезным, попросил позволения приехать с визитом после экзамена.

– Только я один, милая Айлин, – уточнил он, посмотрев на нее с обычной ласковостью. – Если мне не откажут в месте младшего преподавателя, то я хотел бы преподать несколько уроков вам, прежде чем выходить с ними к другим адептам. Вы ведь не откажете мне в этой услуге?

– Я буду рада! – заверила Айлин. – Я собираюсь вернуться в Академию, как только с меня снимут браслеты, но ведь учиться теории можно и с ними!

Ей показалось, что Дарра хотел сказать что-то еще, но тут они вышли на крыльцо, перед которым уже ожидали лошади.

Ох, надо бы навестить Луну! Раньше Айлин каждый день каталась верхом, но теперь леди Эддерли запретила верховую езду, и Луну приходилось навещать в конюшне или просто гулять с ней по саду... Арлезийцы и так чахнут без внимания хозяев, а Луна к тому же тоскует по Дону Торнадо!

Когда приезжал Аластор, Огонек проявил к Луне явный интерес, но капризная арлезийка на него и не взглянула. Обиженный таким пренебрежением жеребец попытался цапнуть ее за круп, и Луна, яростно взвизгнув, ударила его копытами так сильно, что Огонек шарахнулся в сторону и больше даже не смотрел в ее сторону...

«Погуляем завтра!» – решила Айлин, с завистью глядя,

как лихо взлетает в седло Саймон, с каким изяществом садится Дарра, и как Оуэнны едва не перепутали своих кобыл.

Конюх поспешно отворил ворота, и лошади стремительно понесли своих хозяев по вымощенной черными плитами дорожке. Какой-то мальчишка, остановившийся у ворот со стороны улицы, шарахнулся прочь, и Айлин невольно улыбнулась, но тут же нахмурилась.

Мальчишка... Почему его не окликнул конюх? И Вороны его не замечают, иначе Дарра непременно придержал бы коня!

Она прищурилась, пытаясь рассмотреть мальчишку, вернувшегося к воротам так же поспешно, как отскакивал, и едва не вскрикнула.

Он был одет в черную мантию с фиолетовой отделкой! Но куда важнее было другое – Айлин готова была поклясться, что уже видела его, только... только очень давно!

– Морстен! – прошептала она одними губами и тут же поняла, что не ошиблась.

Адепт Морстен, бывший с Воронами всего пару месяцев до первых зимних вакансий! После них он не вернулся в Академию, а лорд Бастельеро сообщил, что семья Морстена переехала, и поэтому он не будет продолжать обучение. А сейчас он смотрел на Айлин через прутья ворот, вот только ему по-прежнему было не больше пятнадцати лет...

– Морстен? – снова шепнула Айлин, и бывший соученик наконец встрепенулся, словно только что ее услышал.

– Миледи! – крикнул он, и в его голосе Айлин ясно слышала безумную смесь надежды и отчаяния. – Миледи, вы меня видите?!

– Шон Морстен, – повторила Айлин одними губами, но мальчишка ожесточенно замотал головой.

– Нет, госпожа! Не Шон! Я Кайл Морстен, и я молю о справедливости! Накажите моего убийцу, госпожа!

– Кто твой убийца? – выдавила Айлин, чувствуя, как вдруг закружилась голова и ослабели ноги.

– Мой брат, – выплюнул призрак, и от ворот пронесся по саду порыв ледяного ветра. – Мой брат Шон! Это он убил меня...

Глава 2

Странное прошение

Аластор отложил очередной прочитанный и подписанный лист в увесистую стопку, которая неуклонно росла на краю стола, сплел пальцы перед собой и сладко потянулся всем телом. Время близилось к обеду, и вполне можно было прерваться хотя бы на чашку шамьета. А может, и на две. Из еще не изученных бумаг, требующих незамедлительного внимания короля, остался всего один документ. Он состоял из нескольких аккуратно сшитых листов, на верхнем из которых жирно чернели сразу три печати разных королевских департаментов. Узнав ту, что принадлежала судебному ведомству, Аластор вздохнул – наверное, снова прошение о помиловании, самое нелюбимое из дел, которыми приходится заниматься.

Каждый раз, когда ему нужно было решить судьбу человека, он боялся, что не сможет вынести верный приговор. Что-то не поймет, не учтет, оценит неправильно и погубит невиновного или даст виноватому уйти от наказания. Иногда дела были простыми и понятными, иногда – весьма запутанными, и тогда он, скрепя сердце, полагался на совет лорда Аранвена, Лу или магистра Дункана. Однако всегда понимал, что последнее слово принадлежит ему и ответственность за ре-

шение, каким бы оно ни было, тоже на его совести...

Эх, а ведь этот день начинался так славно!

Аластор мечтательно улыбнулся, глядя в открытое окно и невольно оттягивая момент очередного погружения в грязь человеческих преступлений. Чудесный день! Сегодня Беатрис призналась ему, что ждет ребенка.

«Я стану отцом, – подумал он в никак не проходящем восторженном изумлении. – Подумать только! Меньше, чем через год, я смогу взять на руки своего малыша... Интересно, сын это будет или дочь? И на кого похож? Хотя что это я, на меня, разумеется! Законы крови... Даже немного жаль. Девочке лучше было бы пойти в мать, выросла бы такой же красавицей. Ну, ничего, у нас есть Алиенора с Береникой... Зато девочку я смогу назвать Джанет. Или Айлин? Сложный выбор, надо признать! С мальчиком проще, мой сын будет Себастьяном, тут и думать нечего. Хорошо бы еще одного – Жозефа в честь месьора д'Альбрэ, но...»

Он с сожалением осадил уже полетевшие вскачь мечты о нескольких детях. Надо смотреть правде в глаза, Беа вряд ли сможет подарить ему их столько, сколько хочется. Лейб-медик, который подтвердил ее слова, сказал, что каждая беременность и роды дорого стоят женскому телу, так что сейчас королеве придется особенно беречь себя. Наверное, не стоит рассчитывать даже на второго ребенка, хотя если это случится...

Аластор блаженно зажмурился, представив крепкого

светловолосого мальчишку, как две капли воды похожего на его собственный детский портрет. А рядом с ним такую же светловолосую девочку с глазами матушки и ее улыбкой. Сморгнул затянувшую вдруг глаза пелену и смущенно, хотя в кабинете никого не было, встряхнул головой. Целых девять месяцев! Ну хорошо, пусть даже чуть меньше... Лейб-медик сказал, что Беатрис понесла дитя вскоре после брачной ночи, значит, полтора-два месяца уже прошло.

А еще говорят, что опытный целитель может определить пол ребенка задолго до появления на свет. «Всеблагая, пусть это будет мальчик! – от всей души попросил Аластор, глядя на толстую бархатную пчелу, важно ползущую по подоконнику. – Ты сама знаешь, я буду любить дочь ничуть не меньше, но когда-нибудь моему ребенку придется править Дорвенантом, а мужчине это куда проще. Поэтому лучше бы мальчик. Сын... Хотя все в воле твоей, не прими мою просьбу за дерзость или неблагодарность!» – спохватился он.

Пчела – любимое создание Всеблагой – словно услышала его, потому что доползла до края подоконника, взлетела и сделала круг по кабинету, а потом умчалась куда-то в благоухающий за окном сад. Может быть, понесла его просьбу великой богине?

Аластор снова вздохнул и с неохотой потянул к себе последний на сегодня документ, понимая, что дела нужно закончить. А потом он обязательно выпьет шамьета с Лу и выслушает последние придворные новости.

Внутри тревожно кольнуло напоминание, что шесть месяцев сравнительной свободы, отпущенные другу, тоже утекают, как песок в хронометре. Минуты сливаются в часы, часы – в дни, а те – в месяцы. Может, конечно, гильдия убийц без возражений продлит контракт, но что если нет?

Лу, когда с ним об этом говоришь, только улыбается и заверяет, что беспокоиться не о чем. Но эти улыбки у него отличаются от настоящих, как фальшивая монета от полновесной, Аластор давно уже научился понимать их подлинную цену. Лучано страшно. Иногда Аластор чувствовал это глухим отголоском даже через блоки, поставленные целителями, какова же должна быть истинная сила этого страха?

Но Лу все так же улыбается и целыми днями пропадает то в городе, то во дворце, однако непонятно как всякий раз оказывается рядом, когда нужен. Всегда веселый, всегда почтительный на людях и ласково-насмешливый наедине, умеющий вовремя уронить едва слышную подсказку или молча сварить шамьет, когда дела наваливаются вовсе беспросветно. Настоящий друг и помощник, без которого новоиспеченному неопытному королю пришлось бы куда тяжелее.

Отогнув первый лист с печатями, Аластор вчитался в докладную записку, составленную, судя по подписи, одним из секретарей канцлера. Мгновенно заинтересовавшись, принялся читать вторую бумагу из подшитых к первой. Потом – третью и все остальные. Дойдя до конца, вернулся к началу и перечитал еще раз. Мда, таких прошений о помиловании

у него еще не было! Похоже, и правда пора навестить Лу. Пусть этот итлийский кот, как Фарелла открыто зовут при дворе, выслушает суть дела – Аластору это всегда прекрасно помогало привести в порядок собственные мысли. А может, и подскажет что-нибудь...

Прихватив документ, он вышел из кабинета и бросил вскочившему при его появлении секретарю:

– Можете забрать готовые бумаги с моего стола. И если меня будут искать, я у лорда Фарелла. Вернусь после обеда.

– Как прикажете, ваше величество, – поклонился мэтр Вильмон, тот самый молодой разумник, который раньше служил у канцлера.

Лорд Аранвен расстался с ним с большой неохотой, но вынужден был признать, что королю без толкового секретаря тоже не обойтись. Аластор думал завести еще двоих-троих секретарей, но пока не нашел таких, чтобы справлялись с работой, были полностью достойны доверия и не раздражали своим присутствием.

Последний, которого он взял на испытательный срок две недели назад, вернулся на прежнее место службы, потому что втихомолку пнул Флориморда, когда был уверен, что король этого не видит. Аластор признавал за любым человеком право не любить котам, особенно таких обнаглевших, но тот, кто пакостит собаке, коту или лошади своего хозяина, и самому хозяину вряд ли будет верен.

Он вышел из приемной и поинтересовался у пажа, кото-

рый дежурил в коридоре, ожидая королевских поручений:
– Лорд Фарелл у себя?

Мальчишка, привыкший, что король в любое время может потребовать фаворита к себе, а то и сам зайти к нему, поклонился и торопливо ответил:

– Его светлость вернулся из города час назад. Прикажете позвать?

– Сам схожу, – решил Аластор. – А ты сбегай к садовнику. Отнеси от меня ее величеству букет ее любимых лилий и передай, что я прошу позволения ужинать с ней.

– Да, ваше величество! – просиял паж и умчался.

Аластор неторопливо прошел по дворцу, кивая в ответ на почтительные поклоны и реверансы встреченных придворных. Настроение снова стремительно улучшалось, его не могло испортить даже странное прошение о помиловании, хотя подпись на одной из бумаг Аластору очень не нравилась. Ох уж эти дражайшие родственники... Ну почему родню нельзя выбирать так же, как друзей?

Не замедляя шага, он кивнул гвардейскому караулу и напомнил себе, что вечером очередная тренировка с месьором д'Альбрэ. Фехтовать каждый день, как в поместье, теперь не получалось, но уж три-четыре раза в неделю Аластор все равно выкраивал. А еще месяц назад на одну из тренировок явился ярл Ольвар и с удивительной для вольфгардца деликатностью заявил, что местные зубочистки, конечно, тоже оружие, особенно для тех, кто давно не носит доспехов. Но

славному воину не следует забывать оружие предков, поэтому не хочет ли конунг размяться с доброй секирой и щитом? Как не умеет?! А говорят, что секиры бросает, словно вырос на Севере!

Аластор сконфуженно признался, что бросать секиру его учил Долгий Мартин, но щитовым боем кузнец то ли не владел, то ли не видел необходимости его показывать, так что... Ольвар подозрительно возрадовался, кликнул своих людей, чтобы сбегали за оружием на постоянный двор, где остановилось посольство, и теперь не реже раза в неделю Аластор потел с тяжелым щитом и секирой, словно вернувшись во времена учебы у месьора д'Альбрэ. Только теперь вместо язвительных утонченных южных острот его гоняли не менее язвительными северными похвалами, больше смахивавшими на оскорбления.

Надо сказать, что разум, уставший от бесконечных государственных дел, это прочищало отлично, к тому же Аластор помнил слова магистра Бреннана и меньше всего хотел быть похожим на Малкольма, который последние годы не поднимал ничего тяжелее бутылки. Вот и стал больше похож на борова, чем на человека – Аластор видел тело погибшего короля перед похоронами.

Что интересно, месьор к смене оружия и партнеров для тренировок отнесся более чем благосклонно, согласившись, что предела в быстроте и гибкости его ученик уже достиг, а силу и выносливость секира поддерживает ничуть не хуже

рапиры. От предложения самому попробовать бой на топорах фраганец отказался с величайшей учтивостью, зато милорд магистр Дункан, тоже зачастивший на фехтовальную площадку, однажды принес туда тяжелые арлезийские сабли и взял у месьора д'Альбрэ реванш за бретерскую беседу, что тот перенес чуть ли не с восторгом.

Аластору осталось только завистливо вздыхать, понимая, что такого мастерства ему никогда не достичь ни в одном виде фехтования. Он никогда не научится драться на рапирах как фраганец, на саблях – как арлезиец и на секирах – как вольфгардец. Не сможет он ни бросать ножи как Лучано, ни метать Молот Пресветлого как маги-боевики. Тут уже ничего не поделать. Но ведь это не мешает получать удовольствие от силы и здоровья собственного тела, когда после тренировки каждая мышца приятно гудит, и любая мысль кажется удивительно ясной...

Он постучал в дверь кабинета Лучано и толкнул ее, едва дождавшись разрешения войти. Лу, стоявший у жаровни, просиял и заулыбался, а Саграсс, который сидел в кресле, немедленно вскочил и поклонился.

– Садитесь, милорд, – благодушно махнул Аластор рукой и сам упал в любимое кресло у окна. – Лу, шамьета, умоляю!

Кот, подкраившийся незаметно, как опытный лазутчик, прыгнул к нему на колени и с урчанием принялся топтаться по ним, запуская когти. Аластор уронил ладонь на мохнатый загривок, чуть прижал, и Флориморд, замурчав еще востор-

женнее, вывернулся из-под его руки и боднул ее головой. Боевик послушно вернулся в кресло, но присел на самый край, выпрямившись и всем видом показывая, что готов вскочить в любой момент.

– Шамьет сейчас будет, – кивнул Лу и покосился на прошение, которое Аластор бросил на столик рядом с собой. – Вы принесли что-то интересное, монсиньор?

– Интересное – не то слово! – фыркнул Аластор, вытягивая ноги и рассеянно глядя Флориморда. – Вообрази только! Некие господа капитаны егерского полка в количестве четырех человек просят о помиловании своего товарища, пятого капитана этого же самого полка. А в случае, если их прошение останется без ответа, требуют права разделить его участь. У меня! Требуют! Отправить их на плаху! Ты представляешь?! О, кстати, милорд! – повернулся он к Саграссу. – Послушайте, дело прошлое, но мне ужасно любопытно! Почему вы не решились отбывать каторгу в егерском полку? Ведь хотели же в армию, насколько я знаю.

– Но не в егерский же полк, ваше величество! – растерянно отозвался Саграсс. – Конечно, если пошлете... Буду вам служить, где прикажете, – добавил он с таким обреченным лицом, что Аластор почуял азарт, будто вставшая на след собака.

– А что не так с егерями? – поинтересовался он, в ожидании шамьета цапая печенье с блюда на столе. – Не считите за обиду, милорд, но право... у вас такое лицо, словно вы их...

опасаетесь.

– Опасаюсь? – неловко усмехнулся боевик. – Ваше величество, да я их боюсь! И даже не стыдно, представьте себе. Они же бешеные! – добавил он убежденно.

Лучано длинно и мелодично присвистнул.

– Ничего себе! – восхитился он. – Если уж вы, Лионель, так думаете об этих синьорах... Кстати, а почему?

– Потому что в егеря обычно как раз и идут вместо каторги, – объяснил ему Саграсс. – В солдаты отправляют пойманных браконьеров или мятежников, если есть причины их не вешать. Такое редко, но бывает. Голод, например, на чьих-то землях, а лорд вместо помощи крестьянам последнее у них выгреб, вот целые деревни, случается, в леса и бегут. Переловят их, кого-то вернут хозяину, кого-то повесят, если крови успели много пролить. А крепкими здоровыми мужчинами лорд может заплатить часть королевских податей. Работников у него, конечно, убавится, зато в деревнях станет потише – некому будет бунтовать. Вот этими парнями полки королевских егерей и пополняют. Они там все смертники, за малейшее неповиновение – виселица. Ну и офицеры у них – сами понимаете, милорд. Кого из рода изгнали, кто в карты проигрался так, что заплатить не может, кого в нечестной дуэли уличили – в егеря берут всех, позволяют смыть позор кровью. Самая горячая драка всегда достается им, и егеря в ней хороши, но если драки долго нет...

– Синьорам егерям становится скучно, – понимающе кив-

нул Лучано. – Ну да, если привык то и дело приглашать Претемнейшую на танцы, обычные развлечения кровь уже не горячат. И что же натворил этот... пятый капитан? – повернулся он к Аластору.

– Вызвал на дуэль своего полковника, – мрачно сказал Аластор. – И проткнул его к барготовой бабушке одним ударом прямо в сердце.

– О-о-о... – протянул Лучано, не переставая отмерять специи для шамьета с виртуозной быстротой и точностью. – Но если это была честная дуэль... Или нечестная, м?

– Неважно, милорд, – отозвался первым понявший все Саграсс. – Это обычные дуэли – дело чести и королевскому суду не подлежат. А в армии они строжайше запрещены уставом. Тем более между начальником и подчиненным. Если бы подралась пара офицеров одного ранга, на это еще могли бы посмотреть сквозь пальцы. Всякое бывает! Но капитану вызвать полковника, да еще не на квартирах, а во время военных действий... Это же случилось в первом егерском, ваше величество? С молодым полковником Райнгартенем?

– О, так я про это слышал! – оживился Лу, снимая дурманно пахнущий шамьет и вливая туда немного жидкого меда. – Лейтенант Минц рассказывал. И правда, презанятная история!

– Вот! – с показной сварливостью проворчал Аластор, алчно глядя на шамьет. – Все вокруг про это знают, кроме меня! Безобразие!

– Монсиньор слишком занят важнейшими делами, – мурлыкнул итлиец, ставя перед ним дымящуюся чашку. – И не имеет привычки пару раз в неделю заглядывать в гвардейскую караулку с кувшином шамьета.

– Гвардейцы любят шамьет? – поразился Аластор, подвигая ближе блюдо с печеньем, чтобы не тянуться за каждой штучкой.

– Так ведь карвейн им на службе нельзя, – лукаво заулыбался Лу. – А если немного сдобрить шамьет амарильей – это совсем другое дело, м? – Он снова поставил шэнье на горелку, вернул обратно на полку баночки, из которых заправлял шамьет для Аластора, и взял пару других. – Значит, дело интереснее, чем кажется на первый взгляд? И кстати, а что грозит синьору капитану, который знаком с рапирой лучше, чем с армейским уставом?

– Плаха или виселица, смотря какова его настоящая вина, – хмуро отозвался Аластор. – Мой дражайший родственник командор Райнгартен утверждает, что это было убийство. Что дуэль была подстроена капитаном... Гартингом, – вспомнил он имя из бумаг. – Он клянется, что его племянник ничем не оскорбил капитана, а тот не дал ему возможности ни извиниться за якобы нанесенное оскорбление, ни отложить дуэль до возвращения в столицу, как это следовало сделать. Если он прав, то капитана следует повесить.

– А если дуэль была честной – отрубить голову? – понятно уточнил Лу. – Беллissimo! И в самом деле, очень любо-

пытно... Кому-то подчиненные носят в тюрьму пирожки, – покосился он на Саграсса, – а кого-то вызывают на поединок, зная, что в любом случае поплатятся жизнью. Ведь это же капитан вызвал полковника, а не наоборот, верно? А теперь его сослуживцы просят правосудия?

– Требуют, – поправил его Аластор и нетерпеливо подул на шамьет. – Ни больше, ни меньше! И прямо-таки рвутся следом за ним на виселицу или на плаху!

– Идиотти! – радостно восхитился Лу. – Вот теперь, Лионель, я вас понимаю в полной мере. Синьоры егеря и вправду бешеные! Людям вроде меня лучше держаться от них подальше, вдруг это чрезмерное благородство заразно?

– У меня здесь куча бумаг, – вздохнул Аластор, хлопая свободной ладонью по принесенному документу. – Запись военно-полевого суда, который разбирал дело капитана Гартинга. Суд решил, что дуэль была честной, с соблюдением всех необходимых формальностей и в присутствии секундантов. И что капитан, конечно, злостно пренебрег уставом, но за подобную вину обычных офицеров как раз отправляют служить в егеря, так что...

– Не бросить ли нам эту шуку в воду, пусть утонет! – ехидно подхватил Лу.

– Именно, – кивнул Аластор. – Только вот командор Райнгартен с решением суда не согласился и назначил дополнительное расследование. Сначала капитана попытались проверить обычным артефактом, определяющим ложь, а когда

Гартинг уперся, будто баран, и отказался отвечать на вопросы, Райнгартен привел к нему разумника, мастера допросов из орденовой службы безопасности.

Аластор осторожно сделал глоток горячего шамьета и замурился от удовольствия. В меру крепко, в меру сладко и пряно. Беллссимо, как говорит Лу.

– Я его знаю, – подал голос боевик. – Не Роверстан, конечно, однако в своем деле и правда хорош. Меня он тоже допрашивал, – нехотя добавил Саграсс, поморщившись.

– И что говорит синьор разумник?

Лучано снял шэнье и разлил шамьет еще по двум чашкам. Одну поставил перед боевиком, вторую забрал и присел на подоконник. Флориморд, муркнув напоследок, спрыгнул с коленей Аластора и, примерившись, взлетел на окно, усевшись рядом с итлийцем.

– Разумник утверждает, что капитан Гартинг шел на дуэль с твердым намерением убить полковника, что и сделал. И вызывал он Райнгартена с тем же самым намерением, ясным, четким и недвусмысленным. А вот что было до этого и какова причина дуэли, он сказать не может, потому что капитан что-то такое сделал со своим разумом, что не позволяет проникнуть в его память достаточно глубоко. Лорд Саграсс, а такое разве возможно?

– Да, ваше величество, – уверенно кивнул боевик. – Если знать – как, можно защитить память и разум от чтения. Во-первых, есть особые защитные артефакты. Ну, их у Гартин-

га наверняка не было. Во-вторых, можно выпить специальное зелье, которое определенным способом мутит сознание. Только принимать его надо во время тех событий, которые хочешь скрыть. И в крови оно сохраняется надолго, а потом легко определяется алхимическим анализом. И в-третьих...

Он чуть замялся, и Лучано подхватил:

– Да-да, в-третьих?

– Пить не просыхая, – честно признался боевик. – До беспамятства. А уж это егеря точно умеют. Если Гартинг перед дуэлью наакался от души, причем карвейна, у него рисунок мыслей сильно исказился, и последние события не стерлись из памяти, но как бы... потускнели. Сам он их наверняка помнит, а вот разумнику прочитать затруднительно.

– Понятно... – протянул Аластор. – Ну что ж, милорды, мое величество желает разобраться в этой истории. Опять же, родственник умоляет! Вон, прошение о продолжении расследования с применением пыток. А у меня, признаться, душа не лежит пытать человека, который честно дрался с демонами и вообще ни в чем плохом, по мнению людей лорда Аранвена, не замечен. Ну, кроме этой несчастной дуэли.

– Желаете сами с ним поговорить, монсиньор? – пронизательно спросил Лу.

– Желаю! – кивнул Аластор, отпив еще шамьета. – Лу, отправь за ним людей в королевскую тюрьму. И за этими четырьмя – тоже. Я, правда, не знаю, где их искать...

– Найдем, – сверкнул итлиец улыбкой.

– Первый егерский вернулся в столицу, – почтительно подсказал Саграсс. – Офицеры либо в казармах, либо в «Красных Панталонах», самое известное сейчас место. Если ваше величество позволит...

Он вскочил, вопросительно посмотрев сначала на Аластора, потом на Лу.

– Действуйте, Саграсс, – разрешил Аластор. – Лу, а ты вызови во дворец магистра Дункана. Разумник нам не помешает. Нет, ну надо же, карвейн – средство от чтения мыслей!

Откинувшись на спинку кресла, он проводил взглядом выскочившего за дверь боевика и с наслаждением допил шамьет. Лучано соскочил с подоконника, но вместо того, чтобы исполнять приказ, обошел кресло Аластора, положил руки ему на плечи и принялся умело разминать мышцы. Аластор едва не застонал от удовольствия! Проклятое сидение за бумагами! Хуже, чем дрова рубить!

– Магистр Дункан во дворце, – тихо сказал Лу. – У них с месьором вашим наставником тренировка через час после полудня. Я попрошу его задержаться... Кстати, дворец гудит от восхитительной новости. Тебя можно поздравить, Альс?

– Поздравишь, когда ребенок родится, – блаженно закрыв глаза, проговорил Аластор. – Что, правда все уже знают?

– Ее величество светится от счастья, – бесстрастно прозвучал голос друга. – И все, кто шептался, будто она не сможет тебе родить, прикусили языки. Теперь у Риккарди нет причин для отсрочки кредита.

– Они все равно обещали первую выплату только через месяц, – с досадой вздохнул Аластор, совершенно расслабившись под сильными чуткими пальцами, мнущими ему плечи. – Говорят, что не рассчитывали на такую сумму и отправят деньги после осеннего сбора налогов. А лорд Аранвен считает, что они просто выжидали и смотрели, удержусь ли я на троне. Ну и наверное, хотели посмотреть, как я буду обращаться с Беатрис...

«Беатрис...» Даже не произнесенное, имя привычно отозвалось где-то внутри теплой волной. Его Беатрис, милая, желанная! Сейчас, после двух месяцев семейной жизни, навяжение первых дней супружества схлынуло, и Аластор понимал, что женат не на богине, а на живой женщине.

У Беатрис бывали приступы дурного настроения, которое она пыталась скрывать, но было видно, что ее терзают сомнения и страхи. Она отчаянно хотела как можно скорее забеременеть, хотя Аластор заверял, что все понимает и готов ждать, сколько нужно. Порой она бывала резка со слугами и фрейлинами, ее раздражали Флориморд, Перлюрен и даже лошади, на которых Аластор учил ездить Алиенору и Бернику. Беатрис будто ревновала его к каждому живому существу, которое оказывалось рядом! Кажется, по-настоящему она была счастлива и спокойна только с ним наедине, разве что дочерям позволяя делить с ней внимание мужа.

Иногда это начинало раздражать, но Аластор всякий раз напоминал себе, что Беатрис годами чувствовала себя бро-

шенной и униженной, неудивительно, что сейчас она хочет возместить себе всю не полученную от прежнего супруга любовь. Но теперь, когда она носит их ребенка, ее страхи должны исчезнуть, а сомнения – развеяться.

– Ты прекрасно с ней обращаешься, – так же тихо сказал Лу. – Но Риккарди давали кредиты даже Малкольму, хотя все говорят, что от него королева натерпелась. Думаю, они действительно хотели посмотреть, насколько крепко ты сидишь на троне.

– Всей задницей, и еще руками в подлокотники вцепился, – усмехнулся Аластор и услышал, как Лу тихонько фыркнул. – А из Итлии нет вестей? От твоего... мастера?

– Я отправил уже три донесения, – отозвался Лу. – Мастер несомненно их получил. Если он молчит, причин для беспокойства нет. Иначе я бы уже знал о его неудовольствии.

– Понятно, – вздохнул Аластор. – Есть еще новости?

– Я посоветовал начальнику твоей охраны перевести четверых гвардейцев куда-нибудь подальше от дворца, – так же негромко и размеренно уронил Лу. – Двое – заядлые игроки по уши в долгах. Мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь оплатил им эти долги, взамен попросив пару незначительных услуг...

– Тебе виднее, – согласился Аластор. – А еще двое?

– Третий неумеренно пьет и позволяет себе даже на службу являться навеселе, – тихо плыл по комнате голос итлийца. – Помнишь, я говорил про шамьет с амарильей? Так вот,

люди делятся на тех, кто выпивает чашку шамьета с каплей горячительного, а потом спокойно идет на пост, и на тех, кто принимается искать, где достать еще. Кухня, припрятанная в караулке бутылка, паж, которого можно послать за выпивкой... Такой охранник тебе точно не нужен, Альс. А четвертый... Признаюсь, он мне просто не нравится. Парень из тех, кто молча ненавидит весь мир, а такими людьми слишком легко управлять, и верными они быть не умеют. Я объяснил это грандсеньору Аранвену, и он меня поддержал.

– Тебе виднее, – повторил Аластор. – Спасибо, Лу.

– Рад быть полезным, Альс. – Итлиец, судя по голосу, улыбался. – Ну, мелкие сплетни тебе вряд ли интересны... Или рассказать? Лорд Астер, уволенный с должности хранителя постельного белья, недавно в дружеской компании болтал, что твоя любовь к итлийской красоте заходит несколько дальше спальни ее величества. Мол, неважно, кто там у короля в постели, лишь бы при этом болтал по-итлийски, так что не зря фаворит ночует рядом со спальней его величества...

– Что?! – Осознав сказанное, Аластор мгновенно очнулся, но Лу надавил ему на плечи ладонями, не позволяя встать. – Он с ума сошел?

– Нисколько, – отозвался Лучано. – Просто таким образом выразил обиду. Ну неужели ты думал, что избежишь грязных слухов? Сиди, не дергайся. Лорда Астера уже отправили в поместье, канцлер об этом позаботился. Но на каждый

болтливый рот кляпов не хватит. Особенно теперь, когда статут придворных должностей ты сократил на две трети, зато ввел новые. Будь уверен, вскоре тебе начнут приписывать не только меня, но и этих двух маэстрино, которым ты выписал наставника, и северное посольство, и даже Перлюрена.

Голос Лу звучал так шутливо и спокойно, что Аластор возмущенно засопел, но все-таки усидел в кресле. Правильно он выгнал этого Астера, которого даже в лицо не знал! А знал бы – сопровождал бы пинком! Грязь какая... Мерзость!

– Прости, – буркнул он, помолчав. – Представляю, каково тебе было это слышать.

– Мне было лестно, – тихо рассмеялся Лучано. – Альс, ты забыл, что я... принимаю от Всеблагой любые дары? И будь это правдой, поверь, я бы себя оскорбленным не почувствовал. вниманием такого мужчины, как ты, следует гордиться. – Его руки ни на миг не замедлились, продолжая разминать, тереть и гладить. Шея и плечи Аластора приятно горели, а теперь краска бросилась еще и в уши. А Лу задумчиво продолжил: – Пожалуй, вне подозрений разве что гранд-синьор Дункан. Зато про него ходит другой забавный слух, никак с тобой не связанный.

– Какой? – поспешно спросил Аластор, желая уйти от скользкой темы.

– О, видишь ли, грандсиньор продолжает носить помолвочное кольцо... То самое, да. И господа придворные жаждут узнать, с кем и почему магистр Белой гильдии заключил

тайную помолвку. Они даже догадались, что платок из ярко-зеленого шелка грандсиньор носит в честь чьих-то прекрасных глаз. Такой романтичный арлезийский обычай! Но чьи это глаза, пока никому не пришло в голову.

– И очень хорошо, – пробормотал Аластор.

К стыду своему, он понятия не имел про значение зеленого платка и вообще не замечал его на Роверстане. Ну, носит разумник шейный платок – что в этом такого? Может, ему белоснежные мантии и светлые камзолы надоели, вот и добавил к ним яркое пятно! А язык цветов и веера, запахи, букеты и всякие прочие глупости – это для придворных пустозвонов, не знающих, чем заняться!

Но если Роверстан носит зеленый платок, чтобы помнить об Айлин... Аластору до боли в сердце было жаль этого сильного, умного, верного человека, который получил от судьбы такой удар!

– Еще как хорошо, – согласился Лу, который теперь просто гладил ему плечи от основания шеи до ключиц. – Но, видишь ли, при дворе имеется одна зеленоглазая дама. Совершенно одинокая! И весьма... горячая. Она, правда, долго не выезжала, тоскуя о погибшем муже, но недавно они случайно встретились в чьем-то доме, и грандсиньор... мм-м... недостаточно быстро ускользнул от ее внимания. – В голосе итлийца снова послышалась лукавая усмешка. – Дама решила, что это знак судьбы, и начала искать новой встречи, а когда ей это удалось, она увидела на грандсиньоре Роверстане

платок, в точности повторяющий цвет ее глаз. На самом деле, конечно, не ее! Но как объяснить это женщине? В общем, она снова стала появляться при дворе, и бедный грандсиньор одарен женским вниманием немного больше, чем ему хотелось бы. Во всяком случае, от этой женщины.

– Да кто она такая? – не выдержал Аластор. – Лу, говори уже!

Итлиец наклонился к самому его уху и прошептал:

– Не поверишь... Матушка нашей синьорины!

– Леди Ревенгар?! – и вправду не поверил Аластор. – Но... как? Почему? Всего лишь из-за какого-то платка?! Лу, скажи, что это шутка!

– Да если бы, – фыркнул итлиец. – Насколько я понял, грандсиньор в юности ухаживал за этой дамой, но она предпочла отца синьорины Айлин. А теперь, после нескольких лет траура, разглядела, какого мужчину когда-то потеряла, и решила вернуть воду в сухой колодец, как у нас говорят. Вот только грандсиньор не слишком счастлив. Я его понимаю, дама роскошная, но после нашей синьорины...

– Бедный Роверстан! – с чувством отозвался Аластор, потягиваясь и с наслаждением ощущая, как по разогретым мышцам плеч и спины бежит кровь. – Кстати, сходи за ним все-таки!

– Будет исполнено!

Выскользнув из-за кресла, Лу шутовски поклонился, приложив руку к груди. Присев на подоконник, лихо крутанулся

на нем, перекинув ноги через Флориморда, и спрыгнул в сад. Аластор только хмыкнул: и это – серьезный человек! Бывший наемный убийца, а ныне дворянин, правая рука короля и глава тайной службы, хоть и состоящей всего из одного мага-боевика. Да еще енота! Впрочем, даже с такими небольшими силами Лу как-то умудряется знать все, что происходит во дворце и в городе, а если ему больше людей дать?!

* * *

До возвращения Саграсса Аластор успел вернуться в кабинет и обнаружить, что канцлер только что прислал список лордов, просящих отсрочку по налогам. После каждой фамилии в этом перечне Аранвен пунктуально и бесстрастно комментировал, насколько обоснованы просьбы и в какой мере их можно исполнить.

Получалось, что у некоторых аристократов даже из Трех Дюжин задолженности накапливались из года в год, потому что лорды расплачивались с казной частично или не в срок, на просрочки набегала пеня, и в конце концов род оказывался должен больше, чем стоило все его имущество, как было, например, с Эдаланами. Новый глава, которого Аластор лично выбрал по совету канцлера, получил в наследство не только разоренные поместья, но и огромные долги, так что род оказался на грани назначения королевской опеки и конфискации изрядной части этих самых поместий.

Аластор поморщился, понимая, что драть с бедолаги последнюю шкуру просто бесчеловечно, однако и полностью простить недоимки нельзя, это станет опасным примером для остальных, что примут подобный поступок короля за слабость и глупость.

Он вчитался в рекомендации Аранвена, который советовал на три года освободить поместья лорда Эдалана от налогов, но взамен обязать его предоставить работников для новых королевских мануфактур, которые уже начали возводить на землях короны. По расчетам канцлера за это время новоиспеченный глава рода сможет восстановить поголовье скота и вернуть в оборот пахотные земли, которые обнищавшие крестьяне перестали обрабатывать лет десять, а то и двадцать назад. Конечно, забирать у Эдалана слишком много людей тоже нельзя, но лорд в любом случае не сможет сейчас прокормить всех, а для работы на мануфактурах годятся и женщины, и подростки, и немолодые уже мужчины, так что пусть сам выбирает, кого на эти три года отдаст короне. А основную сумму долга, замороженную на это время, Эдалан сможет выплатить позже в рассрочку.

Согласившись с канцлером и сделав нужную пометку в документе, Аластор принялся читать дальше, невольно выглядывая знакомые имена. Среди должников не было ни Бастельеро, ни Ревенгаров, ни Кастельмаро, ни дражайших родственников Райнгартенов, ни, разумеется, Аранвенов – о последнем странно было даже подумать. Зато в нем ожидаемо

нашлись Сазерленд и Логрейн.

Первого канцлер сухо посоветовал проверить при помощи королевских налоговых эмиссаров – была, оказывается, в его ведомстве такая служба, имеющая широкие полномочия, но только по личному приказу короля.

Второй должен был в этом году передать права главы рода племяннице, и требовать уплаты задолженности следовало уже с нее, но только после отчета лорда Логрейна Опекунскому Совету. До этого момента вопрос налогов повисал в воздухе, потому что по бумагам геральдической коллегии девица считалась уже совершеннолетней, но в наследство официально не вступила, а будучи профанкой, и вовсе не могла распоряжаться родовым имуществом в полной мере.

До замужества юной леди следовало найти управляющего, которым мог остаться ее дядя, но только после тщательной проверки на должное исполнение обязанностей опекуна. После замужества имущественные права переходили к супругу леди, но, опять же, с ограничением, касавшимся земель майората. Насколько понял Аластор, если Опекунский Совет решит, что Логрейн управлял имуществом племянницы недобросовестно, опека над юной леди переходила к короне.

Он вспомнил, что канцлер уже говорил об этом и настаивал на скорейшем визите леди Логрейн ко двору. Кстати, а самого Логрейна что-то давно не видно. Может, как раз вернулся в Озерный край за племянницей? Надо будет уточнить...

Дальше пошли должники помельче. У кого-то демоны разорили деревню или поместье, кто-то пострадал от непогоды, три семьи лишились главы, а новый по каким-то причинам еще не вступил в права... Дочитав бумагу, Аластор сделал пометки там, где был полностью согласен с Аранвеном, а там, где сомневался, подчеркнул имена и велел Вильмону переписать их на отдельный лист, сохранив рекомендации канцлера.

Секретарь поклонился, забрал документ и сообщил, что мэтр Саграсс вернулся из города и просит передать, что приказ его величества исполнен. Люди, которых он желает видеть, ожидают в караулке под охраной.

– Прекрасно! – возрадовался Аластор. – Вильмон, пошлите за лордом Фареллом, пусть немедленно подойдет в большой королевский кабинет. И Саграсса с егерями зовите туда же!

Он вскочил, снова потянулся и решил, что сегодня точно больше никаких дел. Вот последнее разберет – и все! В конце концов, у него праздник! До ужина еще несколько часов, можно взять Огонька и съездить к родителям, они наверняка еще не знают прекрасную новость. А вечер провести с женой...

Глава 3

Заговор капитанов

Большой королевский кабинет был придуман для так называемых малых приемов. То есть случаев, когда король должен сидеть в тронном кресле и при регалиях, но много людей протоколом не предусмотрено. С утра здесь по обыкновению распахнули окна, чтобы проветрить, и тяжелые, шитые золотом бордовые шторы колыхались от ветра, гуляющего в дворцовом саду.

Кроме тронного кресла – массивного, с высокой спинкой, украшенной гербом Дорвенанта, с подлокотниками и толстыми ножками-лапами – в кабинете стоял у стены небольшой стол для секретаря и пара стульев на случай, если король пожелает оказать кому-то милость, разрешив сидеть в своем присутствии. Ковровая дорожка в цвет шторам багряным росчерком пересекала начищенный паркет от тронного кресла к двери, позолоченные деревянные гербы Трех Дюжин на стенах сияли в солнечном свете, и, хотя Аластор не любил тяжелую вызывающую роскошь большого кабинета, но признавал, что в такой обстановке королевская персона вызывает куда больше почтения, чем в спальне своего фаворита или малой гостиной.

Он упрямо прошагал по дорожке, подавив мгновенное же-

лание обойти ее по паркету, опустился в кресло и поправил обруч древней короны, прихваченной из собственного кабинета, небольшого, обжитого и уютного. Корона Дорве сидела отлично, не давила, и даже ее тяжесть казалась какой-то правильной, придающей спокойствия.

Следом в кабинет тенью скользнул мэтр Вильмон, заняв место за столом, а потом в дверях изволили показаться господа советники, они же королевские фавориты, и они же «эти обнаглевшие южане», как недавно выразился кто-то из придворных дармоедов, не подозревая, какой хороший у Аластора слух. А потом посетовал, что урожденному дорвенантцу хорошей крови и больших талантов никак не пробиться в придворной службе, пока место приличных людей рядом с королем занимают всякие выскочки то итлийского, то арлезийского, то фраганского происхождения.

Ну что ж, Аластор оценил такое горячее желание послужить короне и нашел говоруну дело – отправил на северную границу комендантом в крепость Драконий Зуб. Там лорд вряд ли встретит столь нелюбимых им южан, зато пользу королевству принесет немалую.

– Опаздываете, господа, – шутливо упрекнул он.

Разумник молча склонил голову, приложив руку к груди в знак извинения, а Лу откликнулся:

– Простите, монсиньор! Видит небо, у нас и в мыслях не было заставлять ваше величество ждать. Ах, эти неподвижные обстоятельства! Увы, наш дорогой грандсиньор Дун-

кан едва не пал жертвой собственной любезности, пытаясь объяснить одной настойчивой даме, что занят и не может сопровождать ее в прогулке по саду. Если бы не мое своевременное появление...

– Это та самая дама? – заинтересовался Аластор, и разумник с легким вздохом кивнул, а потом добавил с непроницаемым лицом:

– Лорд Фарелл был весьма любезен, позволив мне удалиться, не оскорбив... почтенную леди.

Аластор хмыкнул, понимая, что мать Айлин едва ли старше самого Дункана, если не моложе и звать ее «почтенной» больше похоже на оскорбление, чем на любезность. Наверное, леди Ревенгар изрядно досадила магистру своими преследованиями. И куда только смотрит ее сын? Это ведь он должен хранить семейную честь. Впрочем, если молодой Ревенгар снова уехал в полк, не зная, как ведет себя его матушка, ему можно лишь посочувствовать.

Он украдкой глянул на зеленый платок, о котором шла речь. И правда в точности того же цвета, что глаза Айлин. Как свежая летняя трава...

В коридоре послышалось звяканье амуниции и негромкий голос Саграсса. Секретарь встрепенулся, вопросительно посмотрев на короля, и Аластор кивнул.

– Зовите, – распорядился он. – А вас, господа, прошу! Магистр, можете взять стул.

– Благодарю, ваше величество, – улыбнулся Дункан. –

Мне будет удобнее последовать примеру лорда Фарелла.

И он встал за тронным креслом с правой стороны, потому что левую уже занял быстро скользнувший туда итлиец. В дверях показались Вильмон и Саграсс, а за ними – несколько человек в темно-сером. Аластор, который никогда не видел егерей, с интересом к ним присмотрелся, пока пятерка строилась у входа в кабинет.

Вот этот, самый потрепанный и небритый, наверняка Гартинг. Ну, трудно его осудить, в тюрьме не очень-то удобно следить за собой. На выцветшем и потертом грязно-сером сукне капитанской формы темнеют пятна сорванных нашивок, лицо хмурое, с упрямым, заросшим щетиной подбородком и льдисто-голубыми глазами. Коротко подстриженные черные волосы с проседью не скрывают, что правое ухо капитана срезано наискосок, а шею над воротником пересекли несколько жутких поперечных шрамов. Гартинг напомнил Аластору матерого пса, побывавшего во множестве драк, и остальные четверо неуловимым сходством подтвердили это ощущение. Шрамов и отметин хватало у всех, а главное – взгляды.

Молча пройдя половину пути до тронного кресла и остановившись посреди кабинета, капитаны смотрели исподлобья, без всякой лихости, которую Аластор невольно представлял по рассказам Саграсса. В отличие от Гартинга, они успели переодеться, потому что были в такой же серой форме, однако новой, не успевшей обтрепаться, и капитанские

нашивки цвета крови ярко выделялись на ней, видные издалека. Блестящие ремни портупей, начищенные сапоги – вполне приличный вид, хотя с гвардейцами не сравнить, конечно.

Аластор про себя хмыкнул и подумал, что в такой невзрачной одежде егерям, пожалуй, удобно прятаться в лесу. Им бы еще зеленых пятен на нее добавить – и в листве вообще не разглядеть. Что там Саграсс говорил про бывших браконьеров? Пожалуй, сторожевого пса напоминает как раз боевик, а эти пятеро скорее похожи на матерых волков, которые стаей и медведя взять не побоятся.

– Капитан Гартинг? – отрывисто спросил он, вернувшись взглядом к первому егерю, за которым бдительно следил вставший у стены Саграсс.

– Так точно, ваше величество! – отозвался провинившийся егерь, отдав честь.

– Я ознакомился с вашим делом, – сообщил Аластор. – Командор Райнгартен уверяет, что в нем очень много непонятного, и я склонен с ним согласиться. Скажите, вы ведь знали, что за дуэль с командиром пойдете под суд, а затем, возможно, на плаху?

– Так точно, ваше величество!

Поймать взгляд капитана никак не получалось, Гартинг упорно смотрел поверх головы Аластора куда-то на спинку кресла, и это невероятно раздражало.

– А зачем тогда его вызвали? – хмуро поинтересовался он,

чувствуя, как портится настроение. – Что, хотя бы до возвращения в столицу потерпеть не могли?

– Никак нет, ваше величество! – пролаял капитан.

Аластору вспомнились резные солдатики, которыми он любил играть в детстве. Форма у них, правда, была поярче, обычная рейтарская форма, зато лица такие же... деревянные.

– Что было причиной дуэли? – еще мрачнее поинтересовался он, обводя взглядом всех пятерых.

Ну точно болванчики – даже не смотрят на него! И что там интересного за его креслом? Не Лучано же с магистром они разглядывают.

– Не могу сказать, ваше величество, – отбарабанил капитан, и Аластор холодно уточнил:

– Даже по моему приказу? И если речь идет о вашей дальнейшей судьбе? Кстати, капитан, вы знаете, что ваши товарищи всемерно рвутся разделить вашу участь? Неужели вам хочется утащить их за собой даже не на плаху, а на виселицу?

Все-таки он пробил броню Гартинга! Взгляд егеря дрогнул и на миг метнулся к стоящей по другую сторону ковровой дорожки четверке, а потом капитан еще сильнее выпрямился и с отчетливой тоскливой ноткой, но по-прежнему браво отрапортовал:

– Болваны, ваше величество! Не извольте их слушать, сами не знают, что несут!

– Ах, во-от как... – протянул Аластор и злорадно поко-

сился на четверых. – Не знают? Вот так просто взяли и решили попросить о помиловании государственному преступнику? А если не выйдет – прогуляться вместе с ним в петлю? Потому что знаете, капитан, если я не услышу от вас достойную и внятную причину дуэли, мне придется согласиться, что лорд Райнгартен прав и это все-таки было убийством. Вы бы хоть придумали что-нибудь, Гартинг! Например, что речь идет о чести дамы...

На него волной накатывало мрачное веселье, природу которого Аластор сам не очень-то понимал. Он бы никогда не позволил себе издеваться над чьей-то жизнью и смертью, но эти пятеро... Что-то с ними не так!

– Никак не могу, ваше величество! – выдохнул капитан и пояснил, опустив глаза почти застенчиво: – Врать королю? Увольте, лучше на плаху. Если будет на то ваша милость. А если нет, можно и на виселицу. Только эти болваны ни при чем, я вам честью клянусь...

Голос Гартинга дрогнул, и Аластор вздохнул, понимая, что комедия затянулась. Признаваться по-хорошему егерь не собирается, магистр молчит, а значит, нет ни одной причины отказывать Райнгартену в продолжении следствия. И допрос с пристрастием кажется вполне логичным. Мало ли что душа не лежит... Может, капитан только выглядит простодушным честным воякой, а на деле и вправду убил злосчастного полковника из-за какой-нибудь... трактирщицы! Что, кстати, одно другому не противоречит!

И тут его осенило.

– Ну что ж, – зловеще протянул он, немного подаваясь вперед. – Не желаете говорить своему королю правду – как угодно. Тогда и я не вижу никаких причин для помилования. Вам, капитан Гартинг, отрубят голову. После допроса с пристрастием, как требует командор Райнгартен. А этим господам, – глянул он на угрюмо молчащую четверку, – дорога обратно в полк. Ни у меня, ни у командора к ним претензий нет...

– Ваше величество! – не выдержал, как и рассчитывал Аластор, один из четверых, здоровенный вояка со шрамом через все лицо. – Дозвольте сказать...

– Заткнись, Руди! – рявкнул обернувшийся к нему Гартинг.

– Сам заткнись! – огрызнулся тот. – Тебе хорошо, казнят – и все! А нам потом жить с этим?!

«Вот это у них понимание “хорошего”! – молча восхитился Аластор. – И как тут не согласиться с Лу насчет “идиотти”?»

А капитаны продолжали рычать друг на друга, в пылу перепалки напрочь забыв о короле.

– Договорились же! – яростно выплюнул Гартинг. – Какого вы теперь за мной на плаху лезете? Ур-роды тупые!

– На себя посмотри! – не остался в долгу Руди, которого Аластору не представили полным именем. – Отрубили бы тебе башку – и Баргот с тобой! А про дыбу и кнут ни разго-

вора, ни уговора не было! И вообще, не тебе за нас решать, барготово дерьмо тебе в глотку!

– Руди дело говорит, – поддержал его коренастый и совершенно седой усач-егерь. – Уговор был про другое! Ты свою часть выполнил, а остальное – наша забота!.. Не лезь поперек всего капитанства, Сэмми!

Лицо Гартинга побагровело, а глаза, напротив, выцвели, став почти белыми. Он сжал кулаки... Между капитаном и тронным креслом вдруг возникла почти прозрачная дымка – Саграсс бросил магический щит. Не обращая на это внимания, Гартинг шагнул к набычившемуся Руди...

«Обнаглели! – изумился про себя Аластор. – Будто меня здесь и нету!»

Остро жалея, что не озаботился принести с собой секиру, – что ни говори, аргумент в любой беседе весомый! – он чуть привстал с кресла, опираясь ладонями о подлокотники, и во весь голос рявкнул:

– Ма-алчать! Смир-рно!

Вздвогнув, капитаны рывком вытянулись, одновременно поворачиваясь к нему. Во взглядах всех пятерых вспыхнул непритворный ужас.

– Простите, ваше величество! – опомнился Гартинг. – Забылись...

– Ты! – ткнул пальцем Аластор в Руди и велел тем же голосом. – Быстро говори, что собирался. Ну!

– Так точно, ваше величество! – Капитан выпрямился еще

сильнее, прямо в струнку вытянулся, и выдохнул: – Ваше величество, это мы все вместе придумали! Всем капитанством полка, значит... Когда поняли, что полковник рехнулся и всех погубит. А Гартингу просто жребий выпал. Он всегда везучий был. А может, и передернул колоду...

– Сам ты шельмуешь, стер-рвец... – прошептал злобно Гартинг и осекся под взглядом Аластора.

– Дальше! – велел Аластор, с тем же темным азартом понимая, что след наконец-то начал распутываться. – Что сделал полковник?

– Так трясину велел штурмовать! – едва ли не взвыл Руди. – Рольфстокскую трясину, куда большую часть года вообще хода нет! Разве что летом в самую жару, да и то по краю! Местные крестьяне там деревянную гать положили, чтобы за ягодами ходить, и то постоянно люди топнут, хотя каждую кочку помнят. А полковник велел от этой гати новую стелить и всем полком по ней в болото, значит. За демонами, которые там окопались! Потому что иначе до них не добраться, а истребить-то надо! Они же, стервцы, днем в болоте прячутся, а как ночь – лезут из него и прут в ближние деревни, скотину и людей режут. Вот полковник, поимей его Баргот, и придумал этакое... дивное... Настелить тропу и демонячью лежку разыскать. Мол, раз они там живут, и болото их держит, значит, удержит и людей. Ну и вот... Созвал он нас вечером на совет, а сам сияет, как яйца у кота... Простите, ваше величество!

– Ничего, – кивнул Аластор, и сконфуженный капитан пылко продолжил:

– Говорит, мол, кто-то ему сказал, что посреди болота сухое место имеется, заповедное, только до него добраться надо! Видать, там демоны и прячутся. Разлом, который возле Мервиля открылся, стихийники-то закрыли, новые демоны оттуда больше не полезут, а истребить старых, которые тут остались, это наш святой воинский долг. Оно, конечно, никто не спорит, что долг! Но ведь их истребить, а не самим при этом в болоте потопнуть! Гать эта даже не гвоздями сбита – откуда у крестьян столько гвоздей? Где веревками связана, где – ремнями, где просто на столбах внахлест срублена. Гуляет над болотом, а под ней бездонная трясина. Ступишь – и где по щиколотку в воде, а где и по колено провалиться можно. Ну, полезли бы мы по ней, допустим. Сказать по правде, и не в такие места лазили, служба у нас всякая бывает... Но демонам нас на этой гати подловить – как хвостом вильнуть! На ней же драться толком не выйдет ни оружием, ни магией, а эти твари верткие, как... как...

– Я знаю, – буркнул Аластор. – Встречался. Не на болоте, правда, в лесу. Но тоже приятного мало.

Капитан поглядел на него с уважением и кивнул.

– Ну вот, – безнадежно выдохнул он. – Сами, значит, понимаете, ваше величество. Это даже не драка вышла бы, а просто... как самим себе глотку взять да перерезать.

Аластор это понимал и был полностью согласен с егерем.

Чего он не понимал – так это о чем думал Райнгартен, отдавая такой нелепый, безумный, самоубийственный приказ! Ну не полный же он дурак был, раз дослужился до полковника! Должен был сообразить, что посреди болота на неустойчивом деревянном помосте с кучей щелей и провалов демоны перебьют беспомощных людей, не позволив даже добраться до своей лежки, которая то ли есть, то ли ее вообще нет.

– Вы ему-то сказали? – спросил он, и егеря вздохнули все разом.

– Говорили, ваше величество, – отозвался Руди, а остальные так же одновременно кивнули. – Честно пытались объяснить, что не получится ничего. Только людей положим и сами ляжем, причем без всякой пользы. Ну пару-тройку тварей каждый прихватит, конечно... Только мы даже не знаем, сколько их там. А маги, которых Орден прислал, тоже руками развели. Чтобы осушить болото, их не полдюжины нужно было, а несколько десятков – и не один год работы, так они сказали. Да и то неизвестно, получится ли. А если получится, то в окрестностях земля родить перестанет и людям уходить придется, потому что болото не осушить, пока водяные жилы в земле не перекроешь... Ну вот, а если болото не осушать, то от магии не так уж много толку. Что Молотом Пресветлого эту тварь на лету сбить, что из арбалета – разница невелика. Огнем, опять же, кидаться нельзя, гать хоть и мокрая, но местами может загореться, а главное, драка будет

вповалку, магам там не развернуться.

Аластор понимающе кивнул, вспомнив стену огня, которую Айлин пустила на демонов. На болоте ничего не вышло бы! Но если это понимает он, профан и совершенно не военный, то... Неужели полковник действительно сошел с ума?!

– Мы его все уговаривали, – подал голос седой егерь в мрачном молчании остальных. – Но у полковника был приказ от командора истребить нечисть как можно быстрее. Потому что новый король вот-вот начнет в должность вступать и захочет узнать, как оно там обстоит, в болоте этом, Бар-ргот его...

– Так и было, – подтвердил Руди. – Полковник сказал, что если мы отказываемся исполнять долг, то мы все – трусы и подлежим трибуналу. А он сам поведет полк и покажет, как надо служить королю...

Он отвел взгляд, полный безнадежности, и Аластора перередернуло. Это что же получается?! Райнгартен даже не болван! Он... преступник! Это его следовало отдать под трибунал, погуби полковник столько людей! Но командор наверняка встал бы на сторону родственника... Или нет?

– И тогда вы решили его... убить, – медленно продолжил он, едва сдерживаясь, чтобы не выругаться. – Гартинг, ответьте мне на один вопрос! Почему вы потом на допросе у командора не рассказали правду?! Племянника ему бы это не вернуло, но Райнгартен – разумный человек! Он хотя бы о допросе с пристрастием просить не стал бы. Зачем вообще

было затевать эти... дурацкие тайны?

Капитан обреченно опустил взгляд, понурился, но Аластор успел заметить, как на скулах у него заходили желваки. Ну и что теперь делать с этим упрямым?! Сам ведь буквально рвется на плаху!

– Потому что господа капитаны, все пятеро, договорились вызывать полковника Райнгартена по очереди, если у первого или второго не получится задуманное, – прозвучал спокойный голос Роверстана, и Аластору стоило огромных усилий не обернуться. А вот капитан вздрогнул, подтверждая правоту разумника. – И, узнай об этом суд, речь шла бы уже не просто об убийстве, а о заговоре. Капитан попросту выгораживал сослуживцев.

– Милорд магистр, вы уверены? – поинтересовался Аластор. – Мэтр-разумник из службы безопасности этого не понял.

– Мэтр Овайн читал капитана Гартинга, – пояснил Роверстан. – Который заранее принял против этого меры, грубые, но вполне действенные. А я прислушался к мыслям его сослуживцев. Кстати, прошу за это прощения, господа. Дело и вправду государственной важности, я действовал по желанию его величества.

Егеря мрачно посмотрели в его сторону, но ничего не сказали.

– Это правда? – переспросил Аластор. – Насчет заговора?

– Так точно, ваше величество, – снова отозвался седой. –

Вы Сэмми, то есть капитана Гартинга, не извольте слушать. Мы все вместе это решили, когда вышли с того совета. Полковник велел завтра же с утра выдвигаться к окраине болота. Времени не было, порталы не работали. Да если бы и работали, кто бы нас послушал? Мы же егеря, висельники. А он самому командору родня! Нас ведь и правда следовало за неисполнение прямого приказа под суд отдать. Только людей бы это не спасло. Все пять рот в том болоте остались бы, а может, и рейтары, которые следом за нами должны были идти. Там же еще второй рейтарский с нами рядом стоял... Ну вот, вышли мы с того совета и разыграли, кому, значит, полковника вызвать... Потянули карты из колоды, Сэмми самую старшую и вытащил. Архимага... – добавил он зачем-то и с явным подозрением покосился на Гартинга, который ответил ему негодующим взглядом.

– А напиток перед дуэлью предложил я, – сказал один из двух молчащих егерей, самый молодой, рыжеватый и скуластый. Отдал короткий офицерский поклон и представился по всей форме, даже с некоторой щеголеватостью: – Мэтракапитан Юлиус Бомгард, Желтая гильдия. К услугам вашего величества! – А потом добавил без вызова, но с откровенной простотой: – Мы, иллюзорники, тоже кое-что в этом понимаем. Напиток было проще всего, чтобы потом никто ничего на допросе не понял. И ведь не понял же! Если бы не магистр...

Он неприязненно глянул на Роверстана, который преспо-

койно сообщил:

– Непременно передам мэтру Овайну, что он теряет хватку.

– Так! – в который раз повторил Аластор, и все смолкли. – Так...

Теперь ему все было ясно, но этого стало ничуть не легче. Дурак полковник сам выкопал себе могилу, если бы он остался в живых, погубив полк егерей и, возможно, еще рейтар, Аластор точно отдал бы его под трибунал. И даже если бы до этого не дошло, за подобную идею Райнгартена следовало разжаловать – и плевать, кто у него дядюшка! Дядюшке следовало вложить в пустую голову племянника побольше ума или хотя бы научить его слушаться тех, кто понимает в своем деле!

Но с Гартингом-то что теперь делать? Просто помиловать капитана, вернуть его и остальную лихую братию обратно в полк? А возможно ли это? Допустим, рассказать Райнгартену, что едва не натворил его племянник, просто необходимо. Допустим даже, командор поймет, почему егеря решились на такое... Поймет, но вряд ли простит! Разве что согласится казнить Гартинга без пыток...

Притихнув, егеря рассматривали бордовый ковер у себя под ногами так внимательно, словно видели вместо него ту самую смертельно опасную трясину. Замер у стены Саграсс, который так и держал между ними и Аластором пленку щита, хотя в этом уже не было необходимости. Молчали ма-

гистр Роверстан и Лучано. Их, конечно, можно было спросить, но... решать ему. Как обычно.

– Капитан Гартинг... – начал Аластор, и егерь поднял голову. – Скажите сами, чего вы заслуживаете, если судить по армейскому уставу?

– Казни, ваше величество, – просто и ясно ответил Гартинг, не отведя взгляда и не дрогнув.

– Казни, – тяжело вздохнув, согласился Аластор. – А вы, господа? – глянул он на егерей.

Седой ответил за всех, мрачно и так же ровно отозвавшись:

– Казни, ваше величество. – И перечислил: – Неподчинение приказу, заговор, сокрытие преступления... А если бы у Сэмми не получилось, то мы снова карты тянули бы. Так что хоть по уставу, хоть по справедливости, а что ему, то и нам причитается.

– Это почему же у меня не получилось бы? – возмущенно буркнул Гартинг, но Аластор бросил:

– Молчать.

И егерь мгновенно смолк. Да и вообще королевский кабинет разом заполнила такая вязкая плотная тишина, что Аластору на несколько мгновений стало тяжело дышать. Он смотрел на пятерых человек, жизнь которых не просто зависела от его воли – он и сделать-то ничего не мог, чтобы эту жизнь им подарить. Как с Лионелем Саграссом... Но тогда удалось вывернуться, найдя лазейку в законе о наказаниях.

А что делать сейчас? Нельзя же просто приказать Райнгартену забыть смерть своего племянника?! Обоим лордам Райнгартенам, кстати... И дело вовсе не в том, что погибший был золотой крови, хотя именно это возмутит лордов, когда история выплывет наружу. Дело в том, что эти пятеро заслужили справедливость. Да, они убили одного человека. Но спасли гораздо больше жизней, которые этот... честолюбивый дурак непременно погубил бы! По закону они были преступниками, но... будь полковник Райнгартен его родным братом, Аластор не смог бы осудить капитанов. Плакал бы его, но их понял! Потому что эти пятеро спасали не только себя, но и тех, за кого отвечали.

Он потер лоб, который вдруг сдавила увесистая корона. Обруч показался неудобным, хотя всегда был точно впору, обычно Аластор его и не замечал на себе. Это неудобство показалось важным, словно должно было навести на какую-то мысль... Аластор вздохнул. Хорошо было Дорве! Тогда законы были проще, а воля короля ценилась куда выше. Теперь все не так. Не будешь ведь кидаться секирой каждый раз, когда ты понимаешь свою правоту, а окружающие – нет!

Еще и капитаны эти... Злость на неприятное решение, которое придется принимать, вернулась в полной мере. Аластор знал, что нужно кликнуть стражу, велеть увести их, а дальше... Дальше ему просто придется поставить подпись на документе – и он даже не увидит смерть егерей. Их просто не станет ни в его жизни, где они появились всего на какой-то

час, ни в мире, который вряд ли заметит отсутствие пятерых «висельников».

Ну и чего так плохо-то?! Почему злость рвется наружу, причем не простая, а смешанная с холодным весельем? Почему вместо правильного приговора, который одобряют и поймут решительно все, ему хочется вызвать сюда лорда Райнгартена и совершенно не по-королевски вмазать ему по холеной учтивой физиономии? За дурака-племянника! За пару полков, которые едва не утопили в болоте и не скормили демонам, потому что командор торопился отчитаться королю о победе! За то, что Аластору сейчас нужно срочно придумать, как напугать эту пятерку матерых волчар до того, чтобы у них в мыслях не появилось, будто они избежали наказания! А ведь их не наказывать, их награждать надо! Вот как Лионеля Саграсса...

Хм. Хм... Хм!

– Все верно, господа... – вкрадчиво сказал Аластор, немного отпуская поводья этого злого веселья, которое не давало просто отбросить его. – И казнь – это еще самое малое, чего вы заслуживаете.

Из-за левого плеча послышался быстрый удивленный вздох Лучано. Магистр молчал, и Аластор не стал задумываться, читает ли разумник сейчас его собственные мысли. Плевать! Эти двое в любом случае не расскажут никому ничего лишнего, да и Саграсс, пожалуй, тоже. Еще есть секретарь, но... Все потом!

– И знаете почему? – уронил он, оглядывая застывших с каменными лицами егерей и постепенно повышая голос. – За глупость, господа! За невероятную глупость и позорное... разгильдяйство! – Немного помолчал и продолжил, с наслаждением чеканя каждое слово из той чуши, что сама лезла на язык и почему-то была сейчас правильнее любых умных речей: – Вы что же думаете, господа, у короля столько полковников, что можно безнаказанно прибить одного-другого? Ну достался вам в полковники дурак, бывает! Что же его теперь, убивать?! Да вы его беречь должны были! Ясно вам?! Охранять как величайшую ценность!

Егеря смотрели на него с вытаращенными глазами. И седой, который у этой пятерки явно был за главного. И щеголеватый иллюзорник Бомгард. И Руди, который подозревал Гартинга в том, что тот передергивает, но не хотел видеть его на дыбе. И сам Гартинг. И пятый, что так и не сказал ни одного слова, но все равно Аластор был уверен, что до конца жизни не забудет эту мрачную разбойничью физиономию с раскосыми глазами. Они молчали и слушали, как его несет лихое дурное вдохновение сродни тому чувству, которое Аластор испытал в коридоре лазарета, когда бил Артура Ревенгара. Только тогда гнев управлял его кулаками, а теперь – языком!

– Вы, мерзавцы! – загремел голос Аластора на весь кабинет, и егеря на глазах начали бледнеть. – Енотьи дети! – добавил он в порыве вдохновения. – Если видели, что полков-

ник рехнулся, так надо было не убивать его, а довести до лекарей живым... Кто вас вообще заставлял этого болвана слушаться?! Ваше дело – следить, чтобы господин полковник был жив и невредим! Дали бы ему по башке и сунули в обоз куда-нибудь! В ковер бы закатали для сохранности! И еще этой пересыпали... как ее... от моли...

Он пошевелил пальцами в воздухе, пытаясь вспомнить слово, и егеря следили за его рукой в священном ужасе.

– Лавандой, ваше величество, – с почтительным восторгом прошелестел из-за кресла Лучано.

– Точно, лавандой! – искренне обрадовался Аластор. – Лавандой надо было его пересыпать, вот! Я бы взошел на трон и спросил у вас: «Где полковник, мерзавцы?! Куда вы его дели?!» А вы бы достали полковника, отряхнули – вот! Молью не трачен и пахнет приятно! А сейчас что?! Я вас, еногьи дети, спрашиваю, что сейчас? Я что должен командору Райнгартену сказать?! Что его племянник – дурак? Болван, которого пришиб на дуэли другой болван?! Молчите?! Правильно делаете, господа! За такую тупость вы даже казни не заслуживаете! Я вас хуже накажу... Вы у меня до конца жизни позорное клеймо носить будете... И вы, весь полк, который вы опозорили! Когда вам, болванам, целого полковника доверили, а вы его не уберегли!

Пожалуй, следовало переходить к следующему пункту, пока егеря не опомнились. Какой-то частью рассудка, который сохранял остатки здравомыслия, Аластор отлично это

понимал. Сейчас они растеряны, потому что ожидали чего угодно: казни, допроса под пытками, но только не этого... балагана. Вот и отлично! Вот и беллиссимо, как Лу говорит!

– Мэтр Вильмон! – громохнул Аластор, и секретарь подскочил на стуле, едва не сбив локтем чернильницу. – Пишите указ! По всей форме! Я, Аластор Кеннет Лоренс Ульв, урожденный Дорвенн! Повелеваю отныне и впредь! Первому егерскому полку моего величества полковников никогда не назначать! Не заслужили! И всем королям, что будут на троне после меня, оставляю мой строжайший приказ и завещание. Быть первому егерскому полку без полковников! Записали?

– Д-да, ваше величество, – дрожащим голосом заверил Вильмон. – А как же... они будут управляться?

– А вот так и будут, – с ехидным наслаждением заявил Аластор и ткнул пальцем куда-то между Гартингом и четверкой остальных. – Господа капитаны остаются на своих постах! Я бы их, конечно, казнил, но это слишком милостиво! Пусть живут и мучаются! Вы, Гартинг, станете первым! Принимаете командование полком и только попробуйте мне натворить каких-нибудь глупостей! Учтите, я теперь глаз не спущу ни с вас, ни с остального капитанства! А через год передадите пост кому-то из ваших храбрых сослуживцев... Или его преемнику, если того убьют. По старшинству или по жребию – сами решайте. Но никакого звания полковника! Больше никогда, ясно вам? Ясно, я спрашиваю?!

– Да, ваше величество, – выдавил оторопевший Гартинг. – Но как же... А приговор? Командор Райнгартен...

– С командором я сам побеседую, – заявил Аластор, наконец-то вольготно разваливаясь на тронном кресле. – А с остальными извольте мои приказы не обсуждать! Приговариваю вас всех к пожизненному капитанству в егерях без права на помилование! Мэтр Вильмон, записали?

– Да, ваше величество! – отозвался лихорадочно строчащий секретарь. – Жалованье сохраняется?

– С надбавкой, – пару мгновений подумав, согласился Аластор. – Одна пятая полковничьего жалования каждому. Но на все время исполнения обязанностей командира полка – полнейшая трезвость, никаких азартных игр и дуэлей! Узнаю, что нарушили, Гартинг, я вас не на каторгу отправлю, не надейтесь. Я вас во дворец переведу! И не гвардейцем, а фрейлиной! Слово даю! Ясно вам?

– Да, ваше величество, – обреченно выдохнул бледный егерь и умоляюще попросил: – По праздникам хотя бы можно? За ваше королевское здоровье?

– За мое здоровье можно, – милостиво позволил Аластор. – По праздникам и не больше одной бутылки. А теперь свободны, господа! Гартинг, ваша служба начинается завтра!

«Скажу Райнгартену, что дал зарок Всеблагой, – промелькнуло у него в мыслях. – Ни одного смертного приговора, пока моя жена не родит. Он должен понять... А чтобы понял еще лучше, объясню, что только ради его семейной

честь я эту историю вообще похороню. Иначе мне пришлось бы задуматься, какой дурак назначил другого дурака на пост, где тот едва не утопил в болоте два полка! Райнгартен у меня все поймет... Родственничек!»

Пятерка егерей слаженно отдала честь, развернулась и вышла, нестройно чеканя шаг. Аластор ни на миг не сомневался, что лихое капитанство первого егерского сегодня напьется до полусмерти. Собственно, для того и обронил про завтрашнюю службу. Но пусть их. За помилование – можно. А что это именно помилование, господа капитаны сообразят очень быстро...

– Вы тоже свободны, мэтр Вильмон, – сообщил он, едва сдерживая смех, и понятливый секретарь быстро выскочил за дверь, плотно прикрыв ее за собой.

Почти в то же самое мгновение из-за тронного кресла с непристойным ржанием, достойным пары жеребцов, вывалились господа советники. Дункан упал на освободившийся стул секретаря, а Лу сел прямо на ковровую дорожку у ног Аластора, подвивая от восторга и утирая проступившие на глазах слезы.

– Лаванда! – почти рыдал он. – Завернуть в ковер и лавандой... пересыпать... Беллissimo... Монсиньор, я вас обожаю! Альс, ми амо-о-ор!

– Бедный егерский полк! – вторил ему Роверстан. – Ваше величество, вы... тиран! И деспот! Я это заявляю... как историк!

– Вот и не роняйте мою репутацию тирана! – сварливо заявил Аластор и посмотрел на Саграсса в надежде, что хотя бы боевик сохраняет свою обычную серьезность.

Но у того губы тоже тянулись в улыбке, и Аластор, вздохнув, махнул рукой и наконец-то рассмеялся.

– Двор будет в ужасе, – предположил он, удобнее устранившись в кресле. – Они только-только начали считать меня приличным королем. А я...

– А вы, ваше величество, не обязаны оправдывать их ожидания, – продолжая улыбаться, но с очень серьезными глазами сказал магистр. – Позвольте мне продолжить как историка. Во все времена люди прощали своим королям и жестокость, и разврат, и даже откровенную глупость. Непростительна была только слабость и неуверенность в своих решениях. Не подумайте, что я оправдываю тиранию и беззаконие, но что важнее? Жизнь одного человека, который оказался не на своем месте и не смог это понять? Или множество жизней, которые он неминуемо погубил бы?

Роверстан смотрел на него очень внимательно, и Аластор тоже ответил с полной серьезностью:

– Конечно, второе, магистр. Я только надеюсь, что сам никогда не окажусь на месте, для которого... непригоден.

– О, вам этого не стоит опасаться, монсиньор, – со смехом заверил его Лу. – Клянусь Всеблагой, вы великолепны! Лаванда! И пожизненное посменное капитанство! Саграсс, как вы думаете, скоро ли первому егерскому полку станут зави-

довать все остальные?

– Полагаю, что начнут уже сегодня вечером, – отозвался боевик, по обыкновению сдержанно улыбаясь. – Ваше величество, позвольте спросить, а всем остальным тоже запрещено обсуждать этот случай? Вы же понимаете, стоит мне или лорду Фареллу показаться в караулке...

– Обсуждайте на здоровье, – великодушно махнул рукой Аластор. – Но, надеюсь, в ваших рассказах я буду грозен и деспотичен!

– Грозен как сам Дорве! – заверил его Роверстан.

– И деспотичен как Перлюрен, – добавил Лучано. – Кстати, никто не видел Перлюрена? Утром я поручил его нашему бамбино и теперь не могу найти обоих.

– Поищи на кухне, – все еще смеясь, предложил Аластор. – Рано или поздно кто-то из двоих проголодается, а дорогу туда знают оба.

– Отличная мысль, монсиньор! – мурлыкнул итлиец, одним упругим движением вскакивая на ноги. – Лионель, не вздумайте зайти в караулку без меня! Я должен это слышать! Грандсиньор, вы идете с нами?

– Пожалуй, загляну в дворцовую библиотеку, – отозвался разумник. – Вы позволите, ваше величество?

– Сколько угодно, – снова махнул рукой Аластор. – Милорд, я вам давно сказал, что весь дворец в вашем распоряжении. Это меньшее, чем я могу отплатить за вашу дружбу.

– Всегда к вашим услугам, – с улыбкой поклонился Дун-

кан и вышел, на ходу поправляя немного сбившийся от смеха зеленый платок.

Вслед за ним вышли Лу с боевиком. Аластор проводил их взглядом и блаженно улыбнулся. Превосходное настроение снова вернулось, и на сей раз испортить его вряд ли что-то могло. Неприятное дело решено, дела на сегодня закончены, а его ждет прекрасный вечер и Беатрис! Все-таки жизнь порой бывает удивительно прекрасна!

Глава 4

Очень разные визиты

Лаванда! Благие Семеро, Альс великолепен! Как ему вообще в голову такое пришло?!

Когда Лучано с Саграссом вышли из королевского кабинета, торопливо исчезнувших егерей уже и след простыл. Грандсиньор Роверстан, раскланявшись, отправился в сторону королевской библиотеки, и Лучано с сожалением проводил его взглядом: в редкие свободные минуты разумник неизменно оказывался восхитительным собеседником. Впрочем, давно известно, что именно занятые люди интереснее всего, не то что бездельники.

– Вы в самом деле пойдете в караулку, милорд? – серьезно поинтересовался Саграсс, пряча улыбку в уголках губ, что так и подрагивали.

Лучано подумал...

– Пожалуй, не сегодня, – решил он. – И вам советую с этим подождать. Пусть по дворцу разнесется побольше разных слухов, а мы будем выразительно молчать. Чтобы сварить правильный шамьет, жаровню следует хорошенько раскалить!

– Да, милорд, – поклонился Саграсс, все-таки позволив себе тень понимающей усмешки и тут же вернувшись к

обычной серьезности. – У вас есть для меня распоряжения?

– Сегодня? – Лучано снова задумался. – Пожалуй, нет. Можете отправляться домой или куда угодно. Право, Лионель, день такой прекрасный, почему бы вам не пригласить на прогулку какую-нибудь милую синьорину? На площади Фиалок открыли новую ресторацию с итлийской кухней, там весьма недурной повар, и даже варят правильный шампет!

– На прогулку? Милорд, но это будет означать, что у меня серьезные намерения! – Боевик настолько растерялся, что Лучано даже стало на пару мгновений стыдно. – Вы полагаете, я могу так поступить с девушкой, не имея намерений жениться? Да и какая приличная девица...

Он разом помрачнел, и Лучано подхватил, желая загладить неловкость, а заодно выяснить вопрос, который давно его интересовал:

– Действительно, какая девица обратит внимание на благородного бравого синьора с магическим талантом и должностью при дворе?

– Вы хотели сказать «местом на каторге»? – не без ехидства уточнил Саграсс. – Милорд, мы же оба понимаем, что своим нынешним положением я обязан только великодушию его величества и вашему. Что я могу предложить порядочной девушке? Сомнительную честь стать женой осужденного преступника? Связать свою жизнь с человеком, который не волен в своем будущем?

– А кто из нас в нем волен, Лионель? – непритворно уди-

вился Лучано. – Разве кто-нибудь знает отмеренный ему срок жизни? Право, вы меня удивляете! Ваше положение имеет одно изумительное достоинство! Вы можете быть уверены, что девушка, которая отдаст вам сердце, предпочла именно вас, а не вашу карьеру или богатство. Это все дело наживное, и я уверен, что ваша семья вскоре восстановит свое положение и состояние. А вот искренние чувства – их найти потруднее. Да что я вас уговариваю?! Неужели отважный боевик опасается женского отказа?

– Отказа? Нет, милорд, – вымученно снова усмехнулся Саграсс, то ли не заметив подначки, то ли пренебрегая ею. – Я опасаясь как раз противоположного. Если вдруг эта девушка... – Он осекся, и Лучано показалось, что боевик подумал не о любой девице, а о какой-то совершенно конкретной. – Если какая-нибудь девушка, – торопливо поправился Саграсс, – примет мое предложение, то... что дальше? Привести ее к нам домой?

Его лицо окончательно помрачнело, и Лучано про себя согласился. Пьющий глава семейства – это не только расходы, в таком доме на редкость неприятно живется. Постоянная тревога, стыд за происходящее, неуверенность в будущем... Не то, что пожелаешь любимой женщине и своим детям, которые рано или поздно появятся. А Лионель Саграсс – прекрасный сын, если за столько мучительных лет не столкнул пьяного папеньку с лестницы или не капнул ему в карвейн какое-нибудь зелье. Да просто не попросил об услуге знако-

мого некроманта, чтобы самому не пачкаться!

А ведь это, кстати, интересная мысль... Домой к Саграссам его еще ни разу не приглашали, похоже, Лионель стыдится неустроенного обедневшего жилья или того, что может выкинуть его отец при госте. Но кто мешает Лучано как-нибудь заглянуть в кабак, где синьор Саграсс-старший проводит вечера? Семье этих бедолаг будет только лучше без такого папаши! А Лионелю совершенно не обязательно об этом знать, не то еще надумает мучиться совестью...

Мысль об этом была яркой и соблазнительной, однако Лучано отбросил ее, хотя не без сожаления. Да, Шипы постоянно убивают, но лишь тех, о чьей смерти кто-то недвусмысленно просит. Вдруг все не совсем так, как ему представляется, и Лионель питает какие-то добрые чувства к своему несчастному родителю? В это сложно поверить, но... Во всяком случае, не получится облагодетельствовать всех хороших людей на свете, просто истребив негодяев, безнадежных пьяниц и вообще тех, кто живет неправильно – по твоему мнению. А то ведь может получиться, что в рядах, подлежащих истреблению, одним из первых окажешься ты.

– Не берите в голову, Лионель, – чуть виновато улыбнулся он боевику. – Кажется, сегодня я исключительно бестактен. И все-таки, знаете, иногда нужно довериться собственным чувствам. Грандсиньора судьба любит, когда ее приглашают на танец от чистого сердца. Еще полгода назад я понятия не имел, что окажусь в Дорвенанте, и моя жизнь переменится

так сильно. Попробуйте и вы принять ее дары!

– Я над этим подумаю, милорд, – склонил голову Саграсс, явно пряча взгляд, и щелкнул каблуками. – Разрешите идти?

– Идите, Лионель, – вздохнул Лучано. – И передайте мой поклон вашей почтенной матушке.

Он снова проводил взглядом теперь уже боевика и подумал, что неплохо бы поинтересоваться, о ком вздыхает Саграсс. Вдруг все не так безнадежно, как предполагает его единственный, не считая Перлюрена, подчиненный?

Кстати, а где Перлюрен? Утром Лучано вывел его погулять в саду, где енот распугал стайку мелких собачек, принадлежащих какой-то даме, виртуозно снял драгоценную пряжку с туфли ее кавалера – пришлось возвращать с поклонами и извинениями! – залез в кусты и долго там хрустел и чавкал – Лучано предпочел не знать, чем именно, – а потом плюхнулся в чашу фонтана и наотрез отказался вылезать, пока вволю не накупался. Чуть не лишившийся пряжки синьор, оказавшийся магом-стихийником, предложил хорошенько подогреть воду, мол, тогда ошалевший зверек, не желая свариться, быстро вылезет, но понятливо смолк под укоризненным взглядом Лучано и как-то быстро убрался подалее. Возможно, задумался, что покойнику не нужны даже самые модные и дорогие туфли – в Претемные сады, как известно, пускают даже босиком.

Но хорошего, как известно, понемногу, и как только Перлюрена удалось подманить печеньем, коварно вытащить за

шкирку и слегка просушить на солнышке, Лучано унес его из сада и вручил изрядно подросшего за последние недели зверька маленькому Дани – тому самому, который встретился им в мертвой деревне и так запал Альсу в душу. Среди бесчисленных государственных дел его монсиньор нашел время узнать о судьбе старухи с малышами, которых отправил во владения Вальдеронов. Новости оказались хорошими и печальными одновременно.

Старая синьора Грета провела осиротевших ребятишек через половину Дорвенанта, миновав и демонов, и лихих людей. Успела поручить их заботам старосты в одной из вальдероновских деревень, а потом, словно решив, что исполнила последнее важнейшее дело в своей жизни, ушла в Сады, где наверняка ее встретили и собственные родные, и благодарные родственники спасенных малышей.

Двух мальчишек постарше, которые оказались родными братьями, приютила бездетная семья мельника, и Альса заверили, что люди это хорошие, воспитают парнишек не как дармовых работников, а как собственных детей, о которых долго просили Всеблагую. Что касается Дани, его тоже пристроили в семью, но что-то там не заладилось, и мальчика сначала отдали кому-то еще, потом снова передали, будто прибудившегося и не слишком нужного щенка... Выслушав это, Альс нахмурился и... через пару часов спешно отправленный порталом управляющий вернулся с мальчишкой. Одетый в отрепья с чужого плеча, плохо вымытый и яв-

но оголодавший, мальчик съезжился, как испуганный зверек, и даже не сразу узнал их с Альсом. Все-таки пара месяцев прошла, да и те усталые, просто одетые путники сильно отличались от нынешних Аластора и Лучано.

И только услышав, как Альс дрогнувшим голосом зовет его по имени, Дани вскинулся и бросился к нему, вцепившись так, что Аластору самому пришлось нести его в ванную, которую приготовил спешно вызванный Джастин, мыть, кормить, а потом уговаривать пойти с камердинером, который тоже не смог удержать слез.

– Как ты представишь его людям? – спросил Лучано, когда чистого и осоловевшего от сытной еды мальчишку уложили спать. – Альс, он так похож на тебя! Ты ведь понимаешь, какие пойдут слухи?

– Никаких, – сумрачно ответил Аластор, сидя в его спальне и ожидая, пока Лу сварит шамьет. – Я попрошу лорда Аранвена провести церемонию распознавания крови на нашем родовом камне. Пусть ни у кого даже мысли не мелькнет, что это мой бастард. Особенно... ну, ты понимаешь!

– Понимаю, – согласился Лучано и не удержался от мысли, что это стало бы дивной шуткой судьбы над ее величеством Беатрис.

Подумать только! Много лет назад избавиться от бастарда первого мужа, чтобы, овдовев, заполучить его вторым мужем и тут же – в придачу! – увидеть во дворце теперь уже его собственного бастарда! И это при том, что Беатрис по-

ка не родила нового наследника, да и Аластор меньше всего похож в этом на собственного родного отца – ребенка, пусть и незаконнорожденного, он никогда не бросит и не отошлет. О, какая это была бы дивная шутка! Даже жаль, что не случится.

Волна слухов по дворцу, разумеется, прокатилась, и Лучано пришлось рассказывать королеве, где, когда и как Аластор встретил мальчика. Но к тому времени грандсиньор Аранвен уже заткнул болтливые рты результатами проверки, и двор сошелся на том, что такого милосердного короля Дорвенант еще не знал. Беатрис выслушала историю о мертвой деревне, сосредоточенно постукивая по ковру носком изящной туфельки, а потом пытливо посмотрела на Лучано.

– Говоришь, мой муж просто пожалел этого мальчика?

– Да, моя прекрасная королева, – поклонился Лучано, отгоняя нехорошие предчувствия о судьбе малыша Дани. – У него доброе сердце.

– Это верно, – все так же сосредоточенно согласилась Беатрис. – Что ж, если простой народ станет звать его Аластором Великодушным, это не худшее прозвище. А еще один маленький придворный паж никому не навредит. Если мальчик окажется умным и послушным, возможно, я разрешу моим девочкам с ним играть.

– Я уверен, его величество оценит ваше милосердие, – снова поклонился Лучано и попал в точку – взгляд Беатрис потеплел, а на губах королевы появилась улыбка.

– О да... – тихо сказала она, отведя взгляд. – Кто бы мог подумать, что мне будет столь важно мнение мужчины из рода Дорвеннов. Судьба так причудливо сдает карты для игры... Иди, мастер Шип, служи моему супругу так, чтобы он был доволен твоей службой. Но никогда не забывай, кому принадлежишь на самом деле.

– Я всегда это помню, моя королева, – поклонился Лучано еще почтительнее – ниже и дольше.

Так, чтобы ни в коем случае не встретиться с ее величеством взглядом!

Дани остался при дворе. Ее величество милостиво пожаловала ему звание товарища по играм юных принцесс, а попросту – живой куклы, которую девчонки с восторгом воспитывали и таскали с собой то в сад, то на уроки. Дани прекрасно усваивал хорошие манеры, да и где вы видели трехлетнего мальчишку, который не ловил бы все на лету? Камердинер Альса присматривал за мальчиком и утверждал, что тот весьма смышлен, так что со временем сможет стать лакеем или даже, чем Благие не шутят, следующим королевским камердинером. Сам Альс под настроение с удовольствием возился с мальчишкой, который больше не звал его папой, но с уморительной серьезностью и старанием выговаривал «ваше величество» звонким ясным голосом, так что все, кто это слышал, не могли удержаться от улыбки.

Лучано же смотрел на это и тихо удивлялся: кто бы мог подумать, что стольким людям будет дело до осиротевшего

ребенка из крестьянской семьи. А все Аластор, это он меняет к лучшему жизнь тех, с кем соприкасается. Как и синьорина Айлин... Два солнца, тепло которых Лучано чувствовал всегда, если даже их не было рядом. Два сердца, с которыми его навсегда соединила чернильная вязь магического браслета, собственная память и странное чувство, которому Лучано впервые дал название в ночь перед закрытием Разлома...

Вынырнув из мыслей, он встряхнул головой и глубоко вздохнул. Перлюрен наверняка где-то с Дани! Мальчишка привязался к нему и на удивление ловко управлялся с хитрым строптивым зверьком. Наверное, крестьянская кровь помогала. Уже весь двор знал, что если где-то мелькнула черно-серая мохнатая молния, а фаворита его величества рядом нет, значит, вместо него за Перлюреном приглядывает Дани, «мальчик для енота», как прозвали его слуги. Дани относился к этой службе куда старательнее, чем можно было ожидать в его возрасте, а Лучано честно платил ему по серебряному флорину в неделю – недурные деньги для такого крохи. Тратить их во дворце было некуда, и Дани завел копилку...

– Точно на кухне, – пробормотал Лучано. – Где же им еще быть? У их высочеств сегодня до полудня уроки танцев и пения, бамбино там делать нечего. Ну и пусть погуляют... Уверен, синьора Катрина приставит к делу обоих.

Он представил мокрого, чумазого и совершенно счастливого Перлюрена, который увлеченно полощет в бадье морковь с репой, и безнадежно махнул рукой. Какой смысл

быть еното́м, если тебе не дают ничего стирать?

Посмеиваясь, он вернулся в ту часть дворца, где располагались их с Альсом покои, с улыбкой кивнул мэтр-лейтенанту Эдлю, сменщику Минца, в ответ на приглашение заглянуть вечером в караулку, если милорду будет угодно. Жадный любопытный блеск в глазах Эдля подтвердил, что новость о суде над капитанами егерского полка стремительно разлетается по дворцу. Свернул в закоулок, из которого можно было напрямую пройти в его спальню, и остановился. В воздухе плыл аромат шамьета. Прекрасно сваренного по классическому рецепту «Летний вечер», который Лучано готовил тысячу раз, не меньше, и мог бы приготовить даже одной рукой и вслепую.

И не было ничего удивительного, что в коридоре рядом с его спальней пахнет шамьетом, если бы не сущая мелочь – именно «Летний вечер» он сегодня не варил.

Сердце замолотило, словно копыта лошади, пущенной в галоп. Остановившись перед самой дверью, Лучано усилием воли заставил себя успокоиться, несколько раз вдохнул и выдохнул: заманчивый пряный запах так и струился изнутри. И это посреди дворца, полного охраны!

Толкнув дверь, он вошел и прикрыл ее за собой. Небольшую комнату, служившую ему и спальней, и личным кабинетом, заливал золотой послеполуденный свет, струящийся через тонкие занавеси на окне, выходящем в сад. В столбе этого света плясали пылинки, и Лучано рассеянно подумал,

что Перлюрен опять наташил грязи на лапах, да и шерсти от двух мохнатых зверюг немало, пора звать горничную. Мысли текли удивительно ясные и прозрачные, но совершенно не в ту сторону, в какую следовало. Человек, стоящий у окна спиной к Лучано, обернулся и протянул ему чашку, которую держал в руках.

– А, мальчик мой, ты как раз вовремя! Шамьет еще горячий, но уже не обжигает. Будешь?

– С удовольствием, мастер, – улыбнулся Лучано и взял чашку.

Вдохнул пряный сладкий аромат и задумчиво сказал:

– Кажется, я очень плохо перебрал дворцовую охрану. Меня даже не предупредили.

– Не ругай их, мальчик, – улыбнулся в ответ мастер Ларци и, взяв еще одну чашку, сел в любимое кресло Альса. – Я пришел за несколько минут до смены караула. Славный лейтенант гуардо чрезвычайно порадовался, что к лорду Фареллу приехал его почтенный батюшка, воспитавший такого прекрасного сына. Не мог же он держать меня в коридоре!

– А сейчас на том посту стоит уже другой гуардо, – понимающе кивнул Лучано. – Который вас попросту не видел.

Знакомый прием, Лучано сам часто им пользовался. Когда охранники меняются, они редко предупреждают, кто мимо них проходил. Батюшка, значит?

– Лорд Фарелл... – повторил Ларци, с удовольствием покатав эти два слова на языке, словно леденец, и Лучано буд-

то увидел себя его глазами.

Нарядный камзол и бриджи из тончайшего арлезийского бархата цвета спелой вишни, белоснежная рубашка и чулки, дворянская парадная рапира на боку. Отросшие волосы перехвачены лентой в тон камзолу, на туфлях – пряжки, за которыми давным-давно охотится Перлюрен, так что пришлось завести особый шкафчик для обуви. На руках – перстни. Рубиновый – подарок ее величества, аметистовый – трофеей от недоброй памяти синьора Денвера, и третий – черный морион с гербовыми щитками по бокам: на золотом поле черный эмалевый кот с золотыми же глазами. А еще несколько перстней, подаренных желающими подольститься, он принял, но не носил. Вон на туалетном столике шкатулка, заполненная драгоценными побрякушками, в том числе дворянской цепью, которую Лучано, несмотря на требования этикета, во дворце упрямо не надевал.

Да, лорд. Благородный дорвенантский синьор, фаворит и Рука короля!

Мастер Ларци хмыкнул, и Лучано под его взглядом вмиг почувствовал себя обычным оборвышем на улице родной Вероккьи, которого почтенные люди близко не подпустят, чтобы кошелек не стянул.

– Пей шамьет, а то остынет, – мягко посоветовал Ларци и пригубил свой.

Лучано обреченно поднес чашку к губам. Вдохнул аромат, еще раз и третий. Пахло только знакомыми специями,

смешанными в строгом соответствии с рецептом. Он набрал чуть шамьета в рот, понежил на языке... Ничего! Ничего, кроме самого шамьета и пряностей!

Впрочем, если сам Ларци Тысяча Ядов снизошел до того, чтобы сварить шамьет, кто же откажется? Уж точно не его ученик, который лучше всех знает, что личные яды мастера невозможно распознать. И потому выбор всего один: пить или не пить.

Почти наслаждаясь бесстрастным и безнадежным спокойствием, охватившим его, Лучано медленно выцедил половину. Опустился во второе кресло и поставил чашку рядом на подлокотник. Отменный шамьет! Если даже отравленный, на вкусе и запахе это никак не сказалось. Стоит получить хотя бы это последнее удовольствие от маленького шедевра своего мастера.

Ларци, посмотрел на него, встал, подошел и... отвесил быстрый тяжелый подзатыльник, так что у Лучано голова качнулась вперед.

– За что? – изумленно выдохнул он, выпрямляясь.

– Идиотто, – уронил мастер, словно это было объяснением. Вернувшись в кресло, снова поглядел на Лучано, вздохнул и пояснил: – Если ты мне доверяешь, нечего пить хороший шамьет с такой рожей, будто тебя сейчас от него скрючит. А если не доверяешь, то зачем пьешь, идиотто?!

Лучано несколько мгновений смотрел на него, пытаясь найти нужные слова и не находя ни одного. Потом уронил

голову, прикрыв лицо ладонями, и... рассмеялся. Претемная Госпожа, с чего он вообще решил, что Ларци собирается его отравить? Может, потому что чувствовал за собой вину? Он ведь хочет уйти из гильдии, оставить мастера, который посвятил ему столько лет, без наследника! Вот и подумал на миг, что Ларци все знает и предпочитает убить неверного ученика, чем отпустить. Благие и Баргот, какой бред! Лучано убрал руки и выдохнул, изнемогая от невероятной смеси облегчения, вины, счастья и благодарности:

– Простите, мастер. Вы же знаете, я бы все равно выпил.

Сколько лет прошло с того их разговора, когда Ларци пообещал сам отравить глупого мальчишку, если тот совершит что-то непростительное? Иногда Лучано казалось, что вечность, иногда – что это было вчера. Но в одном он был уверен твердо: оба они помнят этот разговор и знают, что случись такое, Лучано послушно примет свою смерть из рук единственного человека, который имеет на это право.

«Единственного? – спросил он сам себя растерянно. – А как же Альс и Айлин? Разве ты не обязан им подаренной жизнью, клятвой верности, дружбой и... любовью? Разве ты не принадлежишь теперь еще и им?»

Он взял чашку и в несколько глотков равнодушно допил шамьет – вкусный и совершенно обычный. А потом подумал, что когда искал следы яда, напиток ему казался гораздо вкуснее. Такой букет чувствовался!

– Все равно охрану следует гнать садовой метлой, – вздох-

нул он и пояснил, указав глазами: – Вон за той дверью – спальня короля.

Брови мастера взлетели на самый лоб, а потом Ларци хмыкнул и, вернув обычное выражение лица, согласился:

– Тогда гони, конечно. А то пускают всяких, не дворец, а проходной двор! – Помолчал и небрежно добавил: – Кстати, мне действительно тебя хвалили, пока провожали сюда. Лорд Фарелл – это, лорд Фарелл – то! Их послушать, так ты славный парень, хоть и странный, как все итлийцы.

– Гуардо меня любят, – улыбнулся Лучано. – Точнее, они любят короля, а я – приложение к нему. Итлийский Кот его величества, мастер шамьета и сплетен.

– Рука короля, – сказал Ларци, не спрашивая, а утверждая, и Лучано кивнул.

– А также глаза и уши, – сказал он спокойно. – При дворе уже все об этом знают, но я не зарываюсь, лишнего не придумываю, взятки не требую, а если беру подарки, то с разбором и только ради репутации. Нельзя же быть рядом с колодцем и даже не отхлебнуть? На меня бы смотрели как на безумца. Или как на идиотто, с которым невозможно вести дела.

Мастер одобрительно кивнул, мелкими глотками отпивая шамьет. Хотел что-то сказать, и тут за окном зашуршало, Ларци неуловимо напрягся, быстро глянул на Лучано – и тут же уголки его губ дрогнули в удивленной улыбке. Через подоконник, пыхтя и сопя, перевалился Перлюрен. Деловито спустился вниз, осторожно приблизился и обнюхал ноги

Ларци, а потом подбежал к Лучано и заскулил, просясь на руки.

– Ну и где ты был? – обреченно поинтересовался Лучано, поднимая зверька за шкурку и сажая на колени. – Опять кого-то ограбил? Перед кем мне в этот раз придется извиняться?

Щека Перлюрена предательски оттопыривалась. Лучано привычно и умело разжал ему пасть, запустил туда пальцы и вытащил три серебряных флорина. Енот возмущенно взвизгнул и потянулся лапой за утраченным сокровищем.

– Но-но, – погрозил ему Лучано. – Зачем тебе серебро, бандитто? Ты же его не ешь, и в лавки, хвала Всеблагодой, бегать еще не научился. Вот, возьми лучше.

Он сунул Перлюрену несладкое жесткое печенье с орехами и ягодами, которое по его просьбе специально для енота пек дворцовый повар, и зверек, удовлетворенный обменом, блаженно захрустел лакомством.

– Енот? – пробормотал Ларци. – Ты это серьезно, мальчик мой?

Лучано почувствовал, что краснеет. Конечно, он знал, что совершает немислимую глупость, заведя на задании домашнюю зверюшку, да еще такую хлопотную, но понятия не имел, как объяснить, что для него значит Перлюрен. Разве можно просто сказать, что енот – это как кусочек собственного дома, которого у Лучано никогда не было и вряд ли появится?

– Это... – попробовал он начать и увидел, что Ларци смотрит на Перлюрена с восхищением.

– Это гениально, – с полным убеждением сказал мастер. – Беллissimo! Ты ведь можешь искать его где угодно, в любом Барготом проклятом уголке от кухни до королевского кабинета, и никто ничего не заподозрит! Да что там кабинет, ты хоть под кровать к Беатрис Риккарди можешь залезть! И будешь выглядеть всего лишь идиотом, а их все любят, особенно веселых. Енот! Мальчик мой, как ты до этого додумался?

– Случайно, – отозвался Лучано, с облегчением понимая, что можно, слава Всеблагой, теперь ничего не объяснять.

Но неужели мастер всерьез думает, что завести енота было продуманным коварным планом?! Ох, кажется, да. И в полном восторге!

– Прекрасный зверь, – все так же убежденно сказал Ларци и, взяв еще одно печенье, предложил его Перлюрену.

Енот отнесся к щедрому дару с неожиданной осторожностью. Обнюхал руки Ларци, сморщился и громко чихнул, а потом обиженно потер морду лапами и отвернулся.

– Хорошее чутье, – одобрил мастер, ничуть не обидевшись. – Я вчера варил «Безмолвную песню», до сих пор пахну, наверное.

«Не повезло же кому-то, – равнодушно подумал Лучано. – От этой дряни умирают нехорошо. В удушье человек может лишь беспомощно открывать рот, отсюда и название, а сама

агония длится долго».

– Зачем вы приехали, мастер? – спросил он, словно это напоминание о привычной жизни Шипа что-то сдвинуло в мыслях. – Это большая честь, но... разве я не справляюсь?

О том, что Альс хочет его выкупить, Лучано никогда не писал, хотя подробные донесения обо всем, что с ним происходило, отправлял каждую неделю. Ну хорошо, почти обо всем. Кое-что он оставлял только для себя.

Запах волос синьорины Айлин, который прекрасно помнил во сне и наяву. Хрипловатый спросонья голос Альса, когда друг и монсиньор с утра пораньше заваливался к нему в комнату и просил шамьет. Редкие минуты, когда они оставались наедине и просто молчали... Иногда вечером Лучано разминал Альсу плечи и спину, старательно сдерживая себя, чтобы полезная процедура не перешла в откровенную ласку, как бы ему ни хотелось просто погладить горячую и удивительно гладкую для такого большого мужчины кожу. Иногда они вспоминали Айлин и то, что было в походе, Лучано будто чувствовал пальцами шелковистую буйную роскошь ее волос, а хмурый после целого дня утомительных обязанностей взгляд Альса смягчался и теплел.

Это принадлежало только ему! Как и резкое, острое до боли желание, которое он неизменно ощущал при взгляде на Дункана Роверстана. Совершенно иное, чем то упоительно нежное и трепетное чувство, которое Лучано испытывал к своим синьорине и монсиньору. Эту почти мучительную

страсть он отлично научился скрывать за шутливыми признаниями, которые никто, разумеется, не воспринимал всерьез. Просто Фарелл – итлиец, вот и разыгрывает развратного красавчика, королевского кота...

Лучано прекрасно знал, что сам Роверстан понимает всю меру его искренности, но... слишком много опасных и горьких тайн их связывало, чтобы грандсиньор разумник возмущался этой почти-игре. Забавлялся – да. Держал Лучано на тщательно рассчитанном расстоянии – безусловно. Не давал ему никаких надежд – о, разумеется! Но не оскорблялся, как тигр не может оскорбиться поведением кота, пробравшегося к нему в клетку и с упоением ловящего кончик огромного черно-золотого хвоста. И уж конечно, это было совсем не так, как с Альсом и Айлин...

Все это он и в мыслях не имел объяснять мастеру, а вот теперь получалось, что Ларци все-таки увидел в его письмах нечто, потребовавшее не просто вызвать Лучано в Итлию для личного доклада, но визита сюда, в Дорвенант. И хотя разговора про разрыв с гильдией все равно было не избежать, Лучано все откладывал его, малодушно отодвигая решение до самого конца отведенного ему срока... Теперь эта трусость обернулась против него самого!

– Хотел посмотреть тебе в глаза, – с преувеличенной серьезностью подтвердил его опасения мастер. – Зрочки оценить, а то пишешь такое, что у меня волосы дыбом встают. Добрый король, честный и справедливый канцлер... А еще

зеленая зима и твердая вода!

– Про воду и зиму – это была шутка! – запротестовал Лучано. – Мастер!

– А про короля и его главного министра – нет? – усмехнулся Ларци. – Вот я и говорю: пугаешь ты меня, мальчик. Но зрочки хорошие, правильные зрочки. Дурью, значит, никакой не увлекся.

– Издеваетесь... – протянул Лучано, понимая, что мастер по обыкновению шутит.

А вот то, что звучат эти шутки как-то невесело, уже против всякого обыкновения!

– Пытаюсь понять, – сказал Ларци голосом мягким и теплым, словно камзол из арлезийского бархата, который Лучано расстегнул – ему вдруг стало жарко. Зато глаза мастера блеснули остро и холодно, будто две голубые льдинки. – Видишь, даже бросил все дела, чтобы посмотреть, как тут живет мой Фортунато. Ты же все еще мой, не так ли? Или уже нет?

На несколько мгновений в комнате повисла оглушительная тишина. Не опуская взгляда, Лучано рассеянно погладил Перлюрена, запустив пальцы в мягкую серую шерсть, а потом сказал без улыбки, которая точно вышла бы фальшивой:

– А вы сомневаетесь, мастер? Я все еще пью шамьет из ваших рук.

Ему показалось, что тишина сгустилась еще сильнее, как только стихло последнее слово. Ларци задумчиво посмотрел

на него и бесстрастно уронил:

– Верно, мальчик. Но почему-то с таким лицом, словно и правда ожидаешь в нем порцию отравы. Вот я и задумался, с чего бы это мой Фортунато вдруг начал меня бояться? Чего я не знаю о том, что здесь происходит? Конечно, не все стоит доверять письмам, но ты здесь уже почти полгода, мальчик мой. Порталы работают месяца четыре, не так ли? И за все это время ты не выбрал денек, чтобы навестить старого Ларци. Странно, не находишь?

Он замолчал и опять поднес чашку ко рту. Лучано, медленно глядя Перлюрена, с холодной отстраненностью подумал, что это и в самом деле было огромной глупостью. Хотя бы разок стоило наведаться в Вероккью, успокоить мастера своим появлением, рассказать пару забавных баек о том походе и нынешней придворной жизни... В общем, вести себя точно как прежний Фортунато!

Но он слишком привык, что мастер видит его насквозь, а теперь в его жизни было слишком много тайн, и своих, и чужих. А еще преследовал глупый страх, что стоит вернуться в Вероккью, как мастер почует неладное и больше не отпустит его. Найдет для исполнения контракта другого Шипа, и... все.

Он прикрыл глаза под испытующим взглядом мастера и глубоко вдохнул. Пальцы сами собой остановились на холке Перлюрена, и Лучано, снова подняв веки, осторожно ссадил зверька на пол. В упор посмотрел на своего мастера и в этот

раз даже смог улыбнуться – едва заметно, зато от души. Так, словно время вдруг вернулось на несколько лет назад, и его, тогда еще простого Шипа, снова ожидал экзамен, который можно было либо выдержать, либо навсегда остаться в том гробу, куда он сам согласился лечь. Лучано усмехнулся про себя – очень уместное сравнение именно сейчас.

– Это будет очень долгая история, мастер, – мягко сказал он.

– Что ж, тогда хорошо, что у меня по чистой случайности совершенно свободный вечер, – невозмутимо отозвался Ларци. – Может, сварить еще порцию шамьета, мой мальчик?

Лучано покачал головой.

– Нет, мастер. Думаю, шамьет сварите вы. После моего рассказа. И я его выпью – в любом случае, как обычно.

– Даже так? – Не отводя от него встречного взгляда, Ларци вздохнул, будто отец, перед которым держит ответ непутевый сын. – Что ты на сей раз натворил, идиотто?

И Лучано рассказал.

Первые слова дались ему с трудом и болью, даже удивительно, как сложно это было. Он рассказал, как приехал в Дорвенант и получил задание от Беатрис Риккарди, но ни слова не проронил о рубиновом проклятии. Потому что сейчас, глядя на Ларци, который по глоточку цедил шамьет, обострившимся чутьем даже лучше, чем рассудком, понял: мастер убьет эту тварь. Неважно, из любви к нему, своему

единственному ученику, или из принципа не оставлять в живых клиента, вздумавшего вести с гильдией нечестную игру. Ларци Смерть с Улыбкой не простит подобного, и Беатрис умрет. А она беременна от Альса. Не будь этого, пожалуй, Лучано сдал бы ее мастеру с наслаждением. Да, ему до сих пор мучительно стыдно за то, что он попался, как ученик-первогодок. Но что он мог противопоставить такой заказчице? Ничего!

А перед глазами стояло счастливое лицо Аластора, узнавшего, что у него будет ребенок. И кредит от Риккарди все еще не получен... И вряд ли удастся убедить мастера подождать с возмездием, потому что беременная женщина еще более непредсказуема, чем обычно. Беатрис вполне может отдать роковой приказ просто в раздражении, решив, что именно этот Шип ей больше не нужен или даже опасен – ему слишком многое известно. Она ведь разыгрывает перед Альсом кроткую овечку, а узнай он о приказе убить Айлин – и неизвестно, чем это обернется... Лучано для Беатрис опасен, и сам он на месте мастера Ларци непременно решил бы, что нет человека – нет и сложностей от него.

Значит, нужно молчать... Изображать всемерное почтение и полную покорность королеве. А там или грандсиньор Бастельеро найдет способ снять проклятие, или Беатрис родит Альсу наследника – а уж тогда...

Поэтому о проклятии он не сказал. Как и о предсказании Минри, которое с течением времени не забылось, но как-то

поблекло, отодвинулось в списке самых важных и страшных вещей. В конце концов, никакого точного срока чинская гадалка не назвала, мало ли что в ее понимании «скоро»?

Он рассказывал о походе то же самое, что писал в донесениях, которые аккуратно отсылал каждую неделю, но теперь обычные слова странным образом наполнялись горечью и болью, страхом и восхищением, надеждой и отчаянием. Как можно объяснить, что он почувствовал, когда рыжеволосая синьорина поила его бульоном, а потом преспокойно заявила, что ей все известно? Как передать хотя бы тень ледяного темного ужаса, от которого его спас Альс? И тепло ночевки в палатке, и азарт боя, и кошмар той деревни, где он таскал трупы вместе с принцем... Принцем, который не погнушался водить его до уборной и звать по имени. Как объяснить, что в путь из Дорвенны отправился Шип Фортунато, а вернулся Лу, побратим и друг этих двоих, самых невероятных и невозможных людей на свете?!

Он говорил и говорил, и Ларци слушал, как умел он один, впитывая каждое слово, интонацию, взгляд и вздох. Иногда мастер хмурился, словно пытался читать в его сердце, как раньше, но знакомые письма обернулись загадкой. И Лучано понимал, почему так случилось. Мастер знал его прежде, а этот новый ученик был ему непонятен. Но он больше не мог молчать. Если Ларци, узнав все, решит, что гильдия обойдется без Шипа Фортунато... Если Ларци подумает, что ученик его предал... Ну что ж, тогда сопротивляться попро-

сту бессмысленно.

Если Лучано и понял что-то за годы жизни с мастером, так это то, что Сады Претемной ждут всех. Можно лишь надеяться, что смерть будет быстрой и безболезненной, но в этом Лучано был уверен: мастер никогда не мучил жертву, если на то не было особых требований в контракте. И уж ему, идиотто Фортунато, Ларци наверняка окажет последнее милосердие. Может быть, даже против воли гильдии.

Договорив, он замолчал и облизал пересохшие губы. Ларци так же молча сунул ему в руки чашку, где еще осталась пара глотков остывшего шамьета, и Лучано жадно их выпил. А Ларци посмотрел на него и покачал головой.

– Мальчик мой, да ты влюбился, – сказал он с безмерным удивлением. – По уши влюбился в этих двоих и свою новую жизнь! Ну да, здесь ты герой, аристократ, любимец короля... Ты завел енота, и у тебя новая лютня... Отличная лютня, кстати, наконец-то у тебя появился вкус на хороший инструмент.

Он покосился на Ласточку, которая лежала в изножье кровати. Вчера Лучано перед сном подбирал на ней песню и забыл убрать в футляр. Простое темное дерево словно светилось изнутри глубоким янтарным сиянием, но ни одного украшения – по сравнению с той лютней, что осталась в Веррокье, Ласточка выглядела нищенкой рядом с принцессой, и все-таки Ларци увидел разницу.

– Ты влюбился, – повторил он. – В них и в себя самого –

такого, каким они тебя видят. И думаешь, что так будет всегда? Фортунато, мальчик мой, благородные синьоры требуют верности, но сами верными быть не умеют. Пока ты полезен и забавен, тебя будут ласкать. Но стоит щелкнуть зубами возле руки, которая тебя гладит и кормит – и эта же рука возьмет хлыст. А ты даже сопротивляться не сможешь.

– Нет, мастер, – прошептал Лучано и опять улыбнулся – но почему-то улыбка резанула его глубоко внутри острой болью.

Странно, ведь Шипу положено улыбаться. Когда идешь на заказ, когда уходишь после заказа, когда тратишь полученные деньги и когда берешь последнюю кружку воды из рук палача в тюрьме. Шип должен быть лихим, веселым и бессердечным, удача таких любит. Им слаще жить и не страшно умирать. Так почему же сейчас улыбаться так больно?

– Нет, мастер, – повторил он. – Я люблю их, это правда. Но я не хочу быть таким, каким они меня видят. Потому что они видят меня лучше, чем я есть. Они думают, что я честный, благородный и великодушный. Но мы с вами знаем, что все это чушь. Благородные умирают первыми, честных топчут в грязи, великодушными пользуются. А мне нельзя сдохнуть, словно какому-нибудь благородному идиоту. Потому что тогда эти двое останутся без меня – и без моей защиты. Да, синьорина уже великая магесса и станет еще сильнее, но она же совсем ребенок... И Альс...

Он понял, что проговорился, назвав короля по имени, еще

и так вольно. По губам Ларци скользнула тонкая змеиная усмешка.

– Альс? – переспросил он и метнул быстрый взгляд на дверь королевской спальни. – Так дело только в этом? Фортунато, мальчик, у тебя всегда была горячая кровь. Я тебя не осуждаю! Но стелить свою жизнь под ноги любовнику...

– Мастер! Ничего такого!

В щеки бросилась краска, словно ему было лет четырнадцать, и мастер застал его за утешением себя. Лучано даже приложил к пылающему лицу ладони и повторил:

– Ничего такого, клянусь. О, я бы не против... Еще как не против! Но его величество Аластор... Нет, мастер, у меня никогда ничего не будет ни с ним, ни с синьориной Айлин. Легче совратить нашу мраморную «Весну», чем кого-то из этих двоих. Я даже не мечтаю!

– Тогда я тем более не понимаю, – нахмурился Ларци. – Ты же не из тех, кого можно купить толстым кошельком и титулом. Почему, Фортунато?

– Потому что я хочу, чтобы они были живы, – тихо и с ужасающей, неизнанку выворачивающей откровенностью сказал Лучано. – Живы, здоровы, благополучны и в безопасности. Это все, что я могу сделать для них, но ничего иного я и не хочу. Понимаете, мастер... Я всегда готов был умереть по приказу гильдии. По вашему приказу я бы умер с радостью и гордостью. Но ради этих двоих я хочу жить. Как можно дольше и непременно рядом с ними, чтобы уберечь их... от

чего угодно. И мне ничего не нужно взамен. Да, его величество Аластор пожаловал мне титул... поместье, придворное звание... Но это все пустяки. Это нужно, чтобы я мог лучше делать свою работу, чтобы при дворе был своим, и благородные синьоры не фыркали мне вслед или в лицо. А моя работа – быть Рукой короля. Его голосом, ушами и глазами, его кинжалом и его щитом. Я никогда не говорил этого ни Аластору, ни Айлин, но если мне придется вернуться в Вероккью... Мастер, помните, что вы сказали про Тино Темный омут? Это убьет мою душу... Убьет меня настоящего, все, что делает меня – мной. Пожалуйста, мастер... – Он сбился, и голос позорно зазвенел, а потом сразу охрип, и Лучано мучительно выдавил: – Аластор хочет выкупить меня у гильдии... Оставить в Дорвенанте навсегда... Не Шипом, не ручным убийцей, а свободным человеком. Своим другом, понимаете? Я прошу, мастер... Зачем вам ученик, который станет вторым Тино?

– Выкупить? – переспросил Ларци странным голосом, который Лучано никогда у него не слышал и, пожалуй, был этому рад. – И ты думаешь...

Быстрый нетерпеливый стук в дверь прервал его, и Лучано вскинулся, разом испугавшись так, что сердце упало куда-то вниз. Альс обязательно предупреждал о своем появлении, но иногда влетал, не дожидаясь отклика.

Вот и сейчас он вломился, распахнув дверь и громогласно заявив с порога:

– Лу, я еду к родителям! Соскучился, да и новости прекрасные! Ты со мной? Они всегда рады тебя видеть! О, прости... У тебя гость?

Пару бесконечно долгих мгновений он разглядывал Ларци, который встал и почтительно поклонился. Ровно так, как положено простолюдину, вдруг оказавшемуся в присутствии короля. Выпрямился и замер, склонив голову.

– Да, монсиньор, – безнадежно сказал Лучано. – Позвольте представить вам синьора Ларци Фарелли, почтенного мастера зелий и снадобий.

Мастер Ларци поклонился снова. Глаза Альса сузились так хищно, словно он глядел поверх арбалетного прицела, а потом дорогой друг и король с тягучей холодной угрозой проговорил:

– Неужели сам синьор Фарелли? Грандмастер, так это называется, да? И вправду почтенный гость. Он собирается тебя забрать?

– Ну что вы, ваше величество, – почтительно улыбнулся Ларци одними губами. – Всего лишь приехал навестить приемного сына. Фортунато сделал прекрасную карьеру, я им горжусь.

– У вас есть на это все основания, – так же холодно согласился Аластор. – Лу, ты уже сказал синьору Фарелли о моем предложении?

– Мы как раз говорили об этом, ваше величество, – ясно улыбнулся Ларци, не давая Лучано и слова вставить. – При-

знать, для меня это большая неожиданность. Я рассчитывал, что Фортунато продолжит... наше семейное дело.

Крохотная пауза не обманула никого. Аластор продолжал разглядывать мастера с таким лицом, словно сожалел о том, что оставил секиры вне досягаемости. Ларци отвечал ему безмятежной вежливой улыбкой, а Лучано с трудом сдержал подступающую панику. Альс просто не понимает, что нельзя так разговаривать с грандмастером Шипов! И смотреть на него так – тоже нельзя!

Ему захотелось встать между этими двумя, причем спиной к Альсу, заслоняя его от Ларци. Грандмастер бросил на него неожиданно насмешливый и понимающий взгляд, а потом размеренно повторил, выговаривая слова с легким итлийским акцентом:

– О да, большая неожиданность... Возможно, я ужасно разочарован. – Он помолчал несколько мгновений, за которые сердце Лучано успело упасть куда-то очень глубоко, а потом задумчиво добавил: – Но, может быть, и нет. Ваше величество, вы собирались что-то сказать моему мальчику?

– Да, – нахмурился Аластор. – Я хотел позвать его в гости к моим родителям. Они не живут во дворце. Но...

– Это огромная честь, ваше величество! – отозвался Ларци. – И все-таки позвольте Фортунато провести вечер со мной. Мы давно не виделись, и нам есть, о чем поговорить. Уверен, он будет счастлив исполнить любую вашу волю в другое время.

Учтивые слова, пышные обороты... Лучано замутило, он беспомощно переводил взгляд с одного на другого, прикусив изнутри губу до боли. Напряжение недавнего признания отпустило медленно, и на его место пришел страх, причем не за себя. Нет, конечно, грандмастер не такой идиотто, чтобы взять и убить короля Дорвенанта. Но... доводы рассудка терялись перед осознанием того, что Альс может что-то натворить первым, и Ларци придется ответить. Это неправильно! Из них двоих это Лучано должен защищать своего монсиньора любой ценой, а не наоборот!

– Да, но...

Аластор наконец отвел от грандмастера тяжелый мрачный взгляд и посмотрел на Лучано.

– Что скажешь? – бросил он.

– Простите, монсиньор. – Лучано склонил голову. – Передайте мой поклон вашим почтенным родителям...

– О, мальчик мой, я уверен, никто тебя не осудит за то, что ты исполняешь долг перед собственным приемным отцом!

Ларци, похоже, искренне наслаждался происходящим, а вот Аластор вспыхнул гневом так, что на его скулах расцвели пятна румянца.

– Отцом? – ядовито уточнил он. – Что ж, тогда вы наверняка хотите для приемного сына лучшего будущего, не так ли?

– Именно поэтому я здесь, – мягко согласился Ларци, весело блестя глазами. – Ваше величество окажет мне милость,

позволив задержаться в вашей прекрасной стране подольше?

– Да, разумеется...

Аластор продолжал хмуриться, но хотя бы перестал смотреть так, словно готов был броситься на грандмастера. Лучано немного перевел дух. Альс так наивен... Сейчас он решит, что Ларци действительно собирается пожить здесь, и успокоится. Даст мастеру время все оценить и принять решение... Ну и хорошо! Пусть Альс уйдет со спокойной душой и оставит их наедине.

– Я распоряжусь, чтобы вам выделили покои во дворце, – сказал наконец друг и король. – Лу, ты можешь пока быть свободен от службы.

– Это очень великодушно, ваше величество.

Последовал еще один легкий поклон. Все еще хмурясь, Альс медленно проговорил:

– Надеюсь, мастер, вы не уедете прежде, чем мы поговорим еще раз. И помните, что я жду этого разговора в любое время, как вам будет удобно. До встречи!

Коротко кивнув, он вышел. У Лу аж в глазах потемнело от облегчения, первая встреча состоялась, и никто никого не убил. Беллissimo!

– Тяжелая кость, но легкое тело, – с едва уловимым одобрением сказал мастер, когда за Альсом закрылась дверь королевской спальни, а потом вдали приглушенно хлопнула еще одна – в коридор. – Мальчикам Лоренцо пришлось бы с ним повозиться. – И добавил совершенно без перехода, не

глядя на безмолвно вздрогнувшего от последних слов Лучано: – Ты плохо держишь лицо, Фортунато. Это север на тебя так влияет или королевские милости?

– Я помню про зеркало у двери, мастер, – одними губами улыбнулся Лучано. – Если бы в него смотрели не вы, я бы держал лицо.

– Вот как? – усмехнулся мастер Ларци, наконец поворачиваясь к нему. – Что ж, приятно это слышать. Кстати, что там у тебя с рукой? Покажи.

Лучано послушно закатал рукав рубашки до самого плеча, обнажая магическую татуировку. Мастер цепко взял его руку, осторожно провел кончиками пальцев по чернильной вязи, выступающей над кожей. Проследил ногтем крупный завиток, нажал и отпустил, оценивая, как ведет себя клеймо. Лучано, который сотню раз делал то же самое, терпеливо ждал.

– Свести можно? – деловито поинтересовался Ларци.

– Нет, – вздохнул Лучано. – Нож и кислота не берут, я пробовал. Даже шрама не остается. А местный грандсиньор целителей сказал, чтобы я не маялся дурью. Разве что руку, мол, отрезать, да и то, скорее всего, просто переползет на другое место. Я ему верю.

– Руку жалко, – задумчиво согласился Ларци и отпустил ее. – Неудачно получилось. Или нет?

– Я уже и сам не знаю, – пожал плечами Лучано, опуская рукав и застегивая манжету. – Если бы я этого не сделал,

король умер бы. А у меня был заказ на его охрану.

– Заказов много, – сухо бросил мастер. – А ученик у меня один. Если гильдия узнает про это клеймо, сам понимаешь, что будет.

– Понимаю, – безразлично согласился Лучано, встал и подошел к шэнье. – Хотите еще шамьета, мастер? Или, может, горячего шоколада? Меня тут научили новому рецепту – с чинским лотосом.

– Лотос в шоколад? – Мастер Ларци поднял брови. – Любопытно... Я так понимаю, ты наконец решил вспомнить о приличиях и угостить своего старого батюшку, проделавшего такой путь?

Ехидства в его голосе хватило бы перетравить всех крыс Вероккьи и еще осталось бы. Но Лучано просто равнодушно пожал плечами и уронил:

– Думаю, в случае чего вам не обязательно поить меня шамьетом.

– Идиотто, – фыркнул Ларци и почесал за ухом все-таки подобравшегося к нему Перлюрена. – Брал бы пример хоть со своего зверя, у него чутье лучше твоего.

– Особенно на пряжки с туфель, – согласился Лучано. – Перлюрен, нельзя!

Енот, якобы млеющий от почесывания, обиженно взвизгнул и отдернул цепкую лапу от нарядной замшевой туфли грандмастера. Ларци глянул на него – и весело рассмеялся.

– Прекрасный зверь, – повторил он с явным удовольстви-

ем и погладил енота. – То что нужно, чтобы не расслабляться. – Пару мгновений помолчал и добавил с тем же веселым удивлением: – Значит, в гости к родителям? Интересно, мне показалось или этот славный юноша готов был вцепиться мне в глотку? Он же... он тебя защищал! От меня...

– Аластор не грызет глотки, – буркнул Лучано. – У него две здоровенных северных секиры, и он ими кидается. Не как Лоренцо – ножами, но весьма прилично. На местных грандсиньоров действует отменно. Это у них наследственное, только прежний король швырялся чернильницами.

– Секиры убедительнее, – согласился Ларци, как всегда безупречно уловив суть. – Что ж, здесь и вправду есть, во что влюбиться. Роскошный экземпляр мужчины.

Лу поставил заправленную ингредиентами шэнье на огонь и невольно поморщился. Легкомысленный тон Ларци был откровенно неприятен. Да что с ним вообще творится?! Он никогда особо не посвящал мастера в свои сердечные и постельные дела, но нельзя жить в одном доме и не упоминать хотя бы некоторые вещи. Мастер знал и о Фелипе, и о других его связях, случайных, очень быстро надоедавших. И Лучано всегда относился к этому точно так же, как Ларци – легко, спокойно и равнодушно. Пошутить на тему ночных отлучек? Почему бы и нет? Ему в голову не приходило обидеться... Так почему же сейчас внутри что-то протестует против такого вольного тона? словно Альса могут оскорбить слова, о которых он никогда не узнает...

– Какие новости дома? – спросил он, откровенно переводя разговор. – Вы действительно можете позволить себе отлучку?

– Почему бы и нет? – Ларци небрежно пожал плечами. – Дела идут превосходно. Представь себе, принцы Джанталья заказали друг друга! Один заказ взял Тино, другой – Лоренцо. Представляю, как они повеселятся, стараясь выполнить их одновременно, чтобы эти идиоты встретились у врат Садов.

– Джанталья? – непритворно изумился Лу. – Но их ведь осталось только двое! Да еще старик, который едва дышит. И эти недоумки наняли Шипов?! Это же полная гибель семьи! Если последний Джанталья переживет известие о смерти внуков, его все равно скоро убьет возраст. Семья просто исчезнет! И что тогда будет?!

– О, да то же самое, – усмехнулся Ларци. – Только без Джанталья. Славный город Лавалью приберут к рукам либо Пьячченца, либо Риккарди, либо наш славный дож. Ожидаются интересные времена, мой мальчик. Много прибыльных заказов, расцвет гильдии. Ты точно не хочешь вернуться? Думаю, никто в круге грандмастеров не станет возражать, если я предложу повысить тебя до старшего мастера.

Мастер остро глянул на Лучано, который сосредоточенно сыпал в густую ароматную жидкость порошок лотоса – грандсиньор Дункан все-таки поделился рецептом. Добавив еще пару крупинок амбраксуса – это Лучано уже придумал

от себя! – он уменьшил огонь в жаровне, теперь шоколаду предстояло потомиться, но не кипеть, чтобы с паром не ушел запах и вкус. Закончив с этим этапом варки, Лучано пожал плечами в точности, как мастер.

– Старший мастер в двадцать шесть? То есть уже в двадцать семь, конечно...

Он попытался вспомнить, что делал в свой день рождения, о котором попросту забыл. Это был первый месяц лета, синьорина вышла за Бастельеро, нечисть его побери, Альс метался между королевскими обязанностями и своей драгоценной Беатрис, а Лучано... Точно, он тогда перестраивал особняк.

Потом грандсиньор канцлер попросил оказать ему услугу, и Лучано очень достоверно изобразил наживку для шайки бандитов, которые грабили загулявших благородных синьоров. Наводчицей оказалась хозяйка приличного борделя, не «Страстоцвет», но вполне милое местечко, и Лучано приятно провел там время, пока хищная рыбешка принюхивалась к наживке.

К счастью, тогда еще не вся Дорвенна знала королевского фаворита в лицо, и на третий вечер его все-таки попытались раздеть в темном переулке. Очень весело получилось! Только Саграсс ворчал, что милорду не по чину самому резать каких-то грабителей, на это у него есть подчиненный. Завидовал, разумеется! Ему пришлось только приложить заклятием главаря, которого грандсиньор канцлер попросил оста-

вить в живых для беседы. Вот как раз на день рождения это все и случилось.

– Лоренцо тебе все равно не переплюнуть, – то ли утешил, то ли съехидничал Ларци. – Он стал грандмастером в двадцать пять.

– И вы сами говорили, что это был поступок идиотто, – парировал Лучано. – И что у мастера Лоренцо просто не было выбора, иначе он бы не стал так торопиться. Нет уж, мне гораздо спокойнее и приятнее, когда это я опасаюсь пить шамьет из ваших рук, а не наоборот.

Ларци усмехнулся то ли насмешливо, то ли одобрительно.

По традициям гильдии, грандмастера не торопились поднимать своих учеников до звания старшего мастера, потому что с этого момента тех отделяла от вершины всего одна ступень – жизнь их наставника. Которую следовало отобрать собственноручно и со всем уважением. Не поощрялась грязная, болезненная или порочащая смерть, будущий грандмастер даже в этом должен был выказать благодарность за долгие годы покровительства и учебы. Хорошим тоном считалось подождать несколько лет, пока учитель не одряхлеет телом или разумом. Ведь позволить ему сохранить достоинство – это тоже услуга!

Но все-таки с того момента, когда ученик переставал быть учеником и становился претендентом на место своего наставника, что-то неизбежно менялось даже в самых теплых и искренних отношениях. Ложась спать, грандмастер не

был уверен, что сможет проснуться, поэтому старший мастер обычно покидал его дом... Лучано давно знал, что если он до этого доживет, то же самое ждет и их с Ларци, но думать об этом ему не хотелось. Еще одна прекрасная причина остаться в Дорвенанте! Грандмастера, как и старшие мастера, покидают гильдию только мертвыми.

– Наглец, – проворчал Ларци. – Что ж, думаю, гильдия будет только рада избавиться от меня на пару недель. Не могу же я пренебречь любезностью аж целого короля и не посмотреть, как тебе здесь живется.

Он усмехнулся, а у Лучано снова потянуло внутри тревогой. Не помилование, всего лишь отсрочка. И что делать, если мастеру не понравится увиденное? Альсу нельзя ссориться с Шипами... Пожалуй, эти две недели будут очень похожи на бег по незнакомым крышам в темноте. Но он ведь и не рассчитывал на спокойную жизнь?

Глава 5

О друзьях детства

Огонек шел под седлом ровно, словно красуясь размеренным и размашистым шагом, унаследованным от отца-арлезийца. Природная арлезийская иноходь ему, к сожалению, не досталась, и Аластор в свое время не стал переучивать жеребца, а теперь уже поздновато. Четверо гвардейцев – самый небольшой постоянный эскорт, на который он согласился, почтительно держались в нескольких шагах позади, а впереди то и дело мелькали двое людей из особого ведомства лорда-канцлера. С их наличием Аластор тоже смирился, хотя временами накатывало мальчишеское желание сорваться в галоп, затеряться в лабиринте дорвенских улочек и хоть на несколько мгновений почувствовать себя свободным.

Полнейшая глупость, разумеется, которой король просто не имеет права дать волю.

Радовало только то, что дорогие подданные наконец-то привыкли к его прихоти выезжать из дворца верхом и с крошечной свитой, так что никто не тарасился, не падал на колени, встретившись с ним взглядом, не орал про силу и славу Дорве... Кланялись, конечно, как без этого, но не со страхом, а с искренним почтением.

На выезде с дворцовой площади какой-то провинциал в

потертом немодном камзоле, но с гордо сверкающей дворянской цепью вовсе не понял, кого видит, и остановился на самой дороге, не собираясь уступить ее всадникам. Но тут же подлетел один из людей Аранвена и оттеснил невежу, одновременно уронив пару слов. Сорвав шляпу, тот низко поклонился, а затем проводил маленькую процессию восторженным взглядом – как же, самого короля увидел! Раньше Аластора это забавляло, потом стало утомлять и раздражать, а теперь он все чаще ловил себя на мысли, что ему все равно. Людей не переделаешь, они всегда будут в первую очередь видеть его титул, а уж потом – его самого. К счастью, такой избирательной слепотой страдают не все в его окружении, тем дороже каждый из них.

«Нужно обязательно поговорить с Аранвеном о визите этого... грандмастера, – пришла мысль. – Мало ли что он говорит о своих намерениях. Если в дом заползла ядовитая змея, которую нельзя ни убить, ни выгнать, следует хотя бы присматривать за ней. Бедняга Лу, он, кажется, перепугался, когда мы встретились. А этот итлиец выглядит таким безобидным и благообразным, что это само по себе наводит на подозрения! Встретил бы я его где-нибудь в городе, ни за что не поверил бы, что это опытный убийца. Впрочем, я ведь и в Лучано ничего такого не заподозрил... Надевать маски господ Шипы умеют!»

Он вспомнил, как безмятежно смотрел на него мастер Фарелли, как почтительно разговаривал, как убедительно вы-

глядел в своем желании повидаться с приемным сыном... Очень опасная гадина! И лучше бы Лу держаться от него подальше, но... похоже, неродных отцов тоже иногда не выбирают.

«Аранвен должен знать, что с этим делать, – решил наконец Аластор. – И как мой канцлер, и как глава тайной службы королевства. Обязательно зайду к нему перед ужином с Беа...»

Он вспомнил, что собирается завершить этот день самым приятным образом, и мечтательно улыбнулся. Огонек, словно почувствовав, что хмурое настроение всадника исчезло, фыркнул и чуть потянул повод, как будто предлагая: «А давай побыстрее?»

– Не сейчас, хороший мой, – со вздохом сказал Аластор. – По городу не очень-то разгонишься. На охоту выбраться, что ли?

Конь снова фыркнул, явно одобряя. Застоялся, нужно сказать конюхам, чтобы разминали его почаще. В поместье Аластор столько ездил верхом, что Искра никогда не оставалась без прогулок, а теперь... Он с привычной уже грустной нежностью вспомнил о любимой кобыле и свернул к лотку с яблоками, который ушлый торговец поставил у самой мостовой, нарушая приказ об уличной торговле. Бдительный охранник оказался там раньше Аластора, заглянул торговцу в лицо, провел над лотком рукой – целый набор артефактных перстней блеснул на жарком летнем солнце.

Аластор только молча вздохнул – раньше он бы сам придиричиво перещупал налитые краснобокие плоды, выбрав самые спелые и сочные, а теперь их сначала надо проверить на яд и проклятье, будто кто-то мог заранее угадать, что король остановится именно у этого лотка.

«Зная, что ты любишь красные яблоки? – услышал он в мыслях голос Лучано. – И какой дорогой обычно едешь из дворца к своим родителям? Дай подумать... О, конечно, это было бы очень сложно! Я уже говорил, что ломаного флорина не взял бы за твое убийство, м?»

«Захотят – все равно убьют, – упрямо возразил он другу тоже в мыслях. – Вон, Малкольм, как мне сказали, никогда не покидал дворец без нескольких дюжин охраны, всю еду для него постоянно проверяли – и что, помогло? Заговорщики самого Баргота подергали за хвост, чтобы надежно погубить короля со всеми наследниками. А я не собираюсь всю жизнь провести под замком!»

Он показал человеку канцлера два пальца, и тот понятиливо кивнул. Выбрал пару яблок и, приблизившись, подал с поклоном. Огонек тут же потянулся мордой, зная, что одно точно причитается ему. Взял с ладони мягкими бархатистыми губами, захрупал... Аластор запустил руку в поясной кошелек, нащупал монетку и бросил ее торговцу. Тот ловко поймал медный флорин на лету и принялся кланяться, прижимая кулак с монеткой к сердцу.

Проехав мимо, Аластор придиричиво оглядел оставшееся

яблоко, протер чуть запылившийся бок манжетом камзола и с наслаждением запустил зубы в сочную хрустящую мякоть. Вот так! Счастье-то какое... И плевать на этикет, согласно которому яблоко надо вымыть душистой водой, очистить, разрезать на ломтики, удалив сердцевинку, и подать на серебряной тарелочке с гербом Дорвеннов, причем сделать это должен определенный лакей, закрепленный за королевскими закусками... Пока дождешься, уже и не захочется!

Хрустя немислимо вкусным яблоком, он ехал по Дорвенне, стараясь замечать каждую мелочь на своем пути. Уличных торговцев точно стало больше, вкусные запахи так и плыли со всех сторон. Это хорошо, значит, у людей появились деньги не только на миску каши, сваренную дома, но и на нехитрые лакомства вроде пирожков с ягодами или тrefухой, свежих и моченых яблок, жареной рыбы и лепешек.

А еще канцлер три дня назад сказал, что сейчас, пока летняя сушь, по всей столице углубят сточные канавы, засыпят ямы, мешающие проехать повозкам, и почистят колодцы, выкопанные еще при Кристофе Тучном лет сто пятьдесят назад и почти переставшие давать воду. Это значит, беднякам станет полегче, потому что не всякий может позволить себе купить у водовоза целую бочку, многие семьи обходятся парой кувшинов только для приготовления еды. А грязь порождает болезни.

«Получим итлийские деньги, поговорю с орденскими магами, нельзя ли выкопать колодцев побольше, – решил Ала-

стор. – На водопровод, как в Итлии, не хватит, разумеется, но нельзя же вечно держать Дорвенну невытой!»

Свернув к особняку родителей, он приветливо кивнул посту городской стражи, который теперь всегда дежурил у въезда в переулок. Сержант в начищенных доспехах и пара стражников вытянулись, отдавая честь, Аластору же вспомнилось, как несколько месяцев назад на этом месте стояли такие же солдаты, только уставшие, измученные, готовые защищать жителей и от демонов, и от мародеров. А ведь полугодом еще не прошло! И одновременно – словно целая жизнь...

«Надо больше караулов, – сделал он заметку в памяти. – Здесь кварталы тихие, а вот на окраинах народ без всяких демонов режет кошельки и друг друга. И страдают, как обычно, самые беззащитные, порядочные и работающие. Я пока не могу осветить все улицы и пустить стражу по каждому переулку, но еще хотя бы дюжина-две постоянных патрулей нагонит страху на самых наглых. А пойманных воров – не в тюрьму, а в дорожное ведомство. Пусть дороги ровняют и чистят проклятые канавы, из-за которых каждую осень и весну Дорвенну заливают грязной жижей! Деньги... Ах, если бы мне побольше денег! Ну, не все сразу... Будет и у нас когда-нибудь водопровод... И даже фонтаны, о которых вздыхает Лу, поставим. Жеребенка – и того за год не вырастишь в боевого коня, а уж целую страну...»

Ворота родительского особняка распахнулись, пропуская

его и охрану. Гвардейцы проехали внутрь, люди канцлера, как всегда в таких случаях, остались наблюдать за улицей. Аластор спрыгнул с Огонька, отдал его повод подбежавшему конюху и с недоумением посмотрел на чужую карету, стоящую во дворе. Позолоченный герб сверкал на солнце, мешая себя рассмотреть, но было видно, что это не зелено-золотой леопард Райнгартенов. Значит, приехали не сестры. В любом случае, очень досадно!

Он-то рассчитывал побыть с родителями без посторонних, они и так слишком редко видятся, а теперь придется терпеть за семейным обедом... кстати, кого?

– Добрый день, матушка! – воскликнул он, входя в гостиную. – Здоровы ли вы? Как отец?

– Аластор, мальчик мой дорогой! Как славно, что ты решил нас навестить! Жаль, я не знала, велела бы испечь твой любимый мясной пирог!

Матушка, сидящая в кресле, протянула руку, и Аластор, склонившись, поцеловал ее.

– У нас гости, ты уже видел, наверное. Мерилин Хольтвер приехала, – улыбнулась матушка, и досада Аластора сменилась чувством вины.

У матушки не так уж много подруг, и леди Хольтвер, пожалуй, ближайшая из тех, кто живет в столице.

– С мужем и сыном, – добавила матушка, и досада вмиг вернулась.

Это же сколько лет он не видел развязного хлыща Брай-

ана? Даже странно, что у такой милой дамы, как леди Мерилин, могло родиться и вырасти подобное сокровище. Нет, возможно, конечно, что за эти лет... пять? Шесть? В общем, что Брайан повзрослел и поумнел. Но верилось в это слабо.

– Ты ведь не против, если они останутся на обед? – мягко уточнила матушка, словно почувствовав его настроение. – Знаю, ты почему-то не любишь Брайана...

– И у меня есть на это некоторые причины, – буркнул Аластор, а потом вздохнул: – Ну что вы, миледи матушка, разумеется, я не могу лишиться вас общества леди Мерилин. А батюшка еще не вернулся?

– Они с лордом Бастельеро уехали на рыбалку.

Нежная теплая улыбка тронула губы матушки. Аластор вдруг понял, что именно это он хотел бы всегда видеть на лице собственной жены или хотя бы знать, что Беатрис думает о нем так же, как матушка, когда говорит об отце. Он даже не сразу осознал услышанное имя, но тут же изумленно вскинулся:

– Батюшка?! С лордом Бастельеро?!

Скажи матушка, что отец уехал с визитом к Барготу, Аластор бы удивился меньше.

– О нет, не с тем! – торопливо поправилась матушка, верно поняв его изумление. – С лордом Алариком! Оказывается, старший лорд Бастельеро такой же любитель рыбалки, как твой отец. Кто бы мог подумать? Наверное, это жизнь в усадьбе так на него повлияла. Они с Себастьяном раз в неде-

лю ездят на какую-то речушку в окрестностях Дорвенны и соревнуются, кто больше наловит рыбы.

– И кто побеждает? – ревниво поинтересовался Аластор, пытаясь мысленно соотнести образ лорда Аларика Бастельеро, такого представительного и величественного, с удочками, наживкой, бдениями у воды и рыбацким азартом.

Состязания! Нет, подумать только! И отец никогда не упоминал... Может, к слову не пришлось, а может, он решил, что само имя Бастельеро способно испортить Аластору настроение. И был бы не так уж неправ, кстати!

– В прошлый раз выиграл твой отец, – просияла матушка очередной улыбкой. – Мы отметили эту победу запеченной в сливках красноперкой, самой лучшей из его улова. Как жаль, что тебя не было, мальчик мой...

– Мне тоже жаль, – искренне отозвался Аластор и снова взял руку матушки, но не поднес ее к губам, а по-детски прижался щекой, как всегда любил. – Я бы очень хотел, чтобы вы жили со мной...

– Но нам с Себастьяном там не место, – спокойно закончила за него матушка. – Ты и сам это прекрасно понимаешь, не так ли? Я слишком отвыкла от придворной жизни, да и твоему отцу она будет в тягость. Бесчисленные визиты, постоянное внимание двора, просьбы о протекции и попытки повлиять на тебя через нас... Боюсь, в лучшем случае это было бы ужасно утомительно, а в худшем – еще и противно. Знаешь... – Она вздохнула и погладила его по щеке. –

Нам с твоим отцом пришлось пересмотреть круг знакомств. Многие люди, с которыми мы прежде дружили, не смогли простить нам твоего возвышения. Другие, напротив, решили, что это знакомство дает им какие-то особенные привилегии и возможности... Это было вполне ожидаемо и все-таки чуточку печально.

– Матушка... – растерянно сказал Аластор, которому никогда прежде не приходило в голову, как изменится жизнь его родителей.

Конечно, они сразу после его коронации сказали, что предпочтут остаться в своем небольшом уютном особняке подальше от дворцовой суматохи, а большую часть года и вообще станут по-прежнему проводить в усадьбе. Аластор принял это с пониманием – его родители и правда были слишком хороши для двора, не стоило портить им жизнь ради его собственного спокойствия и удобства. Но такое... Действительно, как он мог не подумать, что на них обрушится чужая зависть и алчность? Прав Лучано, для короля Аластор слишком наивен!

– Мне так жаль... – выдавил он, опуская взгляд.

– Какие глупости, мальчик мой, – вздохнула матушка. – Я сказала об этом только затем, чтобы ты не почувствовал себя неловко, если лорд Хольтвер вдруг поведет себя бестактно. В Мерилин я вполне уверена, но сам Хольтвер почему-то вбил себе в голову, что Брайан мог бы теперь сделать карьеру при дворе. Как будто, если бы ты хотел подружиться с его сыном,

то не сделал бы этого раньше!

– Я понял, матушка, – усмехнулся Аластор, выпуская ее руку и напоследок вдыхая тонкий знакомый аромат благовоний – всегда одних и тех же, не меняющихся, на его памяти, никогда. – И постараюсь быть учтивым – ради уважения к леди Мэрилин.

– Не сомневаюсь в твоей деликатности, милый, – улыбнулась матушка и встала с кресла, едва слышно зашелестев юбкой домашнего платья цвета темной бирюзы. – Идем, гости попросили позволения освежиться перед обедом, но уже время идти в столовую.

За окном вдруг послышался шум, Аластор выглянул туда и увидел, что во двор въезжают два всадника на статных гнедых. С удовольствием отметил, что отец, несмотря на возраст, великолепно держится в седле своей любимой Корицы. Впрочем, лорд Бастельеро тоже выглядел неплохо. И кобыла у него отменная, причем дорвенантской породы, а не итлийка, на которой ездит Грегор Бастельеро. Но это как раз понятный выбор для деревенской жизни, которую лорд Аларик вел в последнее время. Итлийки слишком нежные, боятся холодной росы, да и копыта у них слабоваты. Городская лошадь для теплых конюшен и красивых выездов на прогулки, не то что выносливые умные красавцы из вальдероновских табунов!

За окном два лорда оживленно обсуждали сегодняшний клев. Аластор прислушался и ревниво понял, что на этот раз

Бастельеро-старший взял реванш! Ну ничего, это наверняка ненадолго, если он, Аластор, хоть немного знает характер собственного отца. Вальдероны так легко не сдаются! Ага, вон отец как раз назначает условия следующего состязания! Хм, ночная рыбалка?!

Ему вдруг смертельно захотелось бросить все и напроситься третьим. Пусть к рыбной ловле он равнодушен, зато ночной лес и река, костер, кипящий над углями котелок с ухой – свежайшей, из только что пойманной рыбы! И никаких придворных слухов, никаких государственных забот! Вот было бы счастье...

– Надеюсь, лорд Аларик не похож в общении на своего сына, – пробормотал он. – Иначе, боюсь, обед выйдет не слишком приятным.

– О, ничего общего! – заверила его матушка. – Лорд Аларик очень любезен! И я так рада, что они сошлись с твоим отцом. Ты ведь знаешь, он скучает в городе, а наш дорогой месьор Жозеф всегда готов его сопровождать, но совершенно ничего не понимает в рыбалке.

Аластор согласно хмыкнул, вспомнив, как обычно выглядели совместные поездки отца с месьором д'Альбрэ на рыбалку. Фраганец брал с собой очередной исторический роман или фехтбук, пару фляг вина и теплое одеяло, на котором укладывался у костра читать книгу, пока отец ловил рыбу. Оба при этом молчали, часами не обмениваясь ни одним словом, но по возвращении домой утверждали, что прекрас-

но провели время! Аластор всегда удивлялся этому, пока не осознал недавно, что им с Лу тоже не обязательно разговаривать. Иногда хорошо просто помолчать рядом с тем, кто тебя понимает...

И все-таки прекрасно, что у отца появился еще один хороший знакомый и соперник в любимом деле!

Они с матушкой вышли из гостиной и прошли в столовую, где как раз накрывали на стол. Через несколько минут появились и гости.

– Ваше величество!

Оба Хольтвера низко склонились перед Аластором, а леди Мерилин присела в реверансе.

– Ваше величество...

– Прошу без церемоний, миледи, милорды. Здесь, в доме моих родителей, я всего лишь их сын!

Аластор поклонился в ответ лорду Хольтверу и Брайану, который маячил за его спиной, а леди Мерилин поцеловал руку и заметил:

– Миледи, мы не виделись, кажется, год, и вы за это время стали еще прекраснее. Как вам это удается?

– О, благодарю...

Зарумянившись, леди снова присела, придерживая подол изумрудного платья, и тут в коридоре раздался бодрый голос отца:

– У нас гости? Прекрасно! Прошу в столовую! Признаться, мы с лордом Алариком голодны, как волки зимой!

– Неужели рыбалка была неудачной? – поддел Аластор отца, с любопытством разглядывая старшего лорда Бастельеро, которого на свадьбе Айлин видел лишь мельком. – Матушка рассказывала, что вы не возвращаетесь без добычи.

– Мы так увлеклись, что даже не собрались ее приготовить, – махнул рукой отец. – А припасы закончились еще вчера.

– Так вы ночевали в лесу? – чуть нахмурился Аластор, пропуская дам в столовую. – Батюшка, вы уверены, что в вашем возрасте это благоразумно?

Отец, только рассмеявшись, потрепал его по голове, и Аластор снова почувствовал себя мальчишкой и любимым сыном – такое прекрасное ощущение!

– Жаль, что месьор Жозеф к нам не присоединится, – сказал отец с сожалением, когда слуги подали первую перемену блюд. – У него сегодня важная встреча с кем-то из соотечественников.

– В самом деле?

Аластор навострил уши, но не стал спрашивать о наставнике в присутствии чужих, да и отец тут же сменил тему, начав беседу о делах в поместье. Лорд Хольтвер подхватил ее и пожаловался на неурожай, который случился, несмотря на все усилия мага-погодника.

– Это так печально, ваше величество, – посетовал он, втыкая вилку в жаркое из ягненка. – Я просто не представляю, чем стану платить налоги в этом году! Жизнь в столице об-

ходится так дорого!

– Вы совершенно правы, – невозмутимо согласился Аластор, краем глаза приметив, что отец еле заметно поморщился. – Но ведь можно часть года проводить в поместье. Это обойдется гораздо дешевле, да и делами удобнее заниматься, не полагаясь на управляющих.

– Да-да, конечно... – немного растерянно отозвался Хольтвр и несколько минут усердно жевал ягнятину, пока матушка Аластора и леди Мерилин обсуждали помолвку дочери какой-то леди Бадмур.

Аластор тем временем поймал себя на желчном желании дать почтенному аристократу еще пару советов. Например, тратить немного меньше денег на ненужную роскошь. Понятное дело, женщины нуждаются в красивых платьях, и он бы в жизни не посмел упрекнуть почтенную леди Мерилин в желании принарядиться, но ради Всеблагой, зачем Брайан увешался золотыми пряжками с эмалевыми вставками, которые недавно вошли в моду во Фрагане?! Недешевые побрякушки, между прочим! А Брайан их нацепил не только на туфли, но и на пояс, и даже ворот нарядного атласного камзола сколол аж двумя!

Помнится, в той компании, в которую сам Аластор мечтал войти в шестнадцать лет, Брайан по праву считался самым большим щеголем, но ему давно стоило задуматься, каких средств родителям стоит баловать великовозрастного бездельника. Леди Мерилин, между прочим, приехала в платье,

которое Аластор видел на ней уже года три-четыре подряд. Конечно, сшито оно с большим вкусом, подчеркивая все еще прекрасную фигуру леди, но если присмотреться – золотой галун отделки уже истерся, а шелк пережил не одну чистку. И Брайану не стыдно одеваться лучше матери?!

Он перевел взгляд на старшего Бастельеро, который с безупречным изяществом разделял свою порцию ягненка и подумал, что матушка права, сын и отец на удивление не схожи. От бывшего командора, а ныне Архимага, всегда веет холодом, и даже ярость у него ледяная, похожая на удар морозного ветра в лицо. А вот лорд Аларик неуволимо напоминает его, Аластора, отца, особенно когда тепло улыбается обеим леди и негромко рассказывает, как у него в поместье выращивают раннюю клубнику. Причем с явным знанием дела рассказывает! Пожалуй, неудивительно, что они с батюшкой сошлись.

– О, Себастьян, дорогой, почему бы нам не завести и у себя такие теплицы? – оживилась матушка. – Если лорд Аларик поможет советом...

– Разумеется, миледи, – кивнул Бастельеро-старший. – С радостью пришлю вам плотника, который их строил. А мой садовник поучит вашего, и в следующем году у вас уже будут ранние ягоды.

– Благодарю, Аларик, вы очень любезны, – улыбнулся отец, и по этой обмолвке с простым именем вместо положенного по этикету обращения, Аластор понял, что эти двое и

в самом деле близки.

Когда только успели!

Впрочем, с месьором д'Альбрэ отец тоже сошелся легко и сразу, но больше Аластор не помнил у него ни с кем такой близости. Вот лорд Хольтвер, несмотря на давнее знакомство, до сих пор исключительно «милорд»! Что ж, два друга за столько лет – это о чем-то говорит, хотя все равно удивительно, что одним из них оказался Бастельеро!

– Почему бы вам тоже не попробовать разводить клубнику? – предложил он второму гостю, решив, что молчит уже слишком долго, и учтивость требует что-нибудь сказать. – Ягода дорогая, а земли для нее, кажется, нужно не особенно много. Главное – побольше навоза, верно, милорд?

– Вы совершенно правы, ваше величество, – склонил голову лорд Бастельеро, и его глаза весело блеснули. – Без удобрений даже самая щедрая земля быстро истощается. Я использую конский, он лучше всего, особенно хорошо перепревший. Мы с вашим отцом уже договорились к зиме поменяться: он мне – сотню телег навоза, а я по весне расплачусь ягодами и свежей зеленью.

Аластор одобрительно кивнул и с удовлетворением подумал, что отец не ошибается в людях. Этот лорд Бастельеро – знакомство не только полезное, но и приятное!

– Боюсь, ваше величество, я... совсем не разбираюсь... в навозе... – промямлил лорд Хольтвер, с трудом выговорив последнее слово. – Это дело простонародья...

Лорд Бастельеро улыбнулся чуть шире, и Хольтвер бросил на него затравленный взгляд. Кажется, осознал, что только что причислил к простонародью лорда из Трех Дюжин, королевского отчима и самого короля. Высокий, благородной формы лоб Хольтвера покрылся бисеринками пота, лорд уткнулся взглядом в тарелку, и только тогда Бастельеро тоже отвел от него в свою очередь взгляд.

– О, милорд, простите, – улыбнулась матушка. – Таковы уж мы, деревенские жители – все сводим к разговорам об урожае! Надеюсь, мы не испортили вам аппетит. Мерилин, еще кусочек?

– Разве что немного спаржи, милая, – непринужденно улыбнулась леди Хольтвер. – Ваша кухарка прекрасно готовит! И, пожалуй, я тоже подумаю о теплицах. Правда, боюсь, что заниматься ими придется мне. Мой дорогой Адельстан предпочитает городскую жизнь...

– Может быть, Брайан вам поможет? – любезно предположил Аластор, которому разговор наконец-то начал нравиться.

Брайан, до сих пор не сказавший ни слова, вздрогнул и едва не подавился куском ягнятины, но мужественно проглотил его и проямлил:

– Простите, ваше величество, боюсь... я тоже... не разбираюсь...

– Ничего, научитесь, – великодушно утешил его Аластор. – Какие ваши годы! Я помогал отцу лет с четырнадца-

ти, а вам ведь куда больше!

– Ваше величество изволит шутить, – старательно улыбулся лорд Хольтвер. – Мы с Мерилин как раз думали, что Брайану пора делать карьеру при дворе... Возможно, вы нам что-нибудь посоветуете... с высоты вашей мудрости... Не по годам... э-э-э...

– Не по годам мудрой, – преувеличенно серьезно подсказал лорд Бастельеро, и Хольтвер с облегчением кивнул.

– Да-да, не по годам! – с напором повторил он. – Брайан мечтает служить вашему величеству!

– Разве я против? – удивился Аластор. – Служение государству – дело благое. Дорвенанту отчаянно нужны умелые честные чиновники. Брайан, мы с вами давно не виделись, и я, признаться, понятия не имею, к какому роду занятий вы тяготеете? Землеустройство? Финансы? Архитектура, может быть?

– Простите, ваше величество, я...

Брайан порозовел сначала скулами, потом всем лицом и шеей, что очень странно выглядело с его зелено-золотым камзолом.

– Не любите науки? – понимающе уточнил Аластор. – Ну ничего, в армии люди тоже нужны. Во втором рейтарском полку, что недавно вернулся от Мервиля, недостает офицеров. Как раз успеете получить чин лейтенанта, прежде чем полк отправят куда-нибудь еще.

– Брайан не чувствует призвания к военной службе! – вы-

палил лорд Хольтвер. – Ваше величество, мы думали... мы надеялись... Брайан мог бы служить лично вам! Вы ведь так прекрасно ладите... то есть ладили... при прежних встречах...

– Особенно при самой последней, – согласился Аластор с холодной ласковой учтивостью. – Правда, Брайан? При той самой, когда вы отправили меня ночевать на кладбище.

Да, он обещал матушке, что будет любезен с гостями! И не собирался мстить за давнюю чужую глупость, которая чудом не обошлась ему слишком дорого. В конце концов, сам виноват, что пошел, не устояв перед насмешками! Но и забыть ту историю не мог.

– Кладбище? – нахмурилась леди Мерилин. – Брайан?..

– Это была шутка! – выпалил парень, который вдруг показался Аластору гораздо младше его самого, хоть это было вовсе не так. – Шутка, ваше... ваше величество!

– Отменная шутка, – улыбнулся Аластор одними губами. – Достойная юных дворян, верно? Отправить мальчишку шестнадцати лет, самого младшего в вашей компании, на беспокойное кладбище, известное всей Дорвенне, представив это испытанием храбрости. Дело прошлое, но скажите, Брайан, вам не пришло в голову хотя бы побеспокоиться, когда утром я не вернулся?

– Но... вы ведь появились потом... – пролепетал Брайан, краснея еще сильнее. – И мы подумали...

– Что испытания я не выдержал, – кивнул Аластор. – И

даже были столь любезны, что не стали над этим подшучивать. Жаль вас разочаровывать, но это не совсем так. Я честно просидел на этом Барготом проклятом кладбище до рассвета. К счастью, склеп Корсонов оказался достаточно высоким, и та дюжина с лишним упырей до меня не добралась.

Тишина, повисшая в столовой, была достойна того самого кладбища. Аластор с мысленным вздохом признал, что быть любезным с гостями у него получилось не очень хорошо, и одобряюще сказал побледневшей Мерилин Хольтвер:

– Ничего страшного не случилось, миледи. И я не держу на Брайана зла. В конце концов, этой шутке я обязан знакомством с одной прекрасной и храброй девушкой, которая появилась как раз вовремя, чтобы меня спасти. Вы с ней близко знакомы, милорд, – глянул он на лорда Бастельеро. – Как и мои батюшка с матушкой.

– Так это в ту ночь... – начал отец, и Аластор коротко кивнул.

– Именно, – уронил он и пояснил для всех: – Когда молодой лорд Хольтвер и его друзья предложили мне доказать свою храбрость таким дурацким способом, я действительно едва не стал обедом для упырей. К счастью, у леди Айлин была... какая-то домашняя работа по некромантии именно на этом кладбище. И я несколько не стыжусь признаться, что ей, девочке двенадцати лет, пришлось отбивать меня у нечисти с помощью собаки и своего несравненного магического дара. Именно так мы и познакомились.

– Наша семья обязана этой отважной леди слишком многим, – вздохнул отец. – Вальдеронам никогда не вернуть этого долга.

– Мой сын сделал прекрасный выбор, – задумчиво согласился лорд Бастельеро, и все за столом, не сговариваясь, посмотрели на Брайана и его отца.

– Знаете, лорд Хольтвер, – сказал Аластор. – Я действительно не собираюсь вспоминать эту историю. Но ваша жена – подруга моей дорогой матушки, и мне бы не хотелось, чтобы вы затаили обиду на моих родителей за исключительно мое решение. Видят Благие, я не держу на Брайана зла. Многие делают глупости, особенно в юности. Хотя это было бы плохим утешением для моих родителей, растерзай меня нежить... Ладно, это все в прошлом. И если Брайан пожелает сделать карьеру при дворе, я ему мешать не собираюсь. Вдруг он и в самом деле окажется полезен Дорвенанту. Но я вряд ли когда-нибудь забуду, что эти достойные молодые люди, отправив мальчишку в лапы к упырям – ради шутки, разумеется! – даже не побеспокоились потом о его судьбе. В семнадцать-двадцать лет им стоило иметь побольше разума и ответственности, я уж не говорю о чести. Мои родители никогда не выбирали мне друзей, с этим я справляюсь сам, и в друзьях предпочитаю видеть тех, кто может прикрыть спину, а не... Ладно, достаточно, я полагаю. Миледи матушка, миледи Мерилин, мои самые искренние извинения!

Он с досадой поглядел на обоих лордов Хольтверов, стар-

шего и младшего. Брайан был красным, как рак, его отец, напротив, побледнел и прятал взгляд. Понял, наверное, что все надежды на блестящую карьеру сына рухнули даже не сейчас, а пять лет назад. И правда, обидная случайность! Вот так пошутишь над соседским мальчишкой-провинциалом, а он возьми – и окажись королем! Впору пожалеть беднягу Брайана!

Совершенно успокоившись от этой вспышки холодного гнева, которая прошла так же быстро, как разгорелась, он уже виновато улыбнулся матушке и отцу.

– Обед сегодня просто отменный. – И пошутил: – Пожалуй, мне стоит почаще вас навещать. Вдруг выпадет случай все-таки попробовать вашу с лордом Бастельеро добычу.

– О, если дело только за этим, – шутливо парировал отец, – то можешь остаться. К ужину ее уже приготовят.

– Это было бы прекрасно, – вздохнул Аластор, чувствуя вину еще сильнее. – Увы, я обещал жене, что вечер проведу с ней.

– Такие обещания нарушать нельзя, – улыбнулась матушка. – Не так ли, Мерилин?

Леди Хольтвер торопливо закивала, и обед закончился совсем мирно.

Дождавшись, пока гости уедут – последним особняк покинул лорд Бастельеро, пообещав передать своей милой невестке тысячу поклонов, благодарностей и лучших пожеланий от семьи Вальдеронов, – Аластор попросил подать ша-

мьет в гостиную и уже там рассказал новость, которая то и дело вспыхивала в его душе теплым нежным осознанием своего счастья.

– Поздравляю, мальчик мой, – сказал отец. – Ты должен теперь быть особенно бережным с женой, понимаешь?

– Конечно, – удивился Аластор. – Как же иначе! Я... так на это надеялся! Но даже не думал, что все случится так скоро.

– Поздравляю, дорогой мой, – эхом отозвалась матушка, и в уголках ее прекрасных глаз Аластор увидел блеснувшие слезы. – О, милый... как я за тебя рада! Ты будешь прекрасным отцом, я уверена!

– Обязательно буду, – пообещал Аластор. – Если только у меня получится хоть немного быть похожим на вас, милорд.

И он, встав, с величайшим почтением и искренностью поклонился отцу.

На миг вспомнился Лу, который сегодня тоже увиделся с отцом – и тоже с приемным. Как странно отражаются друг в друге их судьбы! Сравнить лорда Себастьяна, доброго, великодушного, благородного! – и коварного убийцу? Немыслимо! Но Лу, как отлично помнил Аластор, говорил о своем мастере с таким же уважением и нежностью, как сам Аластор – о лорде Себастьяне. Вдруг этого Ларци действительно удастся уговорить, и грандмастер Шипов отпустит Лучано? Тогда все станет совсем хорошо! «Ну, почти хорошо, – признал Аластор, вспомнив Айлин. – Я все равно не понимаю,

почему она выбрала Бастельеро, и вряд ли когда-нибудь пойму. Но пусть она будет счастлива – с кем ей угодно! Пусть будут счастливы все, кого я люблю, а об остальном я позабочусь. Ведь именно об этом я тогда просил то ли богов, то ли судьбу, то ли самого Странника, отвечая на вопрос арлезийского друга Роверстана. Я хотел исполнять свой долг – и судьба была так щедра, что отмерила мне этого долга полной мерой. Так чего же я теперь жалуюсь?»

– Ни один отец не гордился сыном больше, чем я – тобой, – серьезно ответил лорд Себастьян и, тоже встав, крепко его обнял, а потом, не отпуская, шепнул:

– Сколько бы у тебя ни было сыновей, обещаю, что передашь родовое имя Вальдеронов одному из них. Пусть в твоих жилах ни капли моей крови, зато в твоём сердце и разуме – предостаточно того, что заложил я. Обещай!

– Клянусь, отец, – проговорил Аластор, чувствуя, как в горле стоит ком от волнения. – Вальдероны не исчезнут, пока стоит Дорвенна, и Всеблагая не лишила нас милости.

Глава 6

Семейные вечера

Пушок, лежавший возле ее кресла, шевельнул ухом, и Айлин глянула на дверь гостиной, уже зная, кто в нее сейчас войдет. Шесть часов пополудни – время возвращения супруга со службы. Последний месяц лорд Бастельеро почти никогда не задерживался, иногда приезжал даже раньше, и Айлин смутно удивлялась этому, ведь когда она была адепткой, встретить мэтра Бастельеро в Академии можно было в любое время дня, а иногда и ночи. Теперь он торопился домой, к ней, и рассудком Айлин понимала, что именно так должен вести себя любящий заботливый муж. Только приходилось отгонять подлую мысль, что сейчас она могла бы ждать со всем другим человеком, причем с радостью и нетерпением!

Дверь открылась, на пороге появилась знакомая фигура – и Айлин спрятала взгляд, притворившись, что старательно разглядывает вышивку. У нее только что запуталась нитка, значит, придется развязывать коварный узелок скользкого шелка... Как вообще другие женщины умудряются получать удовольствие от вышивания?! Легче сплести самый замысловатый аркан, соединив его с дюжиной других, чем выполнить правильный переход от одного цвета к другому. Но это занятие приличествует леди. Оно успокаивает... Очень

хорошо успокаивает – все так говорят!

– Миледи, как я рад вас видеть!

Что ж, нельзя ведь прятаться вечно, не так ли? Айлин подняла голову от вышивки и улыбнулась мужу. Она благовоспитанная леди, а леди радуются возвращению супруга... Если бы еще ей не было так стыдно! Лорд Бастельеро так счастлив ее видеть... Ну почему она не может ответить ему такой же искренностью?!

– Простите, милорд, – сказала она, стыдясь еще и этой лжи. – Я увлеклась и не заметила, как вы вошли.

– О, ничего страшного! Прекрасно, что вы нашли занятие по душе. И так чудесно вышиваете, моя дорогая!

Подойдя, он присел рядом с ней на диван и посмотрел на большие пяльцы с натянутой канвой с таким восхищением, что у Айлин язык не повернулся признаться, как ей надоела проклятая вышивка. Куда сильнее, чем домашние задания по теории проклятий на первом курсе. А ведь закончена лишь центральная фигура рисунка – и это за несколько недель! Ох, наверное, всю вышивку получится завершить только к родам.

С другой стороны, ничего сложнее центральной фигуры на полотне уже не будет: Фарнельское озеро представляло собой широкую полосу нескольких оттенков синего и голубого, а обе армии на его берегу – и дорвенантская, и фраганская – множество смутных силуэтов без излишних деталей, и только изображение главнокомандующего... На один лишь

мундир у Айлин ушла целая неделя, прошедшая с последнего визита друзей! Какое счастье, что мундир был хотя бы не парадным! Обычный черно-фиолетовый, в котором только золотые наплечники (десяток мотков золотистого шелка разных оттенков, как и саму вышивку, привезла Иоланда) выдавали одеяние командора. А уж каких усилий стоило вышить лицо!..

Но лорду Бастельеро, кажется, действительно нравился его шелковый портрет – он разглядывал ее работу с такой гордостью! Что ж, если так, Айлин попросту подарит ему вышивку, как только ее закончит. Кажется, леди пристало делать мужьям подобные подарки. Во всяком случае, леди Гвенивер дарила отцу то лично вышитый платок, то ленту...

– Вам правда нравится, милорд? – уточнила она осторожно.

– Восхитительно! – заверил ее супруг и добавил, с восторгом разглядывая своего вышитого двойника: – Этот демон поразительно похож на настоящего! Так могли вышить его только вы, видевшая их живыми... И какая остроумная идея – сделать его чешую черно-фиолетовой! Вы ведь думали об армейской форме, когда вышивали, я прав?

Из кресла у окна, где батюшка Аларик читал книгу, слышалось едва заметное хмыканье. Онемев, Айлин кивнула, а лорд Бастельеро перевел на нее умиленный взгляд.

– Прекрасная мысль, – снова похвалил он с полной убежденностью. – Признаюсь, мне и самому порой казалось, что

демоны скорее напоминают армию, чем свору, что бы там ни говорил магистр Ладецки... Я буду с нетерпением ждать, когда вы закончите! А знаете! – торопливо добавил он вдруг. – У меня тоже есть чем вас порадовать!

И откинулся на спинку дивана, негромко бросив куда-то в пространство:

– Шамьет и пирожных для леди и бокал вина! Простите, что отвлекся, дорогая. Вы ведь помните, что сегодня Аранвен и Эддерли должны были сдавать выпускной экзамен?

– А разве... – растерянно начала Айлин и тут же спохватилась, что ведь прошла ровно неделя. Разумеется, экзамен был именно сегодня, а она даже не спросила о друзьях, бесовестная! – Простите, милорд! Они... они ведь его сдали? Правда?!

– Аранвен, как и ожидалось, с блеском, – отозвался лорд Бастельеро с понятным удовлетворением. Конечно, он должен гордиться Даррой, как же иначе! – А вот Эддерли... Вообразите только, пока Аранвен готовился к ответу, этот юный разгильдяй схватил первый попавшийся билет! Особенности общения с призраками... Не сходя с места, ответил по нему все, что знал, даже сверх того, что ему положено было бы знать, удивился, что билет такой легкий, и попросил разрешения взять еще один. В общем, все время подготовки Аранвена младший Эддерли развлекал нас своими ответами! Успел билетов пять или шесть... А когда закончил, магистр Эддерли заявил, что экзамен завершен, и... подпи-

сал ему диплом. Видели бы вы лицо вашего друга! Он-то собирался продолжать учебу! А тут такая неожиданность, да еще и от родного отца!

Айлин представила себе озадаченно-возмущенное лицо Саймона и невольно хихикнула. Да уж, милорд магистр Эддерли умеет быть неожиданным!

– Как я рад, что эта история вас позабавила, дорогая! – просиял лорд Бастельеро, заглядывая ей в лицо.

– О да, милорд, – заверила его Айлин. – А что ответил Саймон на первый вопрос? О призраках...

– Перечислил пятнадцать возможных способов действовать при встрече с ними, – усмехнулся лорд Бастельеро. – В учебниках, как вы... ах нет, пока не знаете! В общем, в обычной учебной литературе дается всего восемь. Но лорд Эддерли-старший специализируется именно на призраках, полагаю, Саймон научился у него...

– Пятнадцать? – поразилась Айлин, невольно подумав, как удачно разговор зашел о призраках сам собой. – А... каких? Вот если бы поблизости оказался призрак, что вы сделали бы?

– Упокоил бы его, разумеется, – удивился супруг. – Я всегда полагал это единственно верным по отношению к подобным... созданиям. Разумеется, можно попытаться узнать, нет ли у призрака незаконченного дела, но поверьте, это всегда ненужный риск. Даже если призрак притворяется доброжелательным... Впрочем, если у некроманта не хватает сил

для упокоения, все-таки можно попробовать что-то иное. Но ко мне... и к вашему курсу, моя дорогая, это, к счастью, не относится. У каждого из вас более чем достаточно сил. А почему вас это заинтересовало?

– Просто любопытно, милорд, – пролепетала Айлин, опять опуская взгляд и принимаясь старательно развязывать узелок на фиолетовой нитке, которой вышивала манжет форменного мундира.

Внутри что-то разочарованно екнуло и потянуло уже привычной тоской. Конечно, она помнила, как лорд Бастельеро несколько лет назад поступил с мэтром Кираном, но надеялась – вдруг за это время он изменил мнение о потусторонних существах, смягчился... Потому и спросила, не решаясь признаться в причинах такого интереса. И получила ожидаемый ответ, именно тот, которого опасалась.

Нет, у супруга она точно не найдет понимания! Как и Кайл Морстен, а он совсем не заслужил принудительного упокоения... Ну что ж, она ведь и не рассчитывала всерьез на помощь лорда Бастельеро, а значит, искать ее следует в другом месте.

«Дарра, – уверенно подумала Айлин. – Мне очень, очень нужен Дарра! Он самый умный из Воронов, он умеет хранить тайны и точно никому не расскажет, что я вижу призраков, хотя и не должна. Вот только... не могу же я говорить с ним здесь, мы ведь никогда не остаемся наедине, а если кто-то услышит, о чем мы говорим, непременно донесет лорду Ба-

стельеро. Ох, но что же делать?»

В двери проскользнула самая старшая из Тильд с подносом и принялась быстро накрывать на стол, а еще через несколько мгновений на пороге возникла другая Тильда, которая выполняла обязанности камеристки Айлин, и бесстрастно произнесла:

– Милорд, миледи, приехала сударыня Донован.

– Просите! – откликнулся супруг и встал. – Простите, дорогая, я вас ненадолго покину. Переоденусь перед ужином.

– Да-да, милорд... – рассеянно кивнула Айлин, старательно скрывая ликование.

Иоланда! Милая, дорогая, прекрасная Иоланда! Как же вовремя!

Она едва не забыла, что в гостиной еще кто-то есть, но батюшка Аларик невозмутимо произнес из кресла:

– Моя дорогая девочка, вы непременно должны закончить вашу прелестную вышивку! – И добавил с легкой усмешкой: – Предводитель демонов, ну надо же!

– А вдруг милорд мой муж узнает правду и обидится? – робко поинтересовалась Айлин.

– Кто, Грегор? Узнает себя в демоне? Уверяю вас, дорогая, мой сын всегда был склонен переоценивать свои... достоинства. Впрочем, как и недостатки. Боюсь, если даже кто-нибудь укажет ему на сходство, Грегор отмахнется. Впрочем, возможно, оно ему даже польстит. Все-таки предводитель демонов, а не обычная бессмысленная тварь, – закончил

лорд Аларик с тем же ироническим смешком и поднялся: – Думаю, моя милая девочка, вы захотите поболтать с подружкой наедине, чтобы не стесняться мужского присутствия.

– Благодарю, батюшка Аларик! – искренне выдохнула Айлин и обернулась к стремительно входящей в гостиную Иоланде.

– Доброго вечера, милая леди, – мягко пожелал ей отец лорда Грегора и, пока Иоланда приседала в реверансе, вышел из гостиной.

– Иоланда! – торопливо воскликнула Айлин. – Как я рада! Отбросив пяльцы, она вскочила, подбежала к подруге и заключила ее в объятия, шепнув на ухо:

– Мне нужно срочно увидеться с Даррой! Потихоньку! Иоланда, пожалуйста...

– С ума сошла, Ревенгар? – возмутилась Иоланда таким же шепотом, потому что за ее спиной в нескольких шагах так и торчала услужливая, но очень бдительная Тильда, наострив уши. – Ладно-ладно... – И добавила уже громче: – Я тоже тебе рада, только не души меня! И ужасно хочу шамьета, а еще лучше – чего-нибудь холодненького! На улице до сих пор жара...

– Да-да, конечно, – спохватилась Айлин. – Тильда, будьте любезны ягодного морса и фруктов со льдом!

– Да, миледи, – присела горничная и улетучилась, будто призрак.

– Ревенгар, я должна немедленно показать тебе эту новую

лавку! – громко заявила Иоланда, падая в кресло и обмахиваясь веером. – Там настоящие фраганские духи и благовония! А мастер-парфюмер составляет уникальные ароматы на заказ. Ни у кого таких духов не будет, представляешь?

Она подмигнула, и Айлин, сообразив, торопливо обернулась к вошедшему в гостиную Грегору:

– Милорд супруг! Вы позволите мне завтра прогуляться с Иоландой? Прошу вас! Я так... скучаю... пока вас нет дома...

– Прогуляться?

Лорд Бастельеро едва заметно нахмурился.

– Ну что ж, если сударыня Донован согласна сопровождать вас... Куда вы намерены поехать? Надеюсь, это ненадолго?

– О, милорд Бастельеро! – пропела Иоланда, вскакивая и приседая в реверансе. – Вы так добры... Конечно, мы ненадолго! Айлин хочет новые духи!

– И мне нужно купить подарок тетушке! – добавила Айлин сначала по наитию, а потом тут же решив, что это сделает в любом случае. – Она любит фраганские духи с ароматом жасмина, я как раз думала, где их заказать...

– Разумеется, моя дорогая, – улыбнулся лорд Бастельеро, окончательно успокоившись. – Духи? Прекрасно! Порадуйте себя и тетушку! И сударыню Донован, разумеется!

Он перевел благосклонный и явно потеплевший взгляд на Иоланду, которая выглядела воплощением кротости и бла-

гопристойности, особенно с этими тщательно завитыми волосами и в новом голубом платье с кружевами по манжетам и лифу. Идеальная компаньонка для благородной леди!

Айлин снова укололо чувство вины. Супруг так радуется любым ее желаниям! Наверное, захоти она купить всю франгскую лавку – он и этому не удивился бы! Только спросил, как именно ей угодно получить подарок – вместе с парфюмерами или без них...

– Может быть, мы еще заедем в новые сады на королевской набережной, – с тщательно рассчитанной небрежностью добавила Иоланда. – Айлин полезно смотреть на красивое, а там сейчас так пышно цветут розы! Не беспокойтесь, милорд, у меня экипаж с рессорами, папенька подарил! Такой мягкий плавный ход – мостовую и не чувствуешь!

– Я очень надеюсь на ваше благоразумие, – кивнул лорд Бастельеро, и вина принялась грызть Айлин уже всерьез. – Прошу, не позволяйте ей устать и при первом же признаке недомогания возвращайтесь!

– Все будет хорошо, милорд! – заверила Айлин чуть дрогнувшим голосом. – Я... просто прогуляюсь.

«И помогу одной несчастной душе, которой больше не на кого надеяться, – добавила она про себя. – Если бы вы знали, как ему тяжело и больно... Я бы с радостью вам рассказала, если бы только вы могли поверить, что призраки не всегда злобные коварные твари! Они такие же, какими были при жизни, и не дай нам Претемная оказаться на их месте. Про-

стите, милорд, я не могу отказать этому бедняге, а вы... Если бы только вы могли меня понять...»

* * *

Остаток дня пролетел так быстро, что Аластор, переодеваясь к ужину, только вздохнул – ну почему нельзя растягивать время, словно хорошо выделанную кожу? Или как проволоку на том волочильном станке, который неделю назад показывал фраганский мастер, за большие деньги выписанный из Люрьеzy. Опять соседи – вечно они впереди! Право, иногда задумаешься, а такое ли благо – магия, если она приучает полагаться на божественный дар вместо собственного разума?

Аластор поспешно отогнал эти мысли, а то ведь так можно додуматься и до того, что Баргот хочет людям добра! Нет-нет, разум – это прекрасно, и все-таки есть более важные вещи! Например, честь и милосердие, благодарность и долг... Только Падший, великий враг рода человеческого, может утверждать, что главным для человека является собственное благо, ради которого можно пожертвовать чем угодно. Но как же обидно, что нельзя взять лучшее из всех божественных и человеческих законов, сотворив единый и совершенный закон! Такой, который укажет верный путь всегда и везде!

Если бы существовал такой закон, было бы понятно, как

жить, как обустроить государство и вести дела с кем угодно. Этот закон наверняка исправил бы людей, и мир перестал быть странным местом, где самая прекрасная и добрая девушка на свете оставляет возлюбленного и выходит за человека, рядом с которым ее даже представить невозможно! И ладно бы она была счастлива, но при кратких встречах Аластор безуспешно искал во взгляде Айлин хоть отблеск того счастья, который загорался в нем самом рядом с Беатрис. Подруга же в ответ на его осторожные вопросы улыбалась тенью своей прежней улыбки и утверждала, что лорд Бастельеро – прекрасный супруг! С этим Аластор не спорил, Грегор Бастельеро и вправду боготворит жену – это видно, и все-таки... Только реки текут в одну сторону, а человеку для счастья мало, чтобы его любили, нужно обязательно любить в ответ.

А еще в этом правильном совершенном мире умный, талантливый и верный Лучано никогда не стал бы убийцей, который наверняка принес людям немало горя. Или хотя бы с легкостью и радостью оставил это грязное ремесло, не боясь прежних собратьев.

В этом мире Беатрис не мучилась бы столько лет с мужем-пьяницей, став залогом расчетов между государствами. Да и сам король Малкольм был бы справедливым и усердным хозяином своей страны...

Не устроил бы Денвер заговор, который погубил столько жизней, не пришлось бы егерским капитанам выбирать меж-

ду предательством своего полка и убийством полковника, не сидел бы канцлер Аранвен иногда до самой ночи, изучая документы о казнокрадстве, убийствах, шпионаже... Как было бы хорошо жить в таком замечательном мире! Но раз Благие его не создали, значит, либо даже им это не под силу, либо они ждут, чтобы люди сами позаботились о себе и о месте, в котором обитают.

Снова вздохнув, Аластор застегнул самый нарядный из своих камзолов – плотного небесно-голубого арлезийского шелка, расшитого тоненькими золотыми веточками. Лу каждый раз, когда его видел, восхищенно мурлыкал, мол, именно этот камзол так подчеркивает глаза и волосы, что «монсиньор-р-р в нем выглядит пр-р-росто белиссимо!»

Аластору и самому нравилось то, что он видел в большом зеркале своей спальни, хотя смущала откровенная роскошь – стоил камзол столько, что можно было бы хорошего жеребца купить! Да, он, конечно, король, но... Если в стране не хватает денег, королю не стыдно одеваться попроще. К тому же в одежде из добротного сукна удобнее и спокойнее, чем в шелке и бархате. Не нужно опасаться, что капнешь чернилами, к примеру... И он бы непременно велел королевским портным шить то, к чему привык, но Беатрис!

Ей нравится на него смотреть, в ее прекрасных темных глазах светится нежность и желание. И ради нее Аластор готов был наряжаться, словно павлин, только бы она улыбалась и шептала «ми амор-ре...» своим чудесным бархатным го-

лосом...

Он последний раз окинул себя взглядом, поправил непослушную прядь, выбившуюся из-под бархатной ленты в тон камзолу, и вышел из спальни. Дела, разумеется, бесконечны, но все, что не терпит отлагательства, решено. Кроме, пожалуй, самого важного и неожиданного.

Аранвен, к которому Аластор заглянул по дороге, заверил, что знает о визите итлийского батюшки лорда Фарелла и уже велел оказать гостю достойный прием. Нет-нет, никаких соглядатаев, только охрана! Исключительно в знак уважения, чтобы почтенного немолодого мастера случайно не толкнули или еще как не обидели, приняв за обычного простолодина. К тому же сударь Фарелли наверняка пожелает осмотреть Дорвенну, и сопровождение пригодится, чтобы гость не заплутал или не лишился кошелька на одной из торговых площадей.

Аластор усомнился, что итлийцу понравится охрана, следующая за ним по пятам, но Ангус Аранвен, едва заметно улыбнувшись, пояснил, что ничего иного человек, подобный Ларци Фарелли, и не ожидает. Правила игры в учтивость грандмастер Шипов знает не хуже королевского посла и скорее обидится, если его посчитают совершенно безопасным и не заслуживающим особого внимания. К тому же бывают нелепые глупейшие случайности вроде сорвавшейся с крыши черепицы, понесшей лошади или пьяного болвана, что пристаёт к прохожим... А так всем будет гораздо спокойнее!

– Ну, если вы так считаете, милорд Ангус... – поморщился Аластор. – И если уверены, что он здесь ничего такого...

Как всегда, Аранвен понял его даже не с полуслова, а с полувзгляда.

– Грандмастеру лично исполнять заказы не по чину, – спокойно уронил он. – Все равно что полковнику стоять на часах, или мне – еще одна быстрая тонкая улыбка – переписывать бумаги словно простому секретарю. А если вы по-прежнему намерены получить лорда Фарелла в полное свое распоряжение, то визит его опекуна следует считать немалой удачей.

Согласившись с этим, Аластор ушел, оставив лорда Аранвена его обычным заботам и чувствуя себя слегка виноватым. Его, в отличие от канцлера, снова засидевшегося над бумагами, ждал прекрасный вечер! Просто изумительный!

Пройдя галереей, он кивнул гвардейцам у покоев королевы, улыбнулся стайке фрейлин, при его появлении присевших в глубоком реверансе, и попросил передать Беатрис, что ждет встречи.

– Ее величество приказала сразу проводить вас в ее малую гостиную! – отозвалась юная леди Сазерленд, самая бойкая из девушек. – Она ожидает в нетерпении! Прошу ваше величество следовать за мной.

Под шелест темного траурного платья Аластор проследовал в ту самую гостиную, которая стала для них с Беатрис любимым местом встречи. Ну, кроме спальни, разумеется!

Последняя мысль наполнила его сладким предвкушением, но Аластор тут же спохватился – надо спросить целителей, можно ли?

Распахнув перед ним дверь, оповестив королеву и сделав низкий реверанс, фрейлина ускользнула. Аластор шагнул через порог, и Беатрис поднялась ему навстречу из мягкого кресла возле уже накрытого стола. Присела в реверансе, выпрямилась...

– Садитесь, любовь моя! – воскликнул Аластор. – Я же просил вас! Ну к чему этот этикет?..

– Я это делаю не ради этикета, дорогой мой супруг. – Беатрис лукаво и ласково улыбнулась. – Мне просто приятно приветствовать вас, как полагается жене.

Она протянула ему обе руки, и Аластор, склонившись, поцеловал сначала одно, потом другое запястье.

– А мне – вас, – признался он, бережно поднося ее ладони к своим щекам. – О, Беа... каким долгим был этот день... А без тебя он казался еще дольше!

Он едва заметил, как в очередной раз перешел на ты – их совместное преступление против этикета, маленькое и такое приятное! Беатрис, улыбнувшись, погладила его кончиками пальцев по щеке, и теплая волна нежности захлестнула Аластора.

– Люблю тебя, – шепнул он. – Если бы я мог сделать что-нибудь, достойное тебя...

– Ты это делаешь каждый день, дорогой мой, – шепнула

она. – Или ты думаешь, я не вижу? Каждый твой час, каждая минута – все ради меня и нашего ребенка... – Она тронула пока еще плоский живот под складками светло-лилового платья и заглянула Аластору в глаза. – Только поэтому я не умираю в тоске вдали от тебя... Ми аморе... Потому что ты любишь меня, даже когда тебя нет рядом...

Осторожно уронив ладони ей на плечи, такие хрупкие под его лапищами, Аластор склонился к запрокинутому лицу, огромным сияющим глазам, приоткрытым манящим губам... От Беатрис пахло какими-то цветами, но тонкий аромат не заслонял, а подчеркивал запах ее волос и кожи – безумно притягательный, знакомый каждой ноткой... Аластор знал, что вскоре благоухание духов окончательно померкнет, зато запах женщины, охваченной страстью, разгорится невыносимо ярко. Знал – и предвкушал!

– Беа... – шепнул он умоляюще. – Если тебе можно... Если не повредит... Поужинаем потом?..

– Я думала, мой король голоден! – лукаво возразила она, ярко блестя глазами.

– Очень! – выдохнул Аластор прямо ей в губы. – Умираю от голода!

И не выдержал – стиснул ее плечи, прижался губами к губам. Беатрис подалась ему навстречу, выгнулась в его объятиях – страстная, дерзкая, сильная, несмотря на внешнюю хрупкость и изящество. Закинула руки ему за голову, отвечая на поцелуй...

Странное шуршание едва достигло слуха, но уже через миг Аластор отшатнулся, а Беатрис, взвизгнув, отскочила, подхватывая подол в извечно женском жесте.

– Крыса! – вскрикнула она, глядя на невысокий диванчик у стены. – Там крыса! Позовите охрану!

– Боюсь, они не обучены ловить крыс, – растерянно возразил Аластор, пытаясь свести все к шутке. – Но я прикажу принести Флориморда...

У стены снова прошуршало – еще громче. Ничего опасного там скрываться не могло, и Аластор, хмыкнув, подошел и рывком сдвинул обитый бархатом диванчик. Беатрис вскрикнула, отступая еще дальше...

– Это не крыса! – заверил ее Аластор дрогнувшим от облегчения и смеха голосом. – Не бойтесь, любовь моя!

Наклонившись, он поднял с пола крепко спящего Дани, которого неизвестно как занесло в гостиную. Мальчик открыл сонные глаза, зевнул и с трудом проговорил:

– Ва-а-аше велич-ч-чество? А мы в плятки игла-а-али... Я так хол-лошо спрл-лятался...

– Вижу, – кивнул Аластор. – Замечательно спрятался! Так, что тебя никто не нашел, верно? А потом немножко заснул... Ну вот, видите, дорогая, бояться совершенно нечего! Ни одна крыса не потревожит ваш покой, пока Флориморд на страже...

Он повернулся, держа зевающего мальчика, и осекся, вмиг утратив охоту шутить. Беатрис стояла у накрытого для

ужина столика. Побледнев и напряженно выпрямившись, она держала в руках нож для фруктов и сверкала глазами – но уже совсем иначе, чем несколько мгновений назад.

– Беа, это всего лишь Дани, – растерянно проговорил Аластор. – Он играл в прятки и заснул здесь. Ничего страшного, это просто ребенок...

– Ребенок? – проговорила Беатрис странно звонким голосом. – Ну, разумеется! Всего лишь ребенок, которому позволено все! Даже испугать меня... испортить мне вечер... такой редкий вечер с собственным мужем! Я думала... Я так испугалась...

– Я не знал, что вы так боитесь крыс! – еще растерянее сказал Аластор. – Но все ведь хорошо, правда? Я сейчас отдам мальчика охране, пусть его отнесут к Джастину...

– Вы беспокоитесь о нем?! – так же звонко вскрикнула Беатрис. – О нем, а... не обо мне?! Я всегда... всегда вторая... И ладно бы после государственных дел! Но после этого обрыва?!

– Беатрис?! Что вы... что ты говоришь?

Ничего не понимая, Аластор опустил сонного ребенка на злосчастный диван, шагнул к жене, но она, уронив нож на пол, прижала руки к груди и замотала головой.

– Ты готов проводить время с кем угодно... С кем угодно! С канцлером! Со своим фраганцем! С Шипом! С разумником! С этой... леди Бастельеро...

– Беатрис... – повторил Аластор, хмурясь и не понимая,

что происходит. – О чем ты?

– И только ко мне ты приходишь напоследок! Я все понимала... терпела... Но этот мальчишка? Даже он... он тебе дороже? Эта маленькая дрянь?!

– Беатрис, прекрати!

Шагнув к ней, Аластор снова притянул жену за плечи, не понимая, что делать. Что с ней вообще происходит?! Позвать целителей? Фрейлин? Самому успокаивать?!

– Беа... – зашептал он, крепко обнимая дрожащую женщину. – Милая... Любовь моя... Ну что ты говоришь... Ты же знаешь, я люблю тебя! Причем тут все? Причем этот бедный мальчик?

– Притом! – прорыдала Беатрис, утыкаясь в его камзол лицом и обхватывая его за пояс с каким-то отчаянным исступлением. – Я одна... только с дочерьми... но это другое! Аластор... ми аморе-е-е-е... я не могу... прости меня! Прости! Я говорю глупости! Я... не хотела! Я не хотела тебя обидеть, ми амо-о-оре... Ты целыми днями где-то... мы так редко видимся... О, прости, я такая... такая... идиотта... дура-а-а... Я знаю, что ты занимаешься делами! Что у тебя нет ни одной женщины, кроме... только дела... дела и друзья... Нельзя упрекать мужчину в этом, я знаю! Но я... я... прости...

– Беа... Тш-ш-ш... – Аластор укачивал рыдающую женщину, словно ребенка, не понимая, ужасаться или испытывать облегчение, что эта гроза, кажется, уже пронеслась над головой.

Это все из-за ее беременности! Женщины в положении часто чуют, плачут непонятно от чего, от всяких пустяков... Это он знал по разговорам матушки с ее подругами. Это ничего страшного, верно? Просто Беатрис боится, в ее положении это естественно. Он будет с ней нежным, терпеливым, и она поймет, как он ее любит, успокоится...

– Беа, – проговорил он так мягко, как только мог. – Все хорошо! Любовь моя... моя дорогая... Это пройдет... Ну какие женщины?! Конечно, только дела... И не могу же я не видеться с канцлером, правда?

Он с раскаянием подумал, что с Аранвеном и правда встречается чаще, чем нужно для этих самых дел. В полдень и вечером Лу варит им шамьет, когда сам не занят чем-то, и они втроем отдыхают от бесконечных забот, просто... разговаривая. О новостях – не важных политических, а обычных дворцовых и городских сплетнях! – о погоде, о всяких пустяках... Наверное, нужно было эти минуты проводить не с канцлером, а с Беатрис, но он не хотел быть навязчивым! К тому же до обеда она занимается своей красотой или гуляет в саду с дочерьми... Он же не знал! Не подумал...

А с остальными, кроме Лучано, и видеться выходит не так уж часто. Ну не будет же он фехтовать с Беа вместо месьора д'Альбрэ?! Или обсуждать с ней реформы, как с Роверстаном?! Да и на обед к родителям ее приглашать не стоит, уж это он успел уяснить. Но что тогда ему делать?!

И во всяком случае, причем здесь бедолага Дани, который

так и моргал на диванчике, словно совенок?!

Всхлипнув последний раз, Беатрис оторвалась от его груди и тут же отвернулась, еще и лицо прикрыла рукавом для верности. Но он успел увидеть дорожки слез, прочертившие идеальное лицо, темные круги вокруг глаз и припухшие расплывшиеся губы.

– Оставьте... меня... – попросила она дрожащим голосом. – Я сейчас... сейчас... Нет, погодите! Не уходите, умоляю!

– Я не уйду! – заверил Аластор, и Беатрис, тяжело дыша, выскочила из гостиной.

За дверью послышалось аханье кого-то из фрейлин, цокот каблучков... Через пару минут в гостиную заглянула леди Норвик, сделала реверанс и, потупившись, тихо сказала:

– Ее величество просит дать ей немного времени, чтобы успокоиться. Она умоляет вас ужинать без нее и располагать своим временем, как вам будет угодно.

Поднявшись из реверанса, девица бросила на него быстрый и такой испуганный взгляд, что Аластору стало не по себе. Теперь все подумают, что он обидел и расстроил жену! Да плевать на всех, что с Беа?!

– Она хорошо себя чувствует?! – выпалил он. – Может, позвать целителей? Хотя бы лейб-медика пригласите!

– Все хорошо, ваше величество! – заверила его юная леди. Посмотрела на Аластора и, зябко поежившись, умоляюще повторила: – Правда, все хорошо! Ее величество про-

сто... перенервничала! И ей... нужно умыться... Вы же понимаете...

И это все?! Дело только в том, что у Беа размазалось... ну, что там женщины наносят на лицо?! Она убежала, потому что испугалась показаться ему?!

Аластор вспомнил лицо жены и выдохнул с неопишуемым облегчением. Всеблагая Мать, а он уже решил, что это его ненавидят и не хотят видеть! Только не понял – за что?!

– Я останусь тут и дождусь ее! – твердо сказал он. – Передайте, чтобы она не торопилась, если нужно. И мои извинения за нашу... размолвку.

Снова присев, фрейлина убежала, и Аластор подошел к Дани, который сладко посапывал на диване. Словно почувствовав его взгляд, мальчишка открыл глаза, сонно потянулся...

– Пойдем-ка, дружок, – вздохнул Аластор. – Нечего тебе здесь делать, детям пора спать.

Проходя мимо стола, он взял неочищенный апельсин – здоровенный, яркий, с одуряюще вкусным запахом – и сунул его Дани в руки, а потом, выйдя из гостиной, прошел мимо шушукующихся фрейлин в коридор и бережно вручил мальчишка одному из гвардейцев, пояснив:

– Отнеси моему камердинеру.

– Слушаюсь, ваше величество! – умудрился шепотом отчеканить гвардеец, и Аластор мысленно сделал заметку о его сообразительности – никогда не знаешь, что пригодится.

Вернулся в гостиную, пнул на место барготов диванчик и упал в кресло возле столика, блистающего начищенными приборами и хрустальными бокалами. Закуски пахли изумительно и, если подумать, ни в чем не были виноваты, а обед у родителей был так давно...

Немного поколебавшись, Аластор виновато покосился на дверь и... принялся за еду. Если Беатрис не вернется, он сам зайдет к ней пожелать доброй ночи и извиниться еще раз. Но ведь голодным при этом оставаться вовсе не обязательно?

Глава 7

Два морстена

Фраганская лавка, расхваленная Иоландой, и в самом деле оказалась удивительно интересной. Айлин даже немного пожалела, что не посещала прежде таких мест. Конечно, в книжных лавках всегда можно отыскать что-нибудь более увлекательное, но все же... Возможно, и посещение парфюмерных – не совсем бессмысленное занятие, как ей всегда казалось раньше?

Пока Иоланда перечисляла любезному приказчику все, на что они желают взглянуть («Духи с запахом роз. Белых фраганских? О, шармэ! Алых итлийских? Слишком банально, впрочем... покажите и их. О, есть даже аромат золотых арлезийских? Какая благородная роскошь! И жасмин, непременно полуденный жасмин! Пирожные и шамьет, пока ожидаем? Да, благодарю...»), Айлин с интересом оглядывала изысканно обставленное помещение.

Стены приятного бледно-золотистого цвета, потолок расписан нежно-голубым и белым, в точности как весеннее небо с клубящимися пушистыми облачками, и везде расставлены кадки с пышными зелеными деревцами.

Длинный прилавок, за которым стоял щеголеватый приказчик, оказался глубоким ящиком, накрытым таким про-

зрачным стеклом, что его почти не было видно. За хрупкой преградой, которая придавала товару еще больше заманчивости, на темном сукне сверкали настоящие сокровища! Хрустальные, позолоченные и посеребренные бутылочки духов и ароматных эссенций, коробочки с пудрой и помадой, а еще модные новинки – маленькие, меньше мизинца, изящные флаконы на цепочках, чтобы носить духи с собой... Нужно непременно подарить такой флакончик Иоланде! Например, золотую рыбку, инкрустированную крохотными голубыми топазами. Или очаровательную бутылочку темно-изумрудного стекла, на которую словно присела бирюзово-золотая стрекоза, она прекрасно подчеркнет волосы и глаза подруги. А для тетушки подойдет изящная ракушка-веер, украшенная перламутром...

«Вот бы устроить что-то подобное в модном доме тетушки, – подумала Айлин невольно. – Чтобы можно было прямо там купить духи... или ароматную воду для белья и постели...» Состоятельные дамы, которые приезжают заказать платье, наверняка захотят посмотреть что-нибудь еще и, возможно, приобрести небольшую безделушку, чтобы не возвращаться с пустыми руками, пока наряд шьется.

Она невольно улыбнулась – ничего странного, если бы об этом размышляла Иоланда, но она, Айлин? Наверное, она все-таки не леди, если думает о таких вещах! Впрочем, лорд Бастельеро об этом не узнает, а тетушка наверняка ее одобрила бы! И батюшка Аларик тоже – он и сам так увлечен хо-

зыйственными делами...

И вздрогнула, почувствовав, как Иоланда ущипнула ее за руку.

– Ревенгар! – прошипела подруга, сделав страшные глаза и покосившись в сторону приказчика. – Ох, то есть Бастельеро, конечно. Вечно забываю, что ты... Ладно, неважно! Посмотри же, наконец!

Ой, кажется, Айлин что-то пропустила?

– Простите, месьор, – виновато улыбнулась она. – Я так засмотрелась, что не расслышала ваших слов. Здесь так красиво...

– О, не стоит извиняться, демуазель! – просиял фраганец так, словно получил изысканный комплимент. И тут же, бросив взгляд на ее руку с обручальным перстнем, спохватился. – Еще раз мои извинения, мадам! Ваша восхитительная юная красота затмевает взор! Я всего лишь хотел узнать, какие ароматы вы предпочитаете?

– Боюсь, я не слишком хорошо в этом разбираюсь, – немного смутилась Айлин. – Могу только сказать, что мне нужен аромат жасмина. И... вереска! – добавила она, сама не зная почему, но вдруг отчетливо вспомнив нежные объятия Претемнейшей, ее доброту и участие, ласковую и чуточку насмешливую перебранку с мастером Кереном...

Да, ей определенно нужен запах вереска! Чтобы хоть иногда вдыхать его и надеяться, что приемная матушка о ней помнит и любит ее по-прежнему, несмотря на все совершен-

ные непутевой дочерью глупости.

– О, какой изысканный вкус! – искренне восхитился фраганец, блеснув черными яркими глазами. – У нас есть и то, и другое, а если мадам пожелает что-либо, чего нет, мы сочтем величайшим удовольствием составить аромат лично для мадам!

– Цветущий каштан! – вырвалось у Айлин невольно, и она испуганно прикрыла рот ладонью.

Лицо приказчика отразило одновременно восхищение, растерянность, досаду...

– Такого аромата у нас прямо сейчас не имеется, – признал он. – Но месьюр ди Милье... о, мадам, поверьте, он истинный художник и, несомненно, составит для вас духи... Не согласитесь ли вы обождать несколько минут? Месьюр ди Милье непременно пожелает побеседовать с вами! Кстати, вот и шамьет!

Миленькая девица в голубом платье с белоснежным кружевным передником выскользнула с подносом из боковой двери и быстро накрыла столик чуть поодаль от прилавка. Кувшин, исходящий душистым паром, пирожные, белоснежный фарфор с тонкой цветочной росписью...

– Конечно, – растерянно согласилась Айлин и присела на диванчик возле угощения.

Пушок, все это время благовоспитанно сидевший у ее ног, тут же улегся на пол, уткнулся носом в лапы и засопел.

– Цветущий каштан, – повторила подруга, садясь рядом

и глядя вслед скрывшемуся за другой неприметной дверкой приказчику. – Какой необычный выбор...

Айлин молча кивнула. В горле встал горячий колючий ком – до того голос Иоланды сейчас был похож на голос тетушки пять лет назад. Тетушка тогда сказала именно эти слова!

«Я не стану ими пользоваться, – молча поклялась Айлин. – Просто... буду иногда вдыхать, вот и все...»

Иоланда покосилась на нее и принялась преувеличенно громко и старательно щебетать о преимуществах запаха франганских роз над итлийскими. Совершенно другой букет, верно? Шлейф гораздо нежнее, и даже в самый жаркий день уж точно не будешь пахнуть, словно целая клумба, это ведь так вульгаритэ...

– А может, взять лилии? – всерьез задумалась подруга. – Розы слишком модные, у нас в Академии каждая вторая ими пользуется! Еще бы объяснил им кто-нибудь, что не нужно поливать себя духами, словно пирожное – кремом!

И она с аппетитом принялась уплетать корзиночку из песочного теста, полную сваренных в сиропе ягод и взбитых сливок.

Айлин, рассеянно улыбаясь, пригубила шамьет и со вздохом поставила его обратно – слишком сладкий, а пряностей маловато. Как же ей хотелось того шамьета, что варил им в походе Лу! Может, попросить, когда они с Аластором в следующий раз приедут? Конечно, это будет не слишком учти-

во... В гости приезжают не для того, чтобы работать на кухне. Но Лу точно не обидится, а супругу она объяснит, что очень хочется... Вот как в тот раз, когда ей просто до невозможности захотелось грибного супа. И не любого, а тоже именно того, который готовил Лучано. С итлийскими травами, запахом дыма от костра и привкусом копченого сыра... Она попыталась объяснить повару в особняке мужа, что именно хочет, и тот постарался, но... Это было совсем не то! Айлин, конечно, поблагодарила и съела целую тарелку, чтобы не расстраивать мужа, но отдала бы любой изысканный ужин в особняке Бастельеро за несколько глотков самого вкусного на свете бульона, сваренного в котелке над углями...

– Мадам, демуазель...

Высокий худощавый фраганец, появившийся в комнате, согнулся в любезном поклоне. Айлин с Иоландой чинно кивнули, и Иоланда, вмиг позабыв про пирожное, с восторгом отозвалась:

– Месьор ди Милье! Как я рада вас видеть!

– Прекрасная демуазель Иоланда... – Фраганец приложил руку к сердцу и с любопытством посмотрел на Айлин, а затем скользнул взглядом к Пушку, настороженно вскинувшему уши и приоткрывшему один глаз. – Могу ли я просить о чести быть представленным вашей спутнице?

Айлин с удивлением поняла, что мастер-парфюмер – дворянин. Родовое имя с фраганской приставкой, тонкая золо-

тая цепь, небрежно накинутая поверх темного камзола – явно в спешке, осанка и манеры... Но на длинных худощавых пальцах ни одного перстня. Значит, не маг и вообще младшая ветвь.

– Айлин, это месьор ди Милье! – Иоланда указала на фраганца умильно-восторженным взглядом. – Великий мастер тонкого искусства парфюмерии!

Ди Милье снова поклонился, и Айлин едва сдержала улыбку. Больше всего фраганец напоминал оживший циркуль – высокий, тощий, длинноногий и длиннорукий, он казался бы нелепым и смешным, если бы не тонкое лицо с внимательным взглядом умных черных глаз. А еще у месьора ди Милье был просто роскошный нос! Крупный, длинный, тонкий, с прекрасно очерченными ноздрями, которые едва заметно подрагивали, словно месьор постоянно принюхивался ко всему, что его окружало.

– Вы слишком великодушны, демуазель, – улыбнулся фраганец. – Настоящий мастер – мой grandpapa... дедушка! А я его скромный ученик. Но, не боюсь показаться хвастуном, имя ди Милье весьма известно в нашем благородном ремесле!

– Месьор, – церемонно продолжила Иоланда, – моя подруга и соученица – Айлин. Леди Бастельеро, – добавила она, и глаза фраганца на миг расширились.

Он взглянул иначе – остро, пронзительно – и поклонился опять с величайшей почтительностью.

– Мадам, это большая честь, что вы посетили нас. Чем я могу служить прекрасной защитнице нашего мира?

Айлин окончательно смутилась. Конечно, в Дорвенанте про их поход разве что бродячие собаки не знают, но Фрагана... Она не думала, что там следят за новостями настолько, чтобы знать ее имя! А ведь если поразмыслить, то Озерный край как раз на границе, которую демоны вряд ли соблюдали. Значит, фраганцам тоже досталось...

– Мне сказали, вы можете сделать мои любимые духи! – поспешно отозвалась она, чтобы замять неловкую тему. – Цветущий фраганский каштан! Я знаю, что их делают только на заказ и небыстро, но...

– О да, мадам! – Черные, как лужицы расплавленной смолы, глаза фраганца торжествующе блеснули. – Фраганский каштан! Прихотливейший и капризный аромат! Очень требовательный! И к сырью, и к искусству мастера. Крошечная небрежность – и запах неисправимо испортится, утратив свою прелесть. А как он придирчив к той, что будет его носить... Мадам позволит ее руку?

Удивленная Айлин подала руку, и фраганец, резким движением склонившись, обнюхал ее, словно собака. Крылья его носа так и затрепетали, раздуваясь, а кончик почти коснулся запястья.

– Великолепно! – выпрямившись, сообщил парфюмер. – Такая чистая свежесть... Вы совершенно правы, мадам, именно каштан! Тонкий, пряный, горячий... Мой помощник

сказал, что вы заказали еще и вереск? О да, гр-р-рандиозо-о-о... – Он едва не замурыкал огромным длиннолапым котом, миг напомнив Айлин Лучано. – Я сделаю вам аромат, и на вашей коже он будет прекрасен!

Он хлопнул в ладони, и приказчик, вынырнув откуда-то, почтительно поставил на столик три флакона темного стекла.

– Арлезийская золотая и белая фраганская роза для демуазель, – пояснил он. – Вереск для мадам.

Иоланда, схватив свои флаконы, откупорила их разом и втянула воздух сначала над одним, потом над вторым.

– Прелесть какая, – выдохнула она, закрыв глаза от восхищения. – Месьор ди Милье, вы волшебник! А может... Может, еще фрезию? Как вы считаете?!

– Только не для вас, демуазель, – покачал головой парфюмер. – Это слишком яркий запах, он не подойдет вашей нежной красоте и юности. Лет через двадцать – возможно... Да и то... Нет, определенно, это не для вас. Готье, фиалку!

Приказчик испарился и через несколько мгновений вернулся с очередным флаконом. Иоланда осторожно понюхала его и разулыбалась, словно кошка, слопавшая канарейку.

– То, что нужно! – признала она радостно. – Я возьму это и... розы. Оба флакона!

– Прекрасный выбор, демуазель, – чуть склонил голову месьор ди Милье. – А вы, мадам...

Он ловким движением откупорил флакончик и поставил

его перед Айлин. Нежный аромат коснулся ее обоняния, и от воспоминаний защипало в глазах и носу. Нежность, ласка, забота... Тихий уютный островок посреди кошмара... Айлин прикрыла глаза и несколько мгновений просто дышала этим родным запахом, а потом нащупала у себя на поясе небольшую сумочку и, не глядя, достала из нее платок. Тонкий кусочек полотна, расшитого веточками вереска... Единственную память о встрече, которой просто не могло случиться – и все-таки она была.

Она открыла глаза и взяла флакон. Прижала платок к его горлышку и осторожно смочила ткань парой капель бесцветной жидкости. Поднесла к лицу, вдохнула... И напряжение, которое владело ею последние дни, не исчезло, но будто отступило ненадолго, а сил – прибавилось.

– Платок – прекрасное решение, – согласился наблюдающий за ней парфюмер. – Но осмелюсь порекомендовать вам особый миниатюрный флакон...

– Я возьму три, – благодарно улыбнулась Айлин. – Один – себе, и еще два в подарок. Иоланда, какой ты хочешь?

Неприлично, но восторженно взвизгнув, Иоланда кинулась выбирать и через несколько минут мучительных сомнений вернулась именно с тем флаконом-стрекозой, который Айлин для нее присмотрела.

– А вереск тебе подарю я! – заявила подруга. – Любезный Готье, соберите наши покупки! Их мы заберем сейчас, а твой каштан...

– Каштан будет готов через две недели, – подсказал месьюр ди Милье. – Увы, не раньше.

– Я знаю, – вздохнула Айлин. – Мне рассказывали...

И прикусила язык, потому что застарелая боль опять уколола сердце. Может, не стоит себя мучить, напоминая о потерянном счастье?

«Но это всего лишь запах... – умоляюще сказала Айлин самой себе. – Это же ничего не значит, правда? Он сам уже наверняка забыл, что дарил эти духи маленькой девочке пять лет назад, и потом, никто не узнает... Правда ведь?»

Услужливый Готье ловко упаковал бутылочку с вереском и два флакона, перламутровую ракушку для тетушки и хрустальное с позолотой яблоко для нее самой. Второй сверток, побольше, с поклоном вручил Иоланде.

– Прикажете прислать счет в особняк Бастельеро? – осведомился он у Айлин.

– Да, – кивнула она и тут же, снова поддавшись порыву, добавила: – А счет за каштан отправьте моему поверенному в торговый дом Арментрот. Вместе с заказом.

Приказчик понимающе кивнул. Айлин же испытала мгновенный мучительный стыд пополам с упрямством. Конечно, супруг ей не откажет, скупи она хоть всю лавку, но заказывать за его счет духи, которые напомнят ей другого мужчину... Это не просто бесстыдство, а откровенная подлость!

«Я не должна была вообще это делать, – подумала она отчаянно, садясь в экипаж Иоланды. – Я же решила быть ему

хорошей женой... Но не могу, просто не могу отказаться, пусть даже это растравит и так не зажившую рану. Лорду Бастельеро просто не нужно знать об этом, я ведь не стану менее послушной...»

«Менее? – беспощадно возразила она сама себе. – Я обманываю мужа! Встречаюсь без его позволения с другими мужчинами... Конечно, это всего лишь Дарра и Саймон! Лорд Бастельеро и так не отказывает мне во встречах с ними, однако... Именно эта встреча ему точно не понравилась бы! Но я ведь не виновата, что он так ненавидит призраков? Если бы только я была уверена, что он выслушает Морстена... и поможет ему, не развеяв... если бы могла забыть, как он поступил с мэтром Лоу, и доверить ему чужую тайну... Но я не могу! А то, о чем лорд Бастельеро не знает, его и не расстроит, правда же? Я ведь слушаюсь его во всем остальном... И эти духи... У меня так мало своего в этом огромном, холодном, мрачном особняке... Это не измена, просто воспоминание о времени, когда я была счастлива».

– В сады! – услышала она голос Иоланды, и кучер мягко тронул карету.

До боли прикусив изнутри губу, Айлин глядела в окно, узнавая места, которые видела только ночью. Роскошный парк с клумбами, цветочными арками, дорожками... Нет-нет, только не думать! Сегодня у нее здесь дело! Неприятное, печальное дело! С которым следует закончить как можно быстрее!

Почувствовав ее настроение, Иоланда притихла, не мешая Айлин смотреть в окно, а когда экипаж остановился у маленькой нарядной кондитерской, и кучер распахнул дверцу, вышла первой и заботливо подала руку.

– Выпьем по чашке шамьета и поедем домой! – провозгласила она, открывая дверь. – О, какая неожиданная встреча! – Миледи!

Дарра, встав из-за столика у окна, поклонился, и Саймон, вскочив с набитыми щеками, последовал его примеру. Торпливо проглотил все, просиял, заулыбался и на всю кондитерскую провозгласил:

– Айлин, Иоланда! И правда, какая встреча! Прошу к нам за столик! Эй, хозяин, еще шамьета и что пожелают леди!

Айлин только вздохнула про себя. Кондитерская была почти пуста, только у противоположной стены пили шамьет две женщины, одна – нарядная и молодая, вторая – в возрасте, одетая в траурное темное платье и бдительно глядящая по сторонам. На Айлин с Иоландой она тоже посмотрела настороженно, но, убедившись, что вошли достойные дамы, успокоилась. Компаньонка, наверное, кто еще будет настолько пристально следить за приличиями?

– Саймон, займи госпожу Донован беседой, – спокойно попросил Дарра и бросил на Иоланду почти просительный взгляд. – Прошу прощения, сударыня...

– О, не беспокойтесь, милорд Аранвен, – усмехнулась Иоланда. – Я как раз хотела узнать, где подают лучшие пирож-

ные в Дорвенне, а моя бывшая соседка в этом совершенно не разбирается, в отличие от милорда Эддерли! Кстати, лорд Эддерли, не присесть ли нам за соседний столик? Здесь немного тесно, он ведь рассчитан на двоих!

Саймон, кивнув, подал Иоланде руку, и подруга чинно проследовала на середину зала, сев так удачно, что почти закрыла Айлин от любопытных взглядов, которые бросали на их компанию соседки. Зная Иоланду, можно было поклясться, что она сделала это нарочно. А еще, что они с Саймоном сейчас отдадут должное всему, что может предложить заведение. Вот уже и хозяин, пожилой дородный итлиец, спешит из кухни...

Айлин невольно улыбнулась. Как же ей повезло с друзьями! Дарра улыбнулся в ответ – как он делал это обычно, одними уголками губ и потеплевшими глазами, – и негромко спросил:

– Итак, милая Айлин? Чем я могу вам помочь? Ведь я не ошибся, вам нужна помощь?

– Нужна, – так же тихо согласилась Айлин, стараясь держаться как можно беззаботнее на случай, если кто-нибудь посмотрит в их сторону. – Правда, не совсем мне... но это неважно. Дарра, ты помнишь Шона Морстена?

Воздух рядом со столиком заколебался, и призрак возник рядом, как они и договорились при прошлой встрече. С опаской покосился на Пушка, сидящего у ног Айлин, а потом умоляюще сложил перед собой руки. Он был все в

той же обтрепанной одежде и выглядел совсем живым, но Айлин почувствовала холод и легкий запах сырости, словно от прелых листьев, не столько неприятный, сколько тревожный. Пушок немного склонил голову, приглядываясь к призраку, но Айлин уронила ему на загривок ладонь, и пес понял, что его защита не требуется.

– Вы мне поможете, миледи? – просительно проговорил юноша, в глазах которого светились такие надежда и отчаяние, словно он был не бесплотной душой, а самым обычным человеком.

И вот этого несчастного паренька, который годами скитался по Дорвенне в поисках некроманта, способного его услышать, лорд Бастельеро собирался безжалостно развеять?! Даже не узнав, что Кайлу нужно?! Конечно, если бы Айлин попросила, то, возможно... А вдруг нет?!

– Пожалуйста, миледи! – умоляюще добавил Кайл и с испугом покосился теперь уже на Дарру, такого величественного, что рядом с ним юный оборвыш выглядел совершенно жалко. – Скажите ему... скажите, что Шон очень плохой! Он убивает людей за деньги!

– Шон Морстен? Милая Айлин, позвольте спросить, почему вы вспомнили это имя?

– Потому что я... Я вижу призраков, – тихо выдохнула Айлин, немного подавшись к Дарре. – Я не знаю, как это получается, – поспешно добавила она, заметив, как друг с недоумением посмотрел на ее запястья. – Браслеты блоки-

руют магию, лорд Эддерли лично их проверил, но я все равно вижу призраков, это единственное, что осталось от моей силы. И... лорд Эддерли сказал, чтобы я никому не говорила, но...

Она запнулась, понимая, что только что нарушила это строжайшее распоряжение. Приказ наставника, магистра гильдии и человека, которого она бесконечно уважала.

– Он совершенно прав, – несколько мгновений помолчав, негромко ответил Дарра, спокойно глядя ей в глаза. – Милая Айлин, в вашем положении крайне неосторожно рассказывать об этом. Я горд вашим доверием, но присоединяюсь к просьбе лорда Эддерли, пусть о вашем особом таланте больше никто не узнает. Кстати, а лорд Бастельеро...

– Я ему не говорила, – виновато отозвалась Айлин. – Он...

– Я понимаю, – ласково сказал Дарра, и по его губам скользнула быстрая улыбка, словно... эти слова его очень порадовали. – Лорд Бастельеро известен своим... особым отношением к тем, кто переступил черту между жизнью и смертью. Простите, вы начали говорить о Морстене? О погибшем пять лет назад Шоне Морстене?

– Не погибшем! – едва сдерживаясь, чтобы не закричать, выпалила Айлин. – В том-то и дело! Шон Морстен был уверен, что его убьют, и выдал за себя своего брата, профана, который не учился в Академии! А потом сбежал!

Брови Дарры слегка приподнялись, выдавая нешуточное изумление, и Айлин торопливо принялась рассказывать то,

что узнала от Кайла. Как пять лет назад Шон, тогда еще юноша пятнадцати лет, вернулся из Академии на зимние каникулы мрачным и чем-то озабоченным. Как узнал, что Кайл, все это время живший в трущобах, влюбился в милую девушку-соседку, и как предложил ее разыграть – надеть его, Шона, форменную мантию и, прикинувшись собственным братом-магом, выяснить, как девица к нему относится. Как Шон, переодевшись, ушел из дома, а в комнатушку, которую они снимали, ворвались какие-то страшные люди и сотворили то, о чем Кайл говорил с ужасом и дрожью...

Как появились другие люди, тоже страшные, но один из них позвал Шона Морстена, думая, что тело принадлежит ему. И как хотелось Кайлу ответить на этот призыв, рассказав правду, но звали Шона, не его, и бедняга не смог откликнуться. А больше никто не пытался его призвать, потому что никому во всем мире не было дела до мальчишки-профана, нищего сироты, якобы исчезнувшего после смерти брата.

И Кайл, упрямо отказавшийся уйти в Сады, бродил по Дорвенне призраком, иногда навещая брата. За все эти годы Шону то ли не пришло в голову, что его невинная жертва может остаться в этом мире, то ли он был уверен в собственной безнаказанности, но жил мерзавец преспокойно, зарабатывая всякими темными делами...

– Брат-близнец, – задумчиво повторил Дарра, выслушав ее рассказ, оказавшийся удивительно коротким. – Желаящий отомстить за свою смерть... Что ж, весьма понятное

желание. И я готов оказать ему эту услугу. Не удивляйтесь, милая Айлин, но этот юноша не единственная жертва Шона Морстена. Примерно за неделю до своей мнимой гибели Морстен привел в руки убийц еще одного человека. Возможно, вы помните Кирка Донелли?

«Кирк Донелли? Ах да, тихий мальчик с третьего курса, тоже простолюдин, как и Морстен, – и тоже пропавший из Академии, причем самым первым!» – вспомнила Айлин и вздрогнула. То, о чем с таким спокойствием говорил Дарра, было совершенно чудовищным. Отдать убийцам родного брата, а перед тем – еще и брата по гильдии, тоже некроманта! Да за такое... за такое выжигают искру и лишают перстня! А иногда даже казнят...

– Кирка Донелли тоже принесли в жертву Барготу, – невозмутимо продолжил Дарра. – За все это Шон Морстен более чем заслуживает смерти по любым законам, как божественным, так и человеческим. Да, я помогу этому юноше, если он подскажет, где искать его брата.

– Я постараюсь! – выпалил призрак так поспешно, словно боялся, что Дарра передумает. – Там... там все говорят не по-нашему! И одеваются тоже!

– Морстен сбежал в другую страну, – обреченно перевела Айлин, подумав, что это и так было понятно. Убив собрата-мага, хоть и адепта, оставаться в Дорвенанте было бы ужасно глупо! – Но, кажется, Кайл не знает, в какую именно.

– Хм... – Глаза Дарры остро блеснули – как обычно, ко-

гда ему случалось чем-то заинтересоваться. – А как в этой стране обращаются друг к другу знатные господа?

Призрак закивал так, что Айлин на мгновение испугалась – не потеряет ли он голову.

– Да-да, слышал! Мысь... Мысьёры, вот как!

– Он во Фрагане! – выдохнула Айлин, восхищенно взглянув на Дарру.

Все-таки он самый умный из всех ее друзей!

По губам Дарры скользнула легкая удовлетворенная улыбка.

– Что ж, это несколько облегчит поиски. Однако ненадолго... Милая Айлин, возможно, сударь Кайл вспомнит какую-либо особенность места, где живет его брат? Чем необычнее, тем лучше...

– Милорд прямо как в воду смотрит! – восторженно выкрикнул призрак. – Есть, еще как есть необычное! У Шона на доме – девки! – Он перевел взгляд на Айлин и залился краской, с трудом выдавив: – Голые... Каменные девки, миледи, вы не думайте...

– Стены дома украшены статуями обнаженных девушек, – тихо повторила Айлин, тоже почувствовав, что краснеет.

Хотя ведь краснеть совершенно не с чего! Искусство неприличным не бывает!

Дарра едва заметно поморщился.

– Это означает лишь то, что Морстен живет в приличном квартале. Статуи характерны для фраганской архитектуры

последних двух столетий... Что-то еще?

Призрак виновато понурился и помотал головой.

– Река там течет прямо по городу, – безнадежно пробормотал он. – Площадь еще есть. Большая. И тоже с девкой, белой и каменной! Она из змеюки торчит, значит. Змеюка тоже каменная, только черная. Кольцами. А из колец – девка. Но раз милорд говорит, что девки – дело обычное...

– В этом городе есть площадь со статуей – мраморная девушка в кольцах черной змеи... – начала Айлин и осеклась, увидев, как вспыхнули глаза Дарры.

– Фонтан Прекрасной Флоры работы мастера дель Арбицци! Дворцовая площадь Люрезы... Мерзавец неплохо устроился! Но это его и подведет. В таких местах каждый человек на виду.

Дарра хищно улыбнулся, а потом свел перед собой кончики длинных холеных пальцев – признак наивысшего довольства собой, которое Айлин у него замечала.

– Ты поможешь? – спросила она умоляюще. – Кайл не обретет покой, пока этот негодяй не получит воздаяние. И вообще... Мы даже не знаем, сколько людей он успел погубить просто ради заработка! Нельзя же так это оставить...

– Разумеется, я помогу, – отозвался Дарра со спокойной уверенностью, снова опуская ладони на белоснежную скатерть перед собой, и Айлин, в порыве благодарности позабыв о приличиях, протянула руку через столик и накрыла его ладонь своей.

Совсем как раньше, когда они были почти братом и сестрой! Когда адептка Айлин могла, не боясь осуждения, позволить себе такую вольность со своим другом-адептом! Когда все было иначе – чисто, открыто, искренне...

Темно-серые глаза Дарры просияли в ответ так, словно он творил заклинание высшего порядка. Или вдруг стал совершенно счастлив... Смутившись, Айлин отдернула руку, молча выругав себя за неосторожность. Со стороны это выглядит... как свидание, вот! Не хватало еще, чтобы кто-то увидел! Она больше не имеет права вести себя, как безрассудная девчонка!

– Разумеется, я все сделаю, – тихо сказал Дарра, не отрывая от нее взгляда. – Вам не о чем беспокоиться, милая Айлин. И этому юноше – тоже. Полагаю, он сейчас присутствует здесь и слышит нас?

Он проследил за взглядом Айлин, которая невольно покосилась на Морстена, посмотрел на Пушка, повернувшего туда же морду, и на миг понимающе прикрыл глаза.

– Но как? – растерянно спросила Айлин. – Если даже вы его найдете...

– О, пусть вас не тревожат эти мелочи, – безразлично отозвался Дарра, возвращаясь к привычно спокойному тону, и только в его глазах горело темное пламя, непривычное и способное испугать Айлин, если бы это был другой человек. – У службы, которой руководит мой отец, немало возможностей, и я могу воспользоваться ими, не отчитываясь никому, кро-

ме него. А он, я уверен, всецело одобрит торжество правосудия и справедливости. Правильно ли я понимаю, что больше никто не знает?..

– Никто, – покачала головой Айлин. – Я рассказала только тебе...

– Прекрасно, – сказал Дарра, продолжая смотреть на нее лихорадочно горящими глазами, что странно сочетались с его бесстрастным тоном. – Однако мы не убийцы. Шона Морстена ждет суд, и если вы, милая Айлин, согласитесь быть голосом его жертвы... К несчастью, никто из нас не сможет его призвать. Юношу наверняка похоронили в общей могиле для бедных, и найти его останки невозможно, то же касается телесных частиц или личных вещей, а единственный родственник... ну, вы понимаете. Поверьте, если бы я мог, то с радостью избавил бы вас от этого... неприятного дела...

– Нет! – вскрикнула Айлин. – Я... Я должна! Пожалуйста, Дарра! Это и мое дело тоже! Ведь я... Я все еще одна из вас, правда?! Одна из Воронов?! Воронов...

Она осеклась, не в силах выговорить имя мужа, которое столько лет так легко слетало с ее губ, стоило заговорить о Воровах Бастельеро. Она говорила это с гордостью! А теперь... Слишком много всего случилось, что навсегда изменило ее отношение к лорду Бастельеро. Она по-прежнему уважала его! Как прекрасного наставника, как спасителя Дорвенанта, как протектора, заслонившего Дорвенну от демо-

нов... Но любить больше не могла. Какая странная и жестокая усмешка судьбы, что это случилось как раз теперь, когда ее глупая девичья мечта исполнилась, и Грегор Бастельеро оказался у ее ног, влюбленный и преданный. О, как же верно говорят, что нужно бояться своих желаний, ведь боги любят пошутить, исполняя их!

– Вы всегда будете одной из Воронов, милая Айлин.

Улыбка тронула губы Дарры, и Айлин отстраненно заметила, что имя бывшего наставника он тоже не произнес. А в следующий момент Дарра поднялся и поклонился ей, уронив:

– Прошу прощения, миледи, мы вынуждены вас покинуть. Хозяин, счет!

Айлин покосилась на призрак Морстена, который серьезно кивнул ей и снова растворился где-то в пространстве. Тоже встала, сделала реверанс и протянула Дарре руку, которую он с изящной учтивостью поцеловал на прощание.

– Я так и не поздравила тебя с успешным выпуском, – сказала она растерянно. – Тебя и Саймона... Я знаю, что случилось... Наверное, он очень расстроился?

– Неожиданным окончанием Академии? – Дарра опять улыбнулся одними глазами. – Да, это было весьма забавно. Лорд Эддерли совершенно неумолим к его просьбам и утверждает, что двух Эддерли Академия больше не выдержит, а поскольку он пока не собирается оставлять пост главы гильдии, выходка Саймона с экзаменом пришлось весьма

кстати.

– Эй, я все слышу! – возмущенно отозвался Саймон, и Айлин тихонько хихикнула.

Что ж, хоть в этом ничего не меняется. Саймон устраивает шалости, Дарра снисходительно комментирует последствия... Как жаль, что им больше не придется проказничать вдвоем, но... ведь это было неизбежно, правда? Дети вырастают! И все равно они трое останутся друзьями, что бы ни случилось! Саймон и Дарра ей почти как братья, и ничто этого не изменит.

Глава 8

Дела дней прошедших и настоящих

Всю неделю после того злополучного вечера, о котором придворные шептались по углам, с Альсом творилось неладное. Нет, внешне он был совершенно спокоен! Но как Лучано ни пытался вывести его на откровенность, монсиньор отмалчивался и переводил разговор на дела служебные. При этом о приезде Ларци Альс ни слова больше не сказал, словно присутствие во дворце грандмастера Шипов – дело совершенно естественное. «Батюшку» лорда Фарелла со всей учтивостью устроили аж в королевском крыле, так что Лучано без помех мог навещать его в любое время, а канцлер был так любезен, что выделил гостю сопровождение.

Лучано даже занервничал, как мастер отнесется к такой неприкрытой слежке, но Ларци лишь посмеялся и велел передать грандсиньору канцлеру благодарность за честь, оказанную скромному зельевару. «Честь?» – растерянно уточнил Лучано. «Разумеется, честь, идиотто, – ласково и совсем не обидно хмыкнул мастер. – Грандсиньор прекрасно понимает, что работать на его территории я не стану – не по чину, знаешь ли. Но уважение к моим талантам выказывает... Очень достойный человек! Не упускай момента, мальчик мой, учись у него, чему только можно, раз уж судьба сде-

лала тебе такой роскошный подарок!»

После этой короткой беседы мастер с откровенным удовольствием принялся отдыхать от дел. Вместе с Лучано съездил в особняк, одобрительно поцокал языком, глядя на переделки, сокрушенно повздыхал над садом и дал несколько бесценных советов по устройству новой службы. Затем навестил королевскую библиотеку, с интересом полистал трактаты по медицине и алхимии и небрежно вручил ученику список того, что стоит почитать. На языке мастера это слово означало «выучить так, чтобы в любое время дня и ночи цитировать на память с любого же места и уметь применять на практике».

Лучано осмелев, поинтересовался, значит ли это, что он остается в Дорвенне? Потому что времени его оплаченной службы явно мало для изучения примерно трех десятков объемных трудов. Мастер лишь пожал плечами и благодушно заверил, что при необходимости раздобудет для «идиот-то мио» любой из этих трактатов и дома. Посмотрел на помянувшего Лучано и язвительно высказался про умение некоторых юнцов, возомнивших себя великими мастерами, держать лицо.

В промежутке между этими важнейшими занятиями мастер осмотрел Дорвенну и королевский дворец, потискал заглянувшего к нему с визитом вежливости Флориморда и провел пару приятнейших вечеров с сударем Джастином и синьорой Катриной, в высшей степени уместно рассказав им

про детские шалости своего дорогого Фортунато. И камердинер, и кухарка остались в восторге от его обходительности, в свою очередь расхвалили манеры и учтивость лорда Фарелла, а попутно выболтали столько дворцовых тайн, что у Лучано в глазах потемнело, когда он представил, что скажет канцлер. Между прочим, кое-чего из этого он и сам не знал!

– Славные люди, – немного утомленно уронил мастер, когда Лучано варил ему перед сном шамьет с капелькой успокоительного – с возрастом Ларци Смерть-с-улыбкой стал немного хуже спать. – Добрые, честные, преданные. Впрочем, твоего короля и вправду любят многие. Но не все...

Посмотрел на мигом насторожившегося Лучано и хмыкнул:

– Нет, ничего определенного. Просто некоторые идиоты болтают, что мужчине в самом соку следовало взять жену помоложе, чтобы нарожала пяток детей. А женское время королевы на исходе, хорошо, если успеет родить наследника, но плохо, что вряд ли двоих-троих.

– У прошлого короля было трое, – хмуро возразил Лучано. – И что, помогло ему это? Кстати, не припоминаю, чтобы кто-то хвалил законных принцев. Особо дурного про них тоже не говорят, но один не вылезал из-под любой доступной юбки, второй был упрямее норовистого бычка и ума примерно такого же.

– А еще им прочили девиц из Пьячченца, – снова очень небрежно уронил мастер. – Не думаю, что Риккарди бы это

понравилось. Но блистательная Беатрис, как я понял, имела очень мало влияния на первого мужа?

– Меньше, чем мало, – подтвердил Лучано, едва не забыв добавить в шамьет порошок лазурника сонного – разговор становился все любопытнее. – Я бы сказал, что назови ее величество снег белым, его покойное величество немедленно объявил бы его черным.

Ларци задумчиво кивнул. Немного помолчал и так же негромко и рассеянно сказал:

– Грандсиньор канцлер мне представляется умным человеком, терпеливым и осторожным. Человеком, который много лет ухитрялся вычерпывать воду из дырявого корабля своей страны. Нелегкое дело, когда капитан вечно пьян и спесив, а остальная команда тянет снасти всяк в свою сторону. Канцлер же не только держал Дорвенант на плаву, но и не давал совсем уж загнать его ни на мель, ни на скалы. Возможно ли, чтобы он одобрил брак наследника с принцессой Пьячченца, пока королева из рода Риккарди еще жива? Да и вообще – одобрил Пьячченца?

Перед ответом Лучано очень хорошо подумал, а затем качнул головой.

– Вряд ли, – откровенно сказал он. – Переговоры действительно велись. Во всяком случае, во дворце имелся портрет юной Лоренцы, который показывали королю. Но канцлер был откровенно рад браку короля с Беатрис. Старые надежные партнеры, да и характер королевы уже известен... Нет,

грандсеньор канцлер вряд ли стоял за Пьячченца. Я бы скорее поставил на то, что это была изумительная идея покойного короля. Он решил, что если у него две руки, то можно разом доить пару коров, получив и вдвое больше молока. Ну а то, что Пьячченца и Риккарди в принципе не могли ужиться в одном дворце... Так это была не единственная глупость, которую сотворил его величество Малкольм.

Мастер согласно кивнул и вздохнул:

– Как вовремя он погиб в таком случае. Драки Пьячченца с Риккарди Дорвенант мог и не пережить. Гнилое полотно потяни – и оно разлезется на две части! А прогнать из страны обоих – для этого нужно сил и ума побольше, чем нашлось бы у пьяницы. Как же вовремя...

– Вы думаете, мастер?... – медленно начал Лучано.

– Я? – Ларци поднял брови в притворном удивлении. – Да-да, мальчик мой, иногда я думаю и тебе от души это советую. Очень полезное занятие. Опасное, правда, но увлекательное.

Он хмыкнул и перевел разговор на другое. Лучано же не очень понял, к чему все это было сказано, ведь король Малкольм давно мертв, и для Пьячченца дорога в Дорвенант закрыта, но мастер Ларци никогда не тратил время на пустую болтовню, потому и эти его слова Лучано отложил в памяти на полку с пометкой «очень важно!» Но все-таки куда больше прошлых забот его беспокоил Аластор.

Друг и монсеньор вознамерился, кажется, стать самым нежным и заботливым в мире супругом. Намерение похвал-

ное, а вот средства Альс выбрал не самые удачные. Для начала он отменил тренировки с месьором д'Альбрэ и ярлом Ольваром. Следом из привычного распорядка исчезли шамьет в обществе канцлера, и без того недолгие конные прогулки по Дорвенне, занятия верховой ездой с принцессами, не говоря уж о возне с Дани! Аластор со свойственной ему решительностью выбросил из жизни все, что не было совсем уж необходимым, оставив только бесконечные дела и встречи с женой. И королева наверняка поначалу радовалась этому, но душой Беатрис Риккарди не была и вскоре увидела то, что сразу стало ясно Лучано – долго Аластор так не продержится.

Все эти вроде бы лишние пустяки, необязательные забавы и разговоры были для него слишком важны. Именно они давали Альсу силы нести тяжелейшую ношу, которую он на себя взвалил! Лучано пытался поговорить с ним и объяснить, что отказываться от немногих невинных радостей – очень плохая затея, но Альс упрямо отвергал даже мысль о передышке и метался между работой и Беатрис, которой тоже стало не в радость вынужденное внимание мужа. Внешне она, разумеется, выказывала всемерную радость, но к концу недели сама стала намекать, что не будет против, если супруг посетит фехтовальную площадку или съездит к родителям. Однако теперь уже отказывался Аластор, с истинно королевским упорством выискивая все новые возможности побыть с Беатрис.

И потому когда через неделю во дворце появился гранд-синьор Роверстан и, посмотрев на короля, невозмутимо пригласил его на новоселье, Лучано готов был расцеловать разумника без всяких непристойных мыслей! Но Альс, у которого от бесконечной работы аж круги залегли под глазами, заколебался.

– Дункан, я вам очень благодарен за приглашение, – начал он. – Однако...

– Я уверен, ее величество с радостью отпустит вас на один вечер, – добродушно улыбнулся разумник. – Не правда ли?

И он склонился в поклоне перед королевой, которая только что вошла в гостиную мужа – по-домашнему, без доклада.

– О, дорогой, поезжай! – вспыхнула Беатрис, посмотрев на магистра едва ли не с благодарностью. – Право, ты уделяешь мне столько внимания в последние дни!

– А как же вы, моя дорогая? – растерялся Аластор, и Лучано стало его отчаянно жаль – он прямо увидел, как внутренние демоны рвут Альса на части. – Я собирался провести вечер с вами.

– Мне слегка нездоровится, – быстро ответила Беатрис. – Ничего страшного! Я приму ванну, потом почитаю... Поезжайте, ваше величество! Магистр, я буду бесконечно благодарна, если мой дорогой супруг отдохнет как следует.

И она снова милостиво поглядела на Роверстана, протянув ему руку для поцелуя. Почтительно коснувшись губами пальцев Беатрис, разумник выпрямился и уточнил:

– Лорд Фарелл, вас я также прошу о чести. Будет самый близкий круг. Только его величество, вы и наш общий друг месьор Жозеф.

– Месьор д'Альбрэ тоже? – просиял Аластор. – О, конечно, тогда я просто обязан... Только без церемоний, очень вас прошу! – добавил он умоляюще.

– Никаких церемоний, – серьезно согласился Роверстан, и угольно-черные глаза сверкнули загадочно. – Всего лишь маленькая вечеринка в арлезийском стиле! Вино из моего южного поместья, мясо на углях и кальян. Вы любите кальян, ваше величество?

– Никогда не пробовал, – признался Аластор, и лицо у него стало, как у деревенского мальчишки, которого пообещали взять на ярмарку, да еще и полный карман медяков насыпали.

Лучано едва не фыркнул, а потом незаметно взглянул на Беатрис. Вот уж кто умел держать лицо! И все-таки он уловил, как раздражение во взгляде королевы борется с облегчением. Да, Беатрис превосходно знала, что самая крепкая привязь – та, что вяжется из собственных решений, но она же зачастую вызывает гнев, который рождается из слишком тяжелых обязательств.

И все-таки разум и осторожность победили. Беатрис, очаровательно улыбнувшись на прощание, выплыла из гостиной, магистр тоже откланялся, а Лучано задумался, что подарить на новоселье. Вряд ли грандсиньора порадует набор

благовоний или ядов. Артефактная жаровня для варки шамьета? О, ее мастер наверняка завел у себя дома первым делом! Что-нибудь для сада? Для этого нужно время, как и для поисков редкой книги, да и глупо тягаться с библиотекой Ордена и дворца.

– Что ты подаришь, Альс? – спросил он, и друг преспокойно отозвался:

– Выезд, разумеется. Дарить верховую лошадь владельцу такого роскошного арлезийского скакуна попросту глупо. А вот хорошая слаженная четверка с удобным экипажем ни в одном хозяйстве лишними не будут.

Ну еще бы, это же Альс! Для него самое ценное – лошади! Впрочем, подарок и вправду дорогой и практичный.

– Только экипаж надо подобрать в арлезийском вкусе, – задумчиво добавил Аластор. – Там любят все черное... Жаль, Роверстан не пользуется своим гербом, но черный лак с бронзовыми накладками выглядит очень нарядно. А если пожелает, так и герб на дверцы добавить недолго. Хочешь, подарим от нас обоих?

– Благодарю, монсиньор, – улыбнулся Лу, вспомнивший кабинет разумника в Академии. – Но у меня, кажется, появилась другая мысль. Позвольте отлучиться?

Знакомый банкир просьбе ничуть не удивился. Напротив, кажется, был несколько польщен, что его считают способным на любое чудо. Даже добыть за несколько часов марину превосходной работы для истинного знатока. Цена? Ах, ну

что вы! Пусть это будет небольшим подарком в знак дружбы между их торговым домом и синьором Фарелли. Ведь синьор так великодушен, что не забывает своих итлийских друзей... Нет-нет, никаких денег! Но если синьор будет так любезен, что намекнет – только намекнет! – о цели визита некоего мастера...

– Это исключительно частный визит, – невозмутимо сообщил Лучано, про себя потешаясь.

В самом деле, не может ведь он сказать, что мастер Ларци здесь на отдыхе! Гладит королевского кота, пробует блюда на королевской кухне и с упоением копается в королевской же библиотеке. Кто ему поверит?! Всем известно, что гранд-мастера Шипов слишком страшные люди, чтобы заниматься такими пустяками.

– Да-да... – промямлил банкир и вытер платочком вдруг вспотевшую лысину. – Конечно, благородный синьор! Умоляю, не поймите меня неправильно! Дела всем известной гильдии меня никак не касаются! Но если грядут такие перемены, что сам мастер посетил Дорвенант... Знаете, у нас дела с Риккарди, и если...

– Насколько мне известно, – веско уронил Лучано, – визит мастера не касается Риккарди. Впрочем, как и других столь же важных личностей. Мастер просто навещает своего ученика.

И слегка улыбнулся.

– А-а-а... – протянул банкир, и его взгляд вспыхнул по-

ниманием, а потом огромным облегчением. – Прошу, передайте мастеру мое глубочайшее почтение! Марина, говорите? – И он принялся яростно дергать шнурок вызова прислуги, торопливо пообещав: – Не извольте беспокоиться, благородный синьор! Доставят через пару-тройку часов! Нет-нет, что вы! Никаких денег, умоляю!

Разведя руками, Лучано все-таки пообещал оплатить расходы и покинул банк, а через три часа, когда он собирался, во дворец и правда привезли небольшую картину, тщательно упакованную в мягкую ткань. Сгорая от любопытства, Лучано развернул ее и восхищенно ахнул.

Нежнейший розово-палевый рассвет сиял над морем, озаря каменистый берег, сонные волны с жемчужно-белыми шапками пены и стройный маяк, что высился на самом конце узкого мыса, далеко выдающегося в море. Казалось – протяни руку, и почувствуешь свежий ветер, а ноздри ощутят запах соли, йода и еще чего-то неуловимого, манящего... На миг Лучано почувствовал острую жалость – картину не хотелось отдавать! Но тут же пристыдил себя: человек, который спас их на том холме, заслуживает много большего! А подарок и вправду хорош, если его хочется оставить себе. Грандсиньор сможет оценить эту красоту, как мало кто другой. И непременно следует расплатиться с банкиром! Такая роскошь достойна королевского дворца! Где вообще можно было найти подобную прелесть за столько времени?

– О, какая знакомая вещица, – одобрительно сказал ма-

стер, входя в комнату. – «Маяк на мысе Фольгау» кисти Джакомо Рольдиани. Превосходная копия! – Присмотрелся и с удивлением добавил: – Хотя нет, кажется, не копия. Но я всегда полагал, что эта картина висит в галерее Джанталья.

– Ну, видимо, уже не висит, – пробормотал Лучано. – Вряд ли Джанталья теперь до нее есть дело. Мастер, простите, я оставлю вас сегодня вечером? Меня пригласили на вечеринку.

– Развлекайся, мальчик, – снисходительно позволил мастер Ларци. – Надеюсь, там будет интересное общество?

– Его величество, – бесстрастно перечислил Лучано, понимая, что именно этого от него и ждут. – Грандмастер гильдии разумников. Некий бретер, личный наставник короля. И... я.

– И вправду, общество самое изысканное, – медленно сказал Ларци, и его глаза понимающе блеснули. – Что ж, повеселись на славу. Давай-ка помогу завернуть картину, это ведь подарок?

* * *

К дому они подъехали часов в шесть пополудни, причем в том самом экипаже, который Альс решил подарить магистру. Карета, покрытая черным лаком, с блестящими бронзовыми накладками, как и хотел Альс, оказалась удивительно мягкой на ходу. Огонька и Донну вел в поводу лейтенант

Минц, который в этот раз командовал королевским сопровождением, а где-то поблизости привычно скользила пара теней из ведомства канцлера. И все-таки Аластор, сбросив гнет постоянных требований этикета, на глазах воспрянул духом. Он даже оделся проще, чем обычно, в мягкий темно-синий камзол свободного покроя и такие же бриджи без обычных для придворного наряда пряжек, шнурков, строгих выточек и сложных складок. А Лучано только вздохнул про себя с сожалением о тех временах, когда Альс носил кожаную дорожную куртку и штаны, куда лучше подходившие к его бородке и северной прическе из пары заплетенных от висков кос.

Выйдя из остановившейся у ворот кареты, он с интересом окинул взглядом особняк магистра. Точнее, высокий каменный забор, за которым в глубине сада среди деревьев скорее угадывалась, чем виднелась черепичная крыша.

– Кому этот дом принадлежал раньше? – спросил он, помня, что их позвали на новоселье, и видя, что забор не выглядит недавно построенным.

Аластор, тоже покинув экипаж, с интересом оглядывал улочку с выщербленной, но чистой мостовой и тянущиеся с обеих сторон заборы старинных особняков.

– Магистру Морхальту, милорд! – отрапортовал лейтенант Минц. Помрачнел и добавил: – Тому самому...

– О! – отозвался Лучано, припомнив то, что узнал за эти месяцы. – Ну что ж, ему он уже точно без надобности. Хо-

рошо, что дом попал в достойные руки... Грандсиньор!

Ворота распахнулись, и дюжий конюх с рожей арлезийского разбойника вскочил на козлы, указывая кучеру дорогу. Экипаж свернул куда-то вбок, зацокали, отдаляясь, копыта, а магистр, стоя у начала садовой дорожки, поклонился гостям.

– Милорд Роверстан! – улыбнулся ему Аластор. – Это был мой подарок, а вы даже не взглянули!

– О, какое упущение, – развел руками разумник. – Ну ничего, у меня еще будет время рассмотреть его не второпях. Вы ведь наверняка захотите посмотреть мои конюшни... милорд?

Глаза Аластора счастливо блеснули, и он кивнул, принимая обращение, а Лучано едва сдержал восхищенный вздох. Дункан Роверстан не зря говорил про арлезийскую вечеринку! Он даже одет был как арлезиец! Никакого камзола и бриджей, но и форменная белая мантия сегодня оказалась в опале. Вместо этого разумник красовался в свободных черных штанах длиной до щиколоток, белой рубашке и черном жилете с тонкой цветной вышивкой. На его мощной статной фигуре выглядело это так, что у Лучано пересохло во рту, и он поспешно отвел взгляд. Лучше на сад посмотреть – очень интересное зрелище! Главное, безопасное...

– О, а я дома так ходил! – радостно заявил Аластор. – Только без жилета. Это в Арлезе так носят?

– Совершенно верно, милорд, – улыбнулся Роверстан. –

Это традиционный костюм и для дворян, и для престолярства, разница только в ткани и отделке. Еще положен кушак, но это уже будет слишком официально. Все-таки, у нас тут не свадьба, не похороны и даже не дуэль чести. Прошу в дом, милорды! Месьор Жозеф уже приехал.

– Мой подарок! – спохватился Лучано. – Он в карете!

– Я велю принести, – кивнул магистр и повел их по извиливой дорожке, уходящей вглубь сада.

Лучано беззастенчиво вертел головой по сторонам и тихо удивлялся, потому что сад оказался странным. Очень старые деревья чередовались с молодыми, недавно посаженными деревцами, и видно было, что первым много лет не уделяли должного внимания, а недавно подпилили, очистили от мха и омелы, замазали дупла, но все равно через несколько лет придется спилить их целиком, полностью заменив. То же самое и с кустами. Возле дорожки – недавно посаженные, ровно подстриженные, а чем дальше – тем больше диких зарослей, которые не потерпел бы ни один уважающий себя садовник.

– Вас удивляет разница в растениях? – глянув на него, пронизательно заметил магистр. – Тому есть свои причины. Во-первых, я купил этот дом совсем недавно, и сад был ужасно запущенным. Садовник сделал, что мог, но потребуются еще не один год, чтобы привести в порядок все, а не только центральную дорожку. К тому же я собираюсь оставить окраины сада в их первозданном, диком, так сказать, состо-

янии.

– Почему? – удивился Лучано. – Если в саду оставить нетронутые островки, там вырастут сорняки и могут завестись змеи.

– О, к сорнякам я равнодушен, – махнул рукой магистр. – А змеи меня и подавно не пугают. Буду очень удивлен, если хоть одна появится.

И усмехнулся в усы так лукаво, что Лучано принял-ся немедленно умирать от любопытства. Почему? Может, грандсиньор держит охотничьих собак? Бывают такие, что специально натасканы на крыс и змей.

Дорожка тем временем вывела их к небольшому ручью, пересекающему сад. Пологие берега спускались к руслу, выложенному плоскими камушками, прозрачная вода блестела и журчала на мелких перекатах, и Лучано заметил в ней быстрые золотистые росчерки, мелькающие на глубине меньше колена. Дойдя до ручья, дорожка превратилась в мостик, легкий и такой же очаровательный на вид. Полированные поперечные доски настила, ажурные кованые перила, четыре толстых столбика с плоской вершиной, и на одном из них, левом ближнем... Лучано поморгал.

Статуэтка?! И притом изумительной работы! Черно-серый мех прямо как настоящий, каждая полоска и пятнышко выписаны с превосходной тщательностью... Что это, дерево? Крашеный с величайшей искусностью мрамор? Ну не чучело же! В саду чучело неминуемо испортится от первого

же дождя, да и стыдно подозревать магистра в подобном... вульгаритэ. К тому же живых котов такого размера просто не бывает. Лучано сделал еще пару шагов и присмотрелся. Статуэтка огромного кота, украшающая столбик, идеально гармонировала с изогнутым мостиком и округлостью головы, и очертаниями тела... Сидящий кот словно смотрел на воду, где плавали рыбки... Прелесть! Шедевр!

Он сделал еще шаг, и тут статуэтка словно нехотя дернула ухом, повернула голову и глянула на него презрительно-злыми желтыми огнями глаз. Все-таки живой?! Да быть того не может!

В полном ошеломлении Лучано протянул руку... Огромный, черно-серый, пятнисто-полосатый котище предупреждающе оскалился и зашипел.

– Осторожнее, юноша, – хмыкнул магистр. – Мы с Доном Леоном соотечественники. Должно быть, вам известно, что арлезийцы не терпят фамильярности? Понимаю ваши нежные чувства и законный восторг, но поверьте, с моим котом вам повезет еще меньше, чем со мной.

– Туше! – признал Лучано, действительно с восторгом разглядывая кота размером с не крупную собаку. – Но... как? Дон Леон, говорите?! Откуда?! Разве такие вообще бывают?

– Это лесной кот, – чуть снисходительно объяснил магистр. – Точнее, помесь. Полагаю, мать Дона Леона была обычной домашней кошкой, просто очень крупной. А вот отец из благородного племени диких арлезийских котов, ко-

которые водятся в горах. Как Дон Леон попал ко мне, это долгая и весьма грустная история, но теперь вы понимаете, почему я не боюсь ни змей, ни крыс в саду?

– Еще бы, – восхищенно отозвался Лучано, все-таки не оставляя попыток подобраться к невероятному коту. – С таким-то стражем... А рыбок он не ловит?

– Еще как ловит, – кивнул магистр. – И птичек тоже. И вообще, Дон Леон считает законной добычей все, что не может поймать и съесть его самого. Домашнюю еду он презирует, разве что иногда соглашается выпить немного молока, поэтому я кормлю его живыми цыплятами и кроликами. Просто выпускаю их в сад, а Дон Леон уже сам охотится по необходимости.

– Вот это котище! – с уважением признал Аластор и поклонился вышедшему к ним навстречу фраганцу. – Месьор д'Альбрэ, мое почтение! А вы это видели? – кивнул он на кота, который, не смущаясь всеобщим вниманием, задрал лапу и начал вылизываться. – Знаете, я начинаю завидовать! Арлезийский кот! Арлезийский жеребец! И оба такие... такие...

– Ну, ваше величество! – посмеиваясь, отозвался Роверстан. – Зато у вас имеется арлезийский советник! И, пожалуй, не меньшего размера. Хотя, поверьте мне как разумнику, размер не всегда главное.

Переглянувшись, они с Аластором хохотнули, а Лучано, подхватывая этот общий восхитительно шуточный тон, воз-

разил:

– Знаете, грандсиньор, хорошо вам с его величеством рассуждать насчет размеров. Когда лично у вас они такие, как-то легче смириться, что не в росте и ширине плеч счастье!

Аластор снова польщенно заулыбался, а фраганец с ехидством откликнулся в свою очередь:

– Ну не знаю, милорд Фарелл. Мне лично рост никогда не мешал дотянуться куда угодно. Может, дело не только в нем?..

Лучано не ответил. Он уже почти подобрался к коту, азартно намереваясь его погладить, пока тот занят наведением чистоты. Но кот в последнее мгновение тугой пружиной развернулся, рванул когтистой лапой воздух прямо рядом с его рукой и, пока Лучано отшатнулся, черно-серой молнией соскочил со столбика. Длинным прыжком слетел на песчаный берег, так же быстро сунул лапу в воду. Миг – на когтях затрепыхалась рыбешка в два пальца длиной! Со снисходительным презрением глянув на людей, Дон Леон цапнул ее зубами и метнулся в кусты.

– Я же говорил, – укоризненно покачал головой магистр. – Могли так легко и не отделаться.

Лучано, восхищенно провожая кота взглядом, про себя согласился. Зверюга такого размера способна когтями горло распороть! Но каков красавец! Вот бы завести!

– Даже не думай, – вполголоса насмешливо предупредил его Аластор. – У тебя на лице все написано! Хватит нам ено-

та! И Флориморда!

– К тому же лесных котов дома не держат, – добавил разумник. – Дон Леон – редкое исключение из этого правила.

Продолжая разговаривать, они перешли мостик, прошли по саду, где Лучано мельком оценил изумительные золотые арлезийские розы, и вышли к особняку. Большой двухэтажный дом так же, как сад, нес следы недавнего капитального ремонта, но это его не портило. Напротив, старинная кладка массивных стен приятно сочеталась со свежей черепицей и краской на новых оконных рамах и дверях.

– За домом есть терраса, – сказал магистр. – Она выходит в ухоженную часть сада, но ее я покажу чуть позже. А пока не угодно ли проследовать в гостиную?

Он первым по праву хозяина поднялся на нарядное крыльцо с широкими перилами и ажурными столбиками работы явно того же мастера, который делал мостик. Словно по волшебству, дверь распахнулась, и высколенный дворецкий, поклонившись, повел их через холл. Вслед за остальными Лучано прошел в просторную гостиную, обставленную тоже по-арлезийски. Низкие диваны у стен, столики с гнутыми ножками, на полу – великолепный ковер самых разных оттенков шамьета – от очень темных, до почти молочных, на стенах развешано оружие. Лучано заметил знакомые сабли, которые покинули кабинет в Академии... Кальян, книжная полка с потертой позолотой корешков... А вот в тот проем между окнами чудно впишется принесенная им марина, ес-

ли хозяин пожелает!

Он заметил, что Альс тоже с восторгом разглядывает обстановку, и искренне порадовался: другу давно пора отвлечься!

– Как у вас уютно, – одобрительно заметил фраганец. – Хм, а вон те рапиры довольно старые, не так ли?

– Начало прошлого века, – подтвердил разумник. – Лезвие тогда делали шире и тяжелее. Ваш подарок, дорогой Жозеф, займет на этой стене достойное место, – кивнул он на небольшую, но тщательно подобранную коллекцию оружия, висящую над диваном.

Ага, значит, синьор бретер подарил рапиры? Или сабли? В любом случае, Лучано не отказался бы посмотреть на них поближе, но тут дверь распахнулась, и в комнату, держа перед собой поднос, уставленный какими-то лакомствами, скользнула смуглая черноволосая женщина, при виде которой Лучано замер от изумления.

Высокая – не как грандсиньора Немайн, но не ниже его самого! – она несла тяжелый поднос так, словно тот вовсе ничего не весил, и двигалась с плавной хищной грацией – в точности как кошка, что подкрадывается к зазевавшейся птичке. Одета женщина была самым странным образом – в рубаху из алого шелка, богато расшитую золотой канителью и мелкими стеклянными бусинами, золотыми и черными. Длиной рубаха была до середины лодыжек, без пояса, зато с широкими рукавами. При каждом шаге женщины подол руба-

хи колыхался, показывая черные нижние... штаны? Точно, штаны! Тоже широкие, но схваченные у щиколоток алыми же шелковыми ленточками.

Поразившись причудливому наряду, Лучано перевел взгляд на лицо женщины и в этот раз не сдержал восхищенного вздоха, таким неистовым огнем горели ее глаза – бездонные и темные, как ночь, огромные и кажущиеся еще больше от обводящей их черной краски. Интересно, что это? О, в Итлии дамы часто подкрашивают ресницы, а порой и брови, особенно если природа не озаботилась подарить им достаточно темноты, но краску для обведения глаз Лучано видел впервые!

«Она должна быть необыкновенно стойкой, – мелькнула у него поразительно неуместная сейчас мысль. – Ни одна женщина не нанесет на себя краску, которая может растечься в самый неподходящий момент! Стало быть, эта не растекается? Что угодно за рецепт!»

Кожа женщины была куда темнее, чем у грандсиньора Дункана – словно дягилевый мед, любимый мастером Ларци за исключительную душистость. Две длинные смоляные косы струились по плечам, и Лучано оценил ухоженный блеск волос.

Женщина скользнула ближе и тем же плавным движением опустилась на колени. При этом ни одно блюдо на подносе даже не вздрогнуло, и Лучано молча восхитился.

– Доброго дня, Амина, – невозмутимо сказал магистр в

полном молчании. – Познакомься с моими гостями. Господа, это Амина, моя экономка.

Женщина подняла глаза, которые полыхнули возмущенным огнем. Чуть вскинула широкие густые брови, красиво изогнутые, но почти сросшиеся на переносице, и обиженно сказала:

– Зачем такое обидное слово? Амина – ваша рабыня, мой господин.

Глава 9

Особенности арлезийских вечеринок

– Рабыня? – растерянно повторил Альс, пока Лучано, чуть прикусив изнутри губу, чтобы не ляпнуть ничего лишнего, разглядывал красавицу. – Но в Дорвенанте нет рабства! Магистр?!

Он изумленно и возмущенно посмотрел на Роверстана, который лишь усмехнулся и пожал плечами.

– Поверьте, милорд, я пытался ей это объяснить, – весело сказал разумник, пока экономка, бросая на них любопытные взгляды из-под роскошных ресниц, накрывала на стол. – И даже дать свободу. Но...

Он развел руками. Лучано про себя тоже усмехнулся. Какая женщина по доброй воле уйдет от такого господина? Уж на кого-кого, а на забитую бесправную рабыню Амина точно не похожа. Экономка?! Да на ней золота больше, чем наберется у иной дворянской семьи! И до чего хороша... Как бы все-таки узнать у нее рецепт этой краски? Или адрес торговца – с ним бы он точно договорился.

Тем временем Амина грациозно поднялась с пустым подносом и что-то спросила у магистра на совершенно незнакомом Лучано языке, гортанном, тягучем, с раскатистыми

рычащими звуками. На миг задумавшись, разумник ответил легким кивком, и женщина просияв улыбкой, торопливо выскочила за дверь.

– Она спросила, можно ли ей танцевать перед гостями, – так же добродушно усмехаясь, перевел Роверстан. – Надеюсь, вы не против, милорды? Поверьте, мауритские танцы стоит посмотреть, и Амина в них очень искусна.

Мауритка! Так вот почему она такая... странная! Лучано только слышал об этом загадочном народе, живущем в Арлезийской пустыне, но никогда их не видел, и сейчас жгучее любопытство захлестнуло его с головой. Похоже, и Альс разволновался, его глаза сверкнули азартом. Только фраганец остался совершенно невозмутим, но его, похоже, вообще трудно было удивить.

– Мауритка? – повторил друг и монсиньор то, что Лучано лишь подумал. – А как... Откуда?..

– О, это не очень приятная история, – вздохнул разумник и потянулся за вином. – Белое, красное?

– Мне того, что послаще, – попросил Аластор, и магистр наполнил его бокал густым рубиновым тоскаро, действительно сладким, но не очень крепким, как раз во вкусе Альса.

– Вам, Жозеф, как обычно? – уточнил он.

Фраганец кивнул, и Роверстан взял другую бутылку. Лучано гордился своим умением по запаху распознать любое вино, будь оно итлийским, фраганским или арлезийским, но

это встретил впервые. Светло-золотистая прозрачная жидкость превратила бокал в огромный топаз, а запах... Начальные ноты повеяли апельсином, оттененным бархатной сладостью ванили и тонкой нежностью лимонной травы. На их фоне богато и ярко раскрылся собственный аромат роскошной белой лозы с едва заметным ореховым привкусом.

– Какой букет! – восхищенно произнес Лучано. – Откуда эта прелесть?

– Не можете определить? – понимающе улыбнулся разумник. – Должно быть, прежде оно вам не попадалось. Это «Золотая вуаль», один из трех сортов, которые делают в моем арлезийском поместье. Собственно, само поместье и называется Вуалью, а вино уже зовется «Золотой», «Черной» и «Рубиновой вуалью», смотря по сорту винограда. Лозы для красного растут в горах, а белое с равнин. Я недавно велел заложить еще один сорт – «Белую вуаль», и примерно через год мы ее попробуем.

– Позволишь? – Альс попробовал вино из бокала Лучано и с некоторым сомнением протянул: – Вку-у-усно... только все равно кислое. Может, в него меду положить?

Лучано едва не поперхнулся от такого чудовищного предложения, а фраганец горестно вздохнул и сообщил:

– Все-таки вы варвар, юноша. Портить такой шедевр медом?! Пейте свое тоскаро, не покушайтесь на святое.

– Ну и ладно, мне больше достанется, – ухмыльнулся ничуть не обиженный Альс. – Ваше здоровье, милорды! – Он

отсалютовал всем бокалом, немного отпил и с интересом пригляделся к сладостям и закускам. – Хм... это что?

– Сушеные абрикосы, – пояснил Роверстан. – Попробуйте, вам должно понравиться. Хотя лично я предпочитаю вино с фраганским сыром.

– Сыр? Он же...

Прекрасно воспитанный Альс проглотил рвущееся возмущение и только поднял на магистра ошалелый взгляд. Лучано едва удержался, чтобы не хихикнуть, и подцепил серебряной вилочкой ломтик великолепного козьего сыра с прожилками голубой плесени. Точно – варвар! Хоть и король. Положил в рот, на миг прикрыл глаза от наслаждения, смакуя легкую изысканную горечь... Глянул на Альса и сочувственно предложил:

– Попробуй хотя бы, это очень вкусно!

– Нет-нет, и не упрашивай! – Друг с ужасом замотал головой. – Наверное, для этого надо родиться на юге! Я лучше вот – колбаски! И сыра, только приличного, не этого вашего!

Лучано только вздохнул, а еще два южанина обменялись веселыми понимающими взглядами, наблюдая, как Альс уплетает рулетики из ветчины, буженину и ломтики самого обычного сыра. Абрикосы, впрочем, ему тоже понравились. Первый Альс брал не без опаски, но потом распробовал. Роверстан с фраганцем невозмутимо отдали должное сыру с плесенью, потом копченым мидиям, на которые алчно поглядывал и сам Лучано...

– А все-таки, милорд Роверстан, простите за нескромность, но Амина...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.